

Э(47)
И 88

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ УРАЛА

ВЫПУСК II

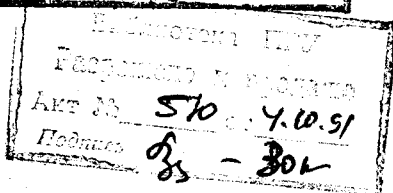
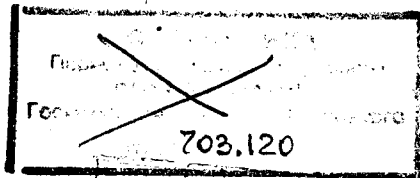
ПЕРМЬ — 1972

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
ПЕРМСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. М. ГОРЬКОГО

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ № 298

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ УРАЛА

ВЫПУСК II

ПЕРМЬ — 1972

Настоящий сборник представляет собой труды научных работников кафедры истории СССР досоветского периода Пермского государственного университета им. А. М. Горького. Публикуемые работы посвящены различным вопросам истории Урала в дооктябрьский период. Проблемы местной истории рассматриваются авторами как часть общерусских процессов с учетом специфических особенностей Уральского региона.

Новые материалы о характере закрепления горнозаводских кадров на Урале в I половине XVIII века содержит работа А. С. Черкасовой. Специфика промышленного переворота в золотодобывающей промышленности Урала раскрывается в статье В. В. Мухина. Л. А. Трефилова рассматривает дискуссионную проблему поземельного устройства горнозаводского населения посессионных заводов Пермской губернии. Эволюция крестьянского хозяйства Урала в пореформенную эпоху исследуется М. И. Чернышом.

Революционное движение нашло отражение в двух статьях сборника. На основе анализа эпистолярного наследия М. Д. Муравского, выдающегося деятеля революционно-демократического движения, С. А. Орлова восстанавливает некоторые стороны процесса консолидации революционных сил в период создания «Земли и воли» 1860-х годов. Малоизученной теме посвящена статья Я. Б. Рабиновича «Революционная пропаганда среди рабочих Урала в 70—80 годы XIX века».

Новые данные о развитии театральной культуры Прикамья содержатся в статье П. А. Огибенина об Ильинском театре.

Редакционная коллегия

*Г. М. Алпатова, Ф. С. Горовой, И. С. Капцугович,
Л. Е. Кертман, К. С. Маханек, В. А. Оборин, В. Т. Сиротенко.*
Ответственный редактор выпуска — *К. С. Маханек.*

А. С. Черкасова

О ХАРАКТЕРЕ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ГОРНОЗАВОДСКИХ КАДРОВ НА УРАЛЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

В комплексе проблем социально-экономического развития России XVIII столетия немаловажное место отводится исследованию вопроса о кадрах русской мануфактуры.

Существует мнение, что закрепление горнозаводских кадров, осуществлявшееся правительством в I половине XVIII в., привело к закреплению основной части горнозаводского населения. Историю прикрепления рабочих к заводам Н. И. Павленко сравнивает по длительности и сложности с процессом прикрепления крестьян к земле, проводя аналогию между Уложением 1649 г. и указами 1721 и 1736 гг.¹

А. М. Панкратова полагала, что уже в начале XVIII в. на Урале преобладал принудительный труд². По мнению Н. И. Павленко, принудительный труд стал господствующим на казенных мануфактурах ко времени проведения II ревизии. Социально-экономическая природа частных мануфактур была сложнее, в них «сочетались элементы феодальных и капиталистических отношений... В целом, однако, и на частных предприятиях преобладал принудительный труд»³.

Относительно характера труда квалифицированных рабочих мнение историков едино. Считается, что казенные мастеровые, присланные правительством «по указу» на Уральские заводы, с самого начала работали принудительно⁴. Однако присланные «по указу» мастеровые составляли лишь часть квалифицированных кадров. Обучение заводскому мастерству проходило непосредственно на уральских мануфактурах, и среди обученных были люди, добровольно пришедшие на

¹ Н. И. Павленко. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века. М., 1953, стр. 351.

² А. М. Панкратова. Формирование пролетариата в России. М., 1963, стр. 288.

³ Н. И. Павленко. Указ. соч., стр. 227, 354, 362, 400—402.

⁴ Там же, стр. 227; А. М. Панкратова. Указ. соч., стр. 285, 288, 291.

заводы из разных районов страны. Желая закрепить эти кадры за заводами, правительство издает соответствующие указы. Особую роль в закреплении основного ядра квалифицированных кадров большинство историков приписывают указу 1736 г., который навечно прикрепил обученных мастеровых людей к заводам, тем самым якобы превратив их в крепостных.

Вопрос о юридическом статусе остальных «пришлых» решается исследователями по-разному. Поскольку «пришлые» составляли значительную долю в составе кадров казенных и подавляющее большинство в составе кадров частных мануфактур⁵, очень важно определить их правовое положение.

Какие мнения существуют в нашей литературе?

А. М. Панкратова и Н. И. Павленко фактически отождествляют «пришлых» с беглыми, и на этом основании указы, касающиеся беглых, распространяются ими с некоторыми оговорками на «пришлых» людей⁶. Н. И. Павленко полагает, что люди, добровольно пришедшие на заводы, «находились на положении вольнонаемных ограниченное время, т. е. до проведения по инициативе заводовладельца или горной администрации очередной переписи рабочих», а будучи приписанными к заводам, они составляли огромную армию принудительного труда, в создании которой «громкая роль принадлежала дворянскому государству»⁷.

В. Я. Кривоногов, указывая на широкое применение вольнонаемного труда в горнозаводской промышленности Урала, тем не менее считает, что прикрепление «пришлого люда» к заводам «навечно» означало для них переход «из полусвободного состояния на положение крепостных заводладельцев»⁸.

Высказывались и другие мнения по этому вопросу. Так, С. Г. Струмилин, отмечая неопределенность социального статуса «пришлых», не отождествляет их с беглыми и не считает, что приписка их к заводам означала полное закрепощение⁹.

А. Г. Козлов, изучив положение и состав рабочих кадров казенной горнозаводской промышленности Урала, пришел к выводу, что «закрепление государственных крестьян в каче-

⁵ А. С. Черкасова. Ревизские сказки как источник по истории формирования горнозаводского населения. Уральский археографический ежегодник за 1970 год, Пермь, 1971, стр. 80, 85.

⁶ А. М. Панкратова. Указ. соч., стр. 446; Н. И. Павленко. Указ. соч., стр. 377.

⁷ Н. И. Павленко. Указ. соч., стр. 380, 400.

⁸ В. Я. Кривоногов. Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в XVIII в. Свердловск, 1959, стр. 39.

⁹ С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР, т. I. М., 1954, стр. 302—303.

стве рабочих при казенных заводах не означало их закрепощения, хотя и обнаруживало признаки сходства их положения с положением крепостных людей». Он считает, что «государственные крестьяне — юридически люди лично свободные, обладающие определенными, в условиях времени, гражданскими правами... К заводским работам... привлекались путем регламентированного государственного закрепления, принуждения, носившего определенные феодальные черты»¹⁰. К сожалению, автор не останавливается более подробно на этом вопросе.

Думается, что для уяснения характера закрепления горнозаводских кадров следует рассмотреть вопрос о роли в нем правительственных указов I половины XVIII в.

В связи с этим важно выяснить следующее:

1) На какую категорию горнозаводского населения¹¹ распространялись данные указы правительства?

2) Каков удельный вес подуказной категории в общем количестве горнозаводского населения?

3) Как повлияли данные указы на характер взаимоотношений подуказной части населения с заводскими и заводскими властями?

4) Вели ли они к изменению величины подушных платежей, поскольку крепостные платили подушную подать в меньшем размере, чем государственные крестьяне?

В настоящей статье мы попытаемся ответить на некоторые из этих вопросов, привлекая, кроме законодательных материалов, данные переписей горнозаводского населения, документы заводской администрации, а также челобитные мастеровых и работных людей. В совокупности все эти материалы дают более точное представление о содержании и результатах действия правительственных указов I половины XVIII столетия. Очень часто можно встретить изложение содержания указов и их толкование на основе заводской документации, без учета того, в чьих интересах давалось данное толкование. Сопоставление же ряда источников и особенно проверка их данными ревизий заводского населения позволяют внести существенные коррективы в интересующий нас вопрос.

Как известно, некоторые историки большое значение во внедрении принудительного труда на мануфактурах Урала придают указу 18 января 1721 г., разрешавшему заводчикам покупать крепостных крестьян и перевозить их на свои заводы. По их мнению, благодаря этому указу принудительный

¹⁰ А. Г. Козлов. Казенная промышленность Урала XVIII — начала XIX вв. Сб. «Вопросы истории Урала». Вып. II, Свердловск, 1971, стр. 22.

¹¹ Здесь и везде под этим термином мы будем иметь в виду людей, проживающих непосредственно вблизи завода (а не приписных крестьян).

труд уже к концу I четверти XVIII в. стал играть значительную роль в системе организации труда горнозаводской промышленности Урала. Больше того, А. М. Панкратова и Н. И. Павленко утверждают, что покупка крепостных и переселение их на уральские заводы практиковались заводчиками в широких масштабах и до этого указа. Ими приводится факт покупки П. Демидовым в 1720 г. у графа Н. Ф. Головина села Фокина в Нижегородском уезде с 2688 душами крепостных, которые были якобы вывезены на Невьянский завод¹². Однако факт вывоза этих крестьян вызывает серьезные сомнения. Материалы I и II ревизий свидетельствуют, что процент крепостных на Демидовских заводах в течение всей I половины XVIII столетия был невелик. По I ревизии в Невьянском заводе крепостные составляли 6,6% (33 д. м. п.) учтенного населения, а в Н.-Тагильском по II ревизии — 8% (124 д. м. п.)¹³. Даже к моменту раздела владений Акинфия Демидова между сыновьями (1757—1759 гг.) на всех его уральских заводах с деревнями насчитывалось, по данным заводских контор, 2451 крепостной, из них при Невьянском заводе — 1049, а при Нижнетагильском и Выйском заводах всего 162 души¹⁴. Все остальные жители поселков отнесены к разряду приписных (соответственно 2413 д. м. п. и 1913). Кто же эти приписные? В данном случае это не крестьяне приписанных к заводам деревень, а люди, живущие в заводских поселках. Путем приписки государство закрепляло кадры при горнозаводской мануфактуре, однако ставит знак равенства между закреплением и закрепощением нет оснований¹⁵.

Первая приписка, как известно, произошла еще в период передачи Невьянского завода Никите Демидову. Ссылка на выполнение государственных заказов по изготовлению оружия и боеприпасов позволила ему добиться того, чтобы при заводе были оставлены казенные мастеровые, присланные из Тульской оружейной слободы и центральных казенных заводов. Историки, как уже отмечалось, безоговорочно относят казенных мастеровых, присланных на заводы «по указу», к разряду людей, работающих по принуждению. Такое мнение

¹² А. М. Панкратова. Формирование пролетариата в России, стр. 290; Н. И. Павленко. Указ. соч., стр. 390.

¹³ См. статью автора «Ревизские сказки как источник по истории формирования горнозаводского населения». Уральский археографический ежегодник за 1970 год. Пермь, 1970, стр. 82—83.

¹⁴ Государственный архив Пермской области (в дальнейшем ГАПО), фонд Пермского губернского правления (36), оп. 1, д. 189, лл. 102—118.

¹⁵ Того же мнения придерживается А. Г. Козлов в статье «К вопросу о составе и численности рабочих кадров на казенных предприятиях Урала в середине XVIII в.» «Вопросы истории Урала», вып. 9, Свердловск, 1969, стр. 7—14.

кажется нам неправильным. Думается, что отправка казенных мастеровых с центральных заводов на уральские с юридической точки зрения не означала их закрепощения, а была своего рода служебным переводом. Не случайно сами мастеровые рассматривали свою работу как дело государственной важности (для обороны страны). Например, пушечный мастер Невьянского завода Никита Пантелеев Каргашин говорит о себе в сказке 1722 г., что он государственный человек, уроженец г. Москвы, мастер пушечного литейного двора, взят на завод по указу и работает за «государево указное жалованье», какое ему шло и на пушечном дворе в Москве¹⁶. Якорный мастер Иван Федоров сказал о себе, что он уроженец Нижнего Новгорода, откуда был взят в Санкт-Петербург по указу и затем прислан на завод «для якорного дела», где и работает. Получает помесياًчно «государево жалованье»¹⁷. Каменщик Иван Савин Нарепов (фамилия неразборчива) родом из г. Хлынова назвал себя государственным каменщиком, взятым «по указу в Верхотурье к городовому делу в 1700 г., а как город построили сошел на завод и работает по найму»¹⁸.

Последняя сказка интересна тем, что свидетельствует о свободе передвижения людей, взятых по указам для государственных работ. После их окончания работник мог уйти. Так, по крайней мере, было с юридической точки зрения. Другое дело, что заводчики не останавливались перед насильственным удержанием нужных им специалистов. Для нас же важно подчеркнуть, что работающие по указам считали себя и были в действительности юридически свободными людьми, получавшими «государево жалованье».

В подтверждение нашей точки зрения приведем следующий любопытный факт. В ходе расследования волнений 1762—1763 гг. на демидовских заводах князь Вяземский признал всех людей, записанных в перепись 1722 г., государственными крестьянами, обязанными отрабатывать на заводе лишь подушный оклад. Поэтому он потребовал от заводской конторы список людей, зарегистрированных при заводе еще в ревизию 1722 г. Характерно, что в этом списке, составленном заводской администрацией, оказались не только добровольно пришедшие на завод и приписанные в I ревизию, но и потомки казенных мастеровых, «данных по указам» еще в период строительства заводов! По нашим неполным данным, таких оказалось 6 семей из 35 указанных в списке¹⁹. Среди них, например, потомки плотника Иева Леонтьева Балакина,

¹⁶ ЦГАДА, фонд Берг-коллегии (271), оп. 1, д. 1394, л. 267.

¹⁷ Там же, л. 270.

¹⁸ Там же, л. 271.

¹⁹ ГАПО, ф. 36, оп. 1, д. 184, лл. 132—136.

присланного по указу в 1702 г. из Невьянской слободы, потомки тульского молотового мастера Терентия Константинова Терехова, взятого по указу в том же году, и др. Позднее заводские люди писали в прошениях, что их деды работали на заводе Демидова лишь потому, что на заводчиков были возложены военные поставки для армии и флота. В 1779 г. поставки были сняты, и заводские люди подняли вопрос об отчислении их от заводов²⁰.

Все это не позволяет безоговорочно включать данную категорию заводского населения в разряд людей, работающих на заводе по принуждению наравне с крепостными уже в I половине XVIII в.

Следующая приписка состоялась в период проведения I ревизии. 15 марта 1722 г. вышел именной указ о переписи всех заводских людей с указанием их происхождения и прежнего места жительства. Кроме того, указом запрещалось отсылать беглых людей с заводов. Всего в Сибирской губернии по I ревизии на соляных промыслах и на заводах было учтено 5389 д. м. п. «разных губерний всякого чина людей..., которые расспросами показали, что... они... работают всякую работу, переходя с завода на завод, а домов не имеют, а живут по заводским избам человек по 300 и по 200... Вышеозначенные люди не крепостные, а которые и крепостные, и те из тех губерний сошли в давних годах». Пришлых разрешено было поселить при казенных заводах и записать в подушный оклад²¹.

Заводчики также могли оставить у себя беглых, крепостных, обучившихся на заводах мастерству, заплатив за них помещику 50 руб.²² В разряд беглых мы безоговорочно можем отнести лишь тех, чье происхождение неизвестно, а таковых, по данным ревизии, немного. Поэтому указ 18 июля 1722 г. не мог повлиять на положение большинства жителей заводского селения.

Например, Невьянскому заводу было приписано свыше 800 д. м. п., а по всем Демидовским заводам — около 2 тыс. душ²³. Все эти люди должны были работать только за подушный оклад, но в то время, по-видимому, даже это требование соблюдалось не строго, так как заинтересованные в удержании на своих заводах рабочих Демидовы обращались с ними как вольнонаемными, не фиксируя внимания на негативных сторонах приписки к заводам. Недаром потомки этих людей оспаривали право заводчика на их труд. Они утверж-

²⁰ Там же, д. 189, л. 83.

²¹ ПСЗ, т. VII, № 4699.

²² ПСЗ, т. VII, №№ 4145 и 4533.

²³ ГАПО, ф. 36, оп. 1, д. 189, л. 83.

дали, что в перепись 1722 г. «мастеровыми показала контора по своему проjektу, но кто их и когда в сей род отдал, на то никакого повеления нет...обращались же в молотовой работе не по приписке, а по своему желанию и плату получали не такую, как заводская контора показывает, будто бы против казенных заводов, а с превосходством, но многим из них от работы сей отказывали в разные времена, так как вольным...»²⁴.

Если учесть сравнительно слабую заселенность Урала, отдаленность центральных властей и практическую невозможность строгого надзора за проживающим в заводах населением, то станет ясно, что одних принудительных методов было недостаточно, для того чтобы удержать эту массу людей при заводах. Поэтому заводчики должны были прибегать и к другим способам привлечения людей «всякого чина». В прошении 1763 г., поданном на имя Н. А. Демидова, нижнетагильские жители напомнили, что раньше «работы полагались вольготно», не было рекрутских сборов и расходов на угощение приезжего начальства, на квартиры и прочее, поэтому они «находились при заводах благополучно и как в прежнюю, так и во вторую ревизию, и прочие переписи вписывались чрез довольные от себя издержки (разрядка наша. — А. Ч.) желая дирекции такого великодушного господина и содержателя быть», поэтому «заводы ваши наполнились народом и час от часу фабрики и ремесла преуспевали действием...»²⁵. Это высказывание чрезвычайно интересно. Оно говорит о том, что заводчик не всегда действовал только грубой силой, но и находил способы сделать приписку к заводам пришлых людей привлекательной. Так 18 июля 1738 г. А. Демидовым был послан в Нижнетагильскую контору ордер, в котором давались распоряжения относительно пришлых людей, не приписанных еще к заводам. Заводчик интересовался, какую работу выполняют эти люди на заводе «и надежны ли впредь в работах быть и жить при оных заводах желают ли и буде желают, то подушный оклад сами ль за себя будут... платить или нашими заводскими работами будут зарабатывать...»²⁶. Как видим, пришлые добровольно приписывались для платежа подушных денег и могли либо отработать их на заводе, либо платить деньгами.

²⁴ ГАПО, фонд Исторического архива Пермской губернской ученой архивной комиссии (297), оп. 2, д. 1074, л. 4.

²⁵ Нижнетагильский филиал Государственного архива Свердловской области (в дальнейшем НТФ ГАСО), фонд Главного Управления Нижнетагильских и Луньевских заводов наследников Демидова (10), оп. 1, дд. 97, 112.

²⁶ ЦГАДА, фонд Демидовых (1267), оп. 1, д. 609, л. 38.

Письмо заводчика предполагает даже известную свободу выбора. В совокупности с достаточно широким выбором занятий, который имелся в горнозаводских центрах, это, несомненно, привлекало пришлых людей для поселения при заводах. Чтобы узаконить свое пребывание на новом месте жительства и навсегда остаться жить здесь в качестве постоянных жителей, люди шли на денежные издержки²⁷.

Таким образом, перепись 1722 г. не давала полных прав заводским властям на труд пришлых людей. Именно поэтому Вяземскому в 1763 г. были поданы неверные списки, в них оказалось вместо 2 тыс. (а к 1763 г. их было, несомненно, еще больше) всего 488 душ²⁸, приписанных в первую ревизию, остальные якобы были записаны в последующие переписи и в результате отнесены в число вечноотданных. Перед нами пример прямого подлога.

Приписка «пришлых» к заводам на условиях отработки подушной подати продолжала практиковаться и после 1722 г. Известно, что в 30-х годах управитель Егюшихинского завода Берлин был обвинен в укрывательстве беглых. Власти поручили берггешворену А. Уварову провести «следствие о пришлых»²⁹. Берлин оправдывался тем, «что принимал он тех пришлых... для исправления заводских и горных работ и за оскуднением приписанных к тому заводу крестьян, а не для своего похлебства и корысти, но для прибыли заводского интереса»³⁰. Далее говорится о том, что эти «пришлые» были на основании указа 21 ноября 1729 г. положены Берлиным в подушный оклад при заводе и оставлены «жить до указа при тех Ягушихинских заводах и за подушные деньги меж собою расположась зарабатывать заводскими работами как и на здешних Сибирских заводах такие переписанные и показанные в ведомостях по учрежденной комиссии зарабатывают»³¹ (разрядка наша. — А. Ч.).

Итак, наши материалы показывают, что нет оснований говорить о господстве принудительного труда на рассмотренных нами заводах в первые три десятилетия XVIII столетия. Приписку же пришлого люда к заводам нельзя рассматривать как закрепощение. Это был юридически обоснованный акт записи податного населения для платежа государственных налогов (подушной подати). Отличие заводских людей от государственных крестьян состояло в том, что первые долж-

²⁷ Данная практика подтверждается и заводской документацией.

²⁸ ИТФ ГАСО, ф. 36, оп. 1, д. 189, л. 83.

²⁹ ЦГАДА, ф. 271, кн. 1403, д. II, л. 68.

³⁰ Там же, лл. 75—76.

³¹ Там же, л. 76.

ны были отрабатывать подушную подать на заводе, т. е. нести особого вида натуральную повинность.

Интересно отметить большое сходство данной практики с условиями приписки пришлых в городах. В частности, в Саратове в период проведения 1 ревизии «пришлые»³² (в основном крестьяне, военно-служилые люди и посадские) зачислялись в состав «городовых бобылей». Саратов являлся оживленным речным портом, здесь легко было найти работу. Это, видимо, и привлекало сюда людей. До 1 ревизии саратовские бобыли не несли тягла, выполняя натуральные повинности в качестве гребцов на казенных судах, а также «гоняли подводы», косили сено, заготавливали дрова³³. После 1 ревизии их подушный оклад был установлен в размере 1 р. 10 к., т. е. такой же, как у государственных крестьян³⁴.

В связи с этим необходимо выяснить размер подушной подати, которую должны были платить заводские люди. С этой целью рассмотрим материалы переписи Толбузина 1732—1734 гг. Указ об этой переписи запрещал отсылать с заводов пришлых, оставляя их здесь вплоть до специального указа³⁵, который и появился 7 января 1736 г.³⁶ Он навечно приписывал к заводам людей, обучившихся мастерству. То же самое, но в отношении демидовских заводов, было подтверждено специальным постановлением императрицы 12 ноября 1736 г., а затем именным указом 29 марта 1738 г.³⁷

Н. И. Павленко считает, что, «попав в переписную книгу Толбузина, эта партия пришлых потеряла право распоряжаться своей рабочей силой как товаром, превратилась в заводских обывателей, отданных по указу»³⁸. Вообще приписка навечно к заводам расценивается многими историками как закрепощение³⁹.

Юридический статус этих людей тем более важно выяснить, что по переписи Толбузина ко всем уральским заводам Демидова было приписано 5171 д. м. п., «частно вышедших из разных казенных селений»⁴⁰. Обратимся к тексту указа от 29 марта 1838 г., 7-й пункт которого гласил: «Пришлым на

³² Среди них много раскольников, как и на заводах Урала.

³³ Е. Н. Кушева. Саратов в I половине XVIII в. «Проблемы социально-экономической истории России». Сб. ст. к 85-летию академика Н. М. Дружинина. М., 1971, стр. 115.

³⁴ ПСЗ, т. XV, № 11120.

³⁵ ПСЗ, т. VIII, № 4699.

³⁶ ПСЗ, т. IX, № 6858.

³⁷ И. Герман. Историческое начертание горного производства в Российской империи. Екатеринбург, 1810, стр. 178—179; ПСЗ, т. X, № 7548.

³⁸ Н. И. Павленко. Указ. соч., стр. 381.

³⁹ А. М. Панкратова. Указ. соч., стр. 424—425.

⁴⁰ ГАПО, ф. 36, оп. 1, д. 189, л. 84.

его, Демидовы, заводы синодальным, монастырским и государственным крестьянам, которые при Сибирских по переписи Федора Толбузина, а при Колывано-Воскресенских и Томских медных заводах, по переписи 1735 года дворянина Петра Мельникова явились и ныне обретаются, и обучились мастерству, быть при его заводах вечно и приписать к казенным слободам (разрядка наша. — А. Ч.), которые его заводам даны, и платить за них как подушные, так и четырехривенные деньги ему Демидову... А в прежних жилищах из подушного оклада выключить; вместо помещичьих крестьян, отдать крестьян из его вотчин без платежа пожилых денег».

Как видим, указ отличает пришлых государственных, монастырских и синодальных крестьян от помещичьих. Первые прикреплялись к заводам навечно, однако приписывались к казенным слободам (за них платилась подушная подать как за государственных крестьян — 1 р. 10 к.), вторые же обмениваются на крепостных Демидова и, следовательно, переходят во владение заводчика⁴¹. Запись в перепись Толбузина не расценивалась в 30-е гг. как закрепощение и заводскими властями. Известно, что во время переписи раскольников на заводах Демидова в 1738 г. приказчик заводовладельца обратился в Генерал-Берг-Директорию с прошением произвести свидетельство «о тех, кто были положены при заводах в подушный оклад» и «с тех заводов господина его многое число людей сошли к разным заводчикам и на старые жилища». Характерно, что в прошении нет просьбы вернуть ушедших, а отражено желание избежать излишних платежей за них⁴². Кроме того, беглые крепостные и беспаспортные государственные, дворцовые и монастырские крестьяне совершенно по-разному вели себя в период переписей. Если первые, как правило, «сказывались» не помнящими родства, то последние подробно рассказывали о прежнем месте жительства, справедливо полагая, что, заплатив на новом месте причитающиеся с них подушные деньги, они легализуют тем свое положение.

Приток различных категорий пришлых людей и многочисленные указы о приписке к заводам создали большую пестроту в юридическом положении заводского населения (отданные по указам казенные мастеровые, беглые крепостные, люди, живущие по паспортам, пришлые, приписанные «навечно» на правах государственных крестьян к казенным слободам, и, на-

⁴¹ Б. Б. Кафенгауз впервые обратил внимание на то, что в отличие от крепостных пришлые были приписаны к казенным слободам; Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв., т. I, М. — Л., 1949, стр. 365.

⁴² ПСЗ, т. X, № 47663.

конец, крепостные заводчика). Эти различия были нивелированы далеко не скоро и путем значительных ухищрений заводчиков.

В качестве доказательства приведем следующие факты. Из ведомости заводских людей, составленной в 1763 г. для А. А. Вяземского, видно, что именно в период проведения на Демидовских заводах переписи Толбузина (1732—1734 гг.) была переписана значительная часть пришлого населения.

Так, из 7450 д. м. п. пришлых, учтенных II ревизией на всех Демидовских заводах Среднего Урала⁴³, 4333 д. м. п. (57%) были приписаны к заводам еще в период переписи Толбузина⁴⁴.

Причем и II ревизия обнаружила на этих заводах 724 д. м. п., вновь «вышедших частно из разных казенных селений разного звания людей»⁴⁵. Многие из них проживали здесь еще со времен I ревизии, но тогда были приписаны в платеже подушных денег на прежнем месте жительства. Чтобы добиться закрепления этих людей на заводах, Демидов заверил правительство, «что в число оных написано многое число малолетних от 12, 6, 2 и 1 года младенцев одних без отцов и родственников», которые якобы приписаны к заводам еще в I ревизию и перепись 1732 г. «Отцами, братьями и родственниками, — писали позднее невьянские жители, — старались господа Демидовы удержать этих людей от вывода с заводов по указу 1743 года февраля 3 дня... А поелику и еще немалое число людей при заводах имелось, то заводские конторы и не нашли лутчаго средства, как показывать их в ревизию не помнящими родства и незаконнорожденными»⁴⁶. Это утверждение вполне согласуется с реальным положением различных категорий людей в то время. Естественно, что легче было добиться закрепощения «ничейного» человека или даже крепостного, чем юридически свободного. Материалы переписей подтверждают слова заводских жителей: если I ревизия не зафиксировала в Невьянском заводе ни одного не помнящего родства, то II ревизия в Нижнетагильском заводе учла 10% не помнящих родства и незаконнорожденных.

Незаконные операции заводской администрации вызвали в период проведения II ревизии протест части жителей Невь-

⁴³ Невьянский, Быньговский, Шайтанский, В.-Тагильский, Шуралинский, Н.-Тагильский, Выйский, Лайские (два), Черноисточинский, Висимо-Шайтанский, Н.-Салдинский, В.-Уткинский, Ревдинский, Бисерский.

⁴⁴ НТФ ГАСО, ф. 10, оп. 1, д. 1796 а — 73, лл. 9—15. Эта цифра отличается от предыдущей, так как из нее исключены умершие ко времени проведения II ревизии.

⁴⁵ ГАПО, ф. 36, оп. 1, д. 189, л. 84.

⁴⁶ Там же.

янска и Нижнего Тагила⁴⁷, но он не получил широкого размаха, так как последствия приписки в то время были им недостаточно ясны. Первые Демидовы до поры до времени не обостряли отношения с людьми. Поэтому и в течение второй четверти XVIII в. взаимоотношения заводчиков и значительной части заводского населения строились на основах вольного найма. Несмотря на всевозможные ухищрения, Демидовым удалось в середине века на основании указов 1736 и 1747 гг. записать в разряд вечноотданных крепостных всего 18% жителей своих заводов⁴⁸. Остальные, хотя и были приписаны к заводам навечно, оставались на правах государственных крестьян. В цитированном выше прошении невьянских жителей читаем: «А когда повелено оставить их (т. е. пришлых, — А. Ч.) при заводах, то и начали искать средства, чтоб ими завладеть»⁴⁹. О том, что приписка к заводам не давала еще права на владение этими людьми, говорят и заводские документы. Все пришлые, записанные в переписи 1722, 1732, 1735, 1738, 1739, 1742 гг., в материалах II ревизии отнесены к государственным крестьянам. И лишь в III ревизию эти люди записаны вечноотданными, «сверстанными с крепостными в один семигривенный оклад»⁵⁰.

В данной статье мы не будем рассматривать все способы, при помощи которых заводчикам удалось в период между II и III ревизиями «завладеть» приписанными к заводам пришлыми людьми. Остановимся лишь на сенатском указе 30 декабря 1755 г., который, по нашему мнению, был важнейшей вехой в этом процессе⁵¹.

Познакомимся с его содержанием.

1) Всех пришлых после 1724 г. на казенные заводы оставить при них вечно. Пришедших же после II ревизии выслать на прежнее место жительства.

2) На частных заводах закрепить всех записанных по переписям и оставленных до указа. Кроме того, предписывалось тех пришлых, которые ранее были причислены к платежу подушных денег к казенным слободам, оттуда исключить и приписать к заводам и «счислить с протчими отданными им с крепостными их мастеровыми людьми».

Эта часть указа чрезвычайно интересна, так как здесь законодательно оформлено было превращение вечноотданных людей в «сверстанных с крепостными».

⁴⁷ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. 1, СПб., 1881, стр. 445—446.

⁴⁸ С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР, т. 1, стр. 302.

⁴⁹ ГАПО, ф. 36, оп. 1, д. 189, л. 85.

⁵⁰ НТФ ГАСО, ф. 10, оп. 1, д. 1796 а — 73, лл. 9—15.

⁵¹ ПСЗ, т. XIV, № 10494.

Отметим, что с юридической точки зрения оснований для такой сверстки у сенаторов не было, поскольку в качестве посылки для такого решения они выдвинули указ 17 сентября 1742 г. Этот указ предписал мастеровым, освобожденным Берг-Привилегией от платежа подушной подати, вновь платить ее, а заводских людей, приписанных в платеже подушной подати к казенным селениям, причислить в этом платеже непосредственно к заводу⁵². Однако Сенат истолковал этот указ таким образом, что всех причисленных в платеже подушных денег к заводу следует на этом основании «счислять с прочими отданными им крепостными их мастеровыми людьми»⁵³. Так появилась новая категория «сверстанных с крепостными».

3) Наконец, приписанных по II ревизии на основании заявления Демидова, что все они являются родственниками вечноотданных, также решено было оставить при заводах. Оставлены были до указа и пришедшие после II ревизии. Принимая это решение, Сенат исходил из того, что большое число вновь пришедших делает практически невозможным их переселение на прежнее место жительства. Причем речь и в этом случае идет не о помещичьих крестьянах, поскольку Сенат подчеркивает, что, если этих людей не высылать, «казне не будет убытка, так как подушные деньги они платят исправно». Кроме того, обращалось внимание на то, что «с помянутых Сибирских казенных и партикулярных заводов, такие, кои уже мастерам обучились, хотя бы и за провожатыми на прежнее жилище вывезены были, но оные, как уже издавна от пашни отстали, и по приобькности к заводским работам, на тех прежних жилищах не уживутся...». О помещичьих же крестьянах в специальном пункте говорилось, что за них следует платить владельцам деньги, положенные по указу 1736 г.⁵⁴

Таким образом, указ 30 декабря 1755 г. имел огромное значение для оформления крепостного права на частных заводах. Однако и после его появления правовое положение вечноотданных не было ясным. В доказательство приведем следующие факты. В период раздела имущества Демидовых (1757—1759) вечноотданные к заводам пришедшие люди были внесены в отдельные акты наравне с приписными крестьянами⁵⁵. Наконец, даже в 1764 г., когда заводская контора обратилась в Тобольскую губернскую канцелярию с просьбой собирать подушные деньги по 1р. 10 к. (норма подушного оклада государственных крестьян) только с тех, кого Вяземский

⁵² ПСЗ, т. XI, № 8620.

⁵³ Подобное толкование было предложено заводчиками.

⁵⁴ ПСЗ, т. XIV, № 10494.

⁵⁵ ГАПО, ф. 36, оп. 1, д. 189, лл. 102, 116.

признал государственными⁵⁶, то получила отказ. Канцелярия требовала такой же оклад собирать и с тех, кто приписан в последующие переписи. Следовательно, юридическое положение приписанных по указам пришлых людей не было ясно местным властям даже в 60-е годы XVIII в.

С 1760 г. заводские власти начали самовольно собирать со всех «один семигривенный оклад», как жаловались заводские жители. Когда же вспыхнуло волнение заводских людей (1762—1763 гг.), не желавших мириться с потерей прав, заводчик спешно уплатил за них деньги как за беглых, и лишь незначительная часть заводских жителей была признана государственными крестьянами опять же на основании списков, представленных заводскими конторами и без проверки паспортов и квитанций об уплате подушных денег на прежнем месте жительства и материалов переписей⁵⁷.

Изучение ревизских сказок и заводской документации раскрывает сложную систему подлогов и обманов, проводившихся заводчиками и их служащими с целью закрепления навечно пришлых свободных людей за своими заводами. Добиваясь указов о закреплении пришлых людей, они стремились лишить их доказательств своих прав: отбирали паспорта, отпускные письма, квитанции об уплате подушной подати, записывали в сказки под чужими именами, в качестве не помнящих родства и незаконнорожденных. Невьянские жители писали об этом в прошении Сенату от 26 ноября 1780 г., что «богатство и сила превозмогало всякое правосудие, ибо бывшими при Невьянском заводе переписями и ревизиями люди в сказках своих запутаны и в подлинных показаниях жителей и отечеств своих перемешаны, понеже при переписях выходили такие обстоятельства, что как бы человек подлинную свою природу не показывал, но в сказках ревизских означен инако, а некоторых писали и заочно с тем наклоением, чтоб как возможно было укрепить его к заводу крепче, а в другую перепись тот же человек показан инако другою сказкою, при том есть такие семейства, что один дом разделен на два названия, одни именуемые вечно отданныя, коих по указу 755 г. велено в работах употреблять с крепостными, а другие написаны в отчисленных 1763 г. князем Вяземским, кои работают из одного подушного

⁵⁶ А. А. Вяземский признал таковыми лишь людей, записанных в перепись Солнцева 1722 года.

⁵⁷ ГАПО, ф. 36, оп. 1, д. 189, л. 85; см. также ст. автора «К вопросу о движущих силах волнений в горнозаводских центрах Урала в середине XVIII века» (По материалам Нижнетагильского завода). Сб. «Вопросы истории Урала», Пермь, 1966, стр. 38—49.

оклада, между тем есть такие, кои написаны в числе крепостных, а законных крепостей на оных не имеется...»⁵⁸.

Подобные записи имели место в период проведения III ревизии, когда сказки стали подаваться «от самых обществ, властей и владельцев, без посылки особых ревизоров»⁵⁹, что привело к различного рода злоупотреблениям на местах.

Это в свою очередь вызвало волнение 1762—1763 гг. на заводах Демидовых. Однако вернуть себе прежние права заводским людям не удалось. Глава правительственной комиссии, расследовавшей причины волнений на заводах Урала, А. А. Вяземский подтвердил права Демидова на вечноотданных к заводам пришлых людей, признав их крепостными.

Известно, что А. А. Вяземский пытался играть роль справедливого арбитра. Его приезд на Нижнетагильский завод (4—11 августа 1763 г.) и милостивое обращение с выборными от жителей завода, по-видимому, обманули заводских приказчиков. Поэтому они сначала подали А. А. Вяземскому ведомость о людях Нижнетагильского и Выйского заводов, в которой указывался действительный юридический статус различных категорий населения поселков⁶⁰.

Приведем данные по обоим заводам.

Государственные заводские люди, платящие подушные деньги в размере 7 и 4 гривен, — 812 д. м. п. (сюда вошли люди, записанные в перепись Солнцева 1722 г. и Толбузина 1732 г.).

«Числятся равно с крепостными людьми, а платят подушные деньги... 7 и 4 гривен» — 1136 д. м. п. (сюда вошли все, записанные в переписи после 1736 года).

Купленные крепостные, платящие подушные деньги в размере 7 гривен, — 303 д. м. п.

Как видим, люди, приписавшиеся к заводам в перепись Толбузина, указаны в ведомости государственными заводскими людьми. Что касается второй группы, то числящиеся «равно с крепостными» тем не менее платили 7 и 4-гривенный оклад, как и государственные крестьяне.

Н. А. Демидов, узнав об этом, послал 24 октября 1763 г. разгневанное письмо в заводскую контору, в котором дал свое толкование указа 1736 г.: «Все те, которые и в перепись полковника Толбузина 1732 г. записаны и указами 1736—1755 гг. отданы нам вечно, яко крепостные утверждены, а от Вас показаны счисляющимися государственными заводскими людьми, в чем Вами великая ошибка учинена... Итак вы, вме-

⁵⁸ ГАПО, ф. 36, оп. 1, д. 189, л. 16.

⁵⁹ ПСЗ, т. XV, № 11364.

⁶⁰ ЦГАДА, ф. 1267, оп. 1, д. 179, л. 98.

сто старания вашего об укреплении всех при заводах моих людей решили видно называть многих в противность всех узаконений... счисляющимися государственными заводскими людьми... а долженствовало вам искать моей пользы и показать их отданными указами... и ходатайствовать, чтоб они и от... Вяземотого названы были крепостными, а буде того испросить невозможно, то стараться вам о наименовании их вечно отданными к заводам...»⁶¹ (разрядка наша. — А. Ч.).

Таким образом, сам заводчик не был уверен, удастся ли ему сверстать вечноотданных с крепостными. У нас есть основание предполагать, что это ему удалось сделать, прибегнув к испытанному методу подкупа. В результате А. А. Вяземский оставил в числе государственных крестьян лишь 112 человек, записанных в перепись 1722 г.⁶²

Однако и это решение казалось Н. А. Демидову «обидным», и он вместе с братом Прокопием просил и этих людей «числить укрепленными к заводам и употреблять их во всегдашние заводские мастерства и работы». Кроме того, Н. А. Демидов и его племянник А. Г. Демидов намеревались добиться разрешения «укрепить» заодно и крестьян приписных к заводу Аятской и Краснопольской слобод и села Покровского⁶³. Однако этого А. А. Вяземский сделать не смог, о чем он сообщил в своем письме к племяннику Н. А. Демидова. Письмо А. А. Вяземского подтверждает наше мнение о средствах, какими добились Демидовы укрепления вечноотданных к заводам: «Итак, остается мне единое в доказательство истинной моей к вам дружбы и преданности сожалеть о Ваших убытках, а более о том, что при разделе родителей Ваших может быть Аяцкая и Краснопольская слободы, так и село Покровское от фамилии Вашей считано было... собственными крепостными, а я сколько ни старался усердствовать вам... (разрядка наша. — А. Ч.) только ничего за силою... законов полезного сделать не смогу...»⁶⁴. Однако, как мы убедились, «сиятельный князь» сумел сделать достаточно много.

Следует отметить, что в Егошихинском заводе, несмотря на передачу его в 1759 г. графу Воронцову, жители, приписанные к нему в 1729 г. и позднее на правах государственных крестьян в 7 и 4-гривенный оклад, так и остались в данном

⁶¹ Там же, л. 111.

⁶² Там же, л. 204.

⁶³ Там же, лл. 221—224.

⁶⁴ Там же, л. 226.

положении. По III ревизии они составляли почти половину учтенного ею населения заводского поселка⁶⁵.

Таким образом, представляется необходимым пересмотреть вопрос о времени и формах закрепления горнозаводского населения. Прикрепление пришлых к заводам для платежа подушных денег в течение I половины XVIII в. не делало их крепостными и приравнивало по положению к приписным государственным крестьянам. Последствия такой приписки в полной мере стали ясны лишь в 60-х годах XVIII столетия. Сенатский указ 30 декабря 1755 г. лишь сверстал вечноотданных с крепостными. До него значительная часть приписавшегося к заводам Демидова населения обрабатывала на них подушный оклад, а сверх того работала «из воли». В связи с этим важно исследовать конкретный процесс закрепления заводских людей и на других мануфактурах Урала, тем более, действие рассмотренных нами указов распространялось и на многие другие заводы страны, что позволило бы выяснить действительную картину этого важного процесса.

⁶⁵ ЦГАДА, фонд Ландратских книг и ревизских сказок (350), оп. 1, д. 1680, лл. 259—310 об.

В. В. Мухин

ВСЕВОЛОДОБЛАГОДАТСКИЕ ЗОЛОТЫЕ ПРОМЫСЛЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

(из истории золотодобывающей промышленности Урала)

Сенатский указ 1812 г. «О предоставлении прав всем российским подданным отыскивать и разрабатывать золотые и серебряные руды»¹ открыл широкую дорогу в золотую промышленность частной инициативе; а изобретение уральского штейгера Л. И. Брусница, доказавшее возможность добычи россыпного золота, обусловило распространение золотодобывающих предприятий по всей огромной территории края. Возникновение этой новой отрасли горнозаводского дела в значительной мере изменило облик Уральского промышленного района первой половины XIX в.

История уральской золотодобывающей промышленности изучена еще явно недостаточно, хотя по некоторым ее аспектам имеется ряд серьезных работ². Недостаточно исследована пока и история отдельных золотых промыслов в системе горнозаводских хозяйств. Более или менее подробному изучению здесь подверглись только демидовские промыслы³.

Мы ставим своей задачей познакомить читателя с историей Всеволодоблагодатских золотых промыслов Всеволожских в дореформенный период. Учитывая, что ряд ее вопросов получил некоторое освещение в литературе⁴, мы сосредоточим

¹ ПСЗ, т. XXXII, № 25119, стр. 328, 329.

² В. В. Данилевский. Русское золото. М., 1959; В. Я. Кривоногов. Зарождение и развитие частнокапиталистической золотопромышленности на Урале к середине XIX в.. Сб. «Генезис капитализма в промышленности». М., 1963; А. В. Шилов. Из истории возникновения золотопромышленности в частных округах Урала. Сб. «Исследования по истории Урала», вып. 1, Пермь, 1970.

³ Б. Б. Кафенгауз. Первые шаги золотопромышленности на Урале. Сб. «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». М., 1963.

⁴ В. Я. Кривоногов. Формирование кадров наемного труда в I половине XIX в. Сб. «Из истории заводов и фабрик Урала», вып. 2, Свердлов-

основное внимание на истории развития производства, его технике и некоторых экономических вопросах.

С конца второго — начала третьего десятилетия XIX в. хозяйственные комплексы многих уральских горнозаводских латифундий (Яковлевых, Расторгуевых, Демидовых, Ярцева и др.) стала внедряться новая для них отрасль — добыча золота. Не миновала этого и уральская вотчина Всеволожских, которые сразу же после открытия золотых россыпей в Богословской даче в 1823 г. приступили к поисковым работам и в своей соседней Заозерской даче, расположенной на севере Верхотурского уезда, где они еще в конце XVIII столетия начинали разработку медных руд и делали попытки построить медеплавильный завод.

Несмотря на то, что эта дача не была окончательно закреплена за Всеволожскими (на нее был объявлен спор казной и участниками в общем строгановском владении — Голицыными, Строгановыми и др., который прекратился только к 1838 г.)⁵ и отсутствовало специальное разрешение на разработку драгоценного металла, заводчики повели в своем северном владении широкую разведку россыпей (по-видимому, с лета 1823 г.), получив обнадеживающие результаты уже в 1824 г. В 1825 г. они начали добычу золота в промышленных масштабах⁶. Открытые здесь промыслы получили название Всеволодоблагодатских.

В апреле 1825 г. В. А. Всеволожский писал в Пермское горное правление, что «в собственной его даче... где для поиска медных руд находятся копи по левой стороне речки Стрелебной, падшей в реку Сосьву, нарочно посланными от него людьми найдены пески, в ста пудах которых содержится золота от трех четвертей до одного золотника» и просил разрешить разработку и выдать шнуровые книги для записи золота⁷. Разрешение на добычу золота было получено довольно быстро. К началу 1826 г. на р. Стрелебной уже была построена промывальная фабрика, на которой работало 70 человек. Сюда было переведено большое количество крепостных рабочих из прикамских вотчин⁸. Для создания золотодобываю-

ловск, 1963; В. В. Ксенофонта. Положение и борьба рабочих людей Всеволодоблагодатских золотых промыслов в 40—50-е годы XIX в. Сб. «Вопросы истории Урала», вып. 5, Свердловск, 1964; В. В. Мухин. Рабочая сила на предприятиях уральской горнозаводской вотчины Всеволожских в I половине XIX века. Сб. «Из истории рабочего класса и крестьянства Пермского края», Пермь, 1965.

⁵ ЦГИА СССР, ф. 1341, оп. 26, д. 945, л. 243; ф. 1152, оп. 1, д. 44, л. 194.

⁶ СФГАСО, ф. 12, оп. 2, д. 2, л. 76об.

⁷ ЦГИА СССР, ф. 1341, оп. 26, д. 945, лл. 1—1 об.

⁸ СФГАСО, ф. 12, оп. 5, д. 1, лл. 1—2, 39.

ших предприятий в глухом крае, лежавшем за пределами освоенной тогда территории, предстояло преодолеть немалые трудности. В. А. Всеволожский в записке, поданной в 1831 г. министру финансов графу Канкрину, следующим образом характеризовал этот район: «Столь сокровиществующая моя дача местным своим положением находится противу всех соседственных заводов несравненно в дальнейшем расстоянии от населенных мест и представляет собою одно пространство земли во всей необразованности дикой природы, почти не проходимую, так сказать, пустыню, окруженную одними кочующими вогулами»⁹. Но, несмотря на трудности, во имя «золотого тельца» Всеволожские за счет труда и лишений крепостного населения своей вотчины сумели создать на севере Урала крупное золотодобывающее предприятие.

В Заозерской даче один за другим открывались прииски. Вслед за первым Стрелебным прииском были открыты Покровский (1827 г.), Петропавловский на р. Шайтанке, притоке р. Ивделя (1828 г.), Преображенский на р. Шапше (1830 г.), Знаменский и Ивановский (1832 г.) и другие¹⁰.

Золотопромышленники, увеличивая добычу, искали самые богатые россыпи, забрасывая прииски как только с них были сняты «сливки». Естественно, что при этом богатые россыпи быстро иссякли, а в эксплуатацию стали поступать более бедные месторождения. Если, например, в 1832 г. среднее содержание золота в 100 пуд. песка составляло 2 золотника 49 долей, то в 1860 г. оно колебалось в пределах 1 золотник — 48 долей¹¹. Но это было гораздо выше среднего содержания золотоносных песков уральских частновладельческих дач¹². Это явление было типичным для всей золотодобывающей промышленности страны.

В результате постоянных и довольно широких разведочных работ на территории дачи было открыто много новых месторождений (Вознесенское, Казанское, Софийское и др.). Это свидетельствовало о том, что почти вся территория района является золотоносной. Поиски золота привели к открытию в Заозерской даче другого драгоценного металла — платины (не позднее 1828 г.), но ее добыча до реформы не получила должного развития¹³.

Приведем таблицу, показывающую величину и динамику

⁹ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 3, д. 516, л. 7.

¹⁰ СФГАСО, ф. 12, оп. 2, д. 2, лл. 8—9, 76 и др.

¹¹ Статистическое описание Заозерской дачи А. В. Всеволожского «ПГВ», 1861, № 36.

¹² Краткий очерк развития частной золотопромышленности в России. «ГЖ», 1861, кн. 7, стр. 102.

¹³ СФГАСО, ф. 12, оп. 1, д. 18, лл. 1—9.

добычи золота на Всеволодоблагодатских промыслах в течение всего крепостного периода (табл. 1). При сравнении данных прежде всего следует отметить большую неравномерность ежегодной добычи. Причины резких скачков коренились в самой природе тогдашней золотопромышленности, базировавшейся на примитивной технике, сильно зависевшей от погодных условий, изменения содержания золота в песках, потерь рабочего времени при перебазировании производства с одной россыли на другую и т. д. В вотчине Всеволожских к этим причинам, объяснявшим неравномерность добычи, необходи-

Таблица 1⁴

Годы	Добыто золота			Годы	Добыто золота		
	пудов	фунтов	золотников		пудов	фунтов	золотников
1825	—	1	63	1843	6	13	17
1826	—	—	43	1844	11	14	23
1827	—	3	20	1845	9	11	25
1828	—	30	38	1846	5	26	64
1829	2	26	41	1847	6	29	33
1830	4	8	27	1848	8	33	85
1831	12	15	57	1849	9	13	34
1832	11	6	28	1850	6	31	78
1833	7	9	52	1851	16	6	1
1834	6	4	—	1852	23	4	86
1835	5	12	87	1853	16	6	5
1836	6	—	56	1854	19	12	36
1837	4	33	47	1855	27	1	42
1838	6	36	59	1856	21	12	52
1839	13	19	20	1857	16	17	30
1840	12	13	12	1858	18	1	51
1841	3	24	72	1859	12	21	9
1842	3	14	33	1860	9	21	14

¹⁴ ЦГИА, ф. 37, оп. 40, д. 785, лл. 38—39; ГАСО, ф. 24, оп. 2, д. 277, л. 376 об.; СФГАСО, ф. 12, оп. 2, д. 2, л. 76; И. Белоносов. Сведения о количестве промытых песков и добытого золота на казенных и частных промыслах Уральской области, «ГЖ», 1865, кн. 12, стр. 442—443, 450—451.

мо добавить трудности, связанные с финансированием промыслов, обеспечением нормальной работы предприятий, расположенных в глухом ненаселенном крае и т. п.

Учитывая недостаточность одних погодных данных для характеристики производства, мы приведем средние показатели добычи золота по десятилетиям на Всеволодоблагодатских промыслах.

Таблица 2

Годы	Добыто за период			Добыто в среднем за год		
	пудов	фунтов	золотников	пудов	фунтов	золотников
1825—1830	7	30	40	1	11	8
1831—1840	85	31	33	8	23	12
1841—1850	71	12	81	7	5	27
1851—1860	179	24	38	17	38	42

Таким образом, добыча золота на Всеволодоблагодатских промыслах отражает общую тенденцию роста производства. Среднегодовая добыча 50-х годов XIX в. в 17 с лишним раз превосходит среднюю добычу 20-х годов. Это объясняется тем, что 20-е годы являются периодом становления промыслов.

30-е годы — годы расцвета Всеволодоблагодатских промыслов в системе крепостного хозяйства. Об этом красноречиво говорят цифры среднегодовой добычи, превысившей более чем в 8 раз показатели 20-х годов. В следующее десятилетие, наоборот, происходит некоторый спад, что свидетельствует о назревании кризисных явлений внутри крепостнического хозяйства Всеволожских.

Предреформенное десятилетие характеризуется дальнейшим ухудшением финансового и хозяйственного положения заводчиков. Единственно возможным для них способом эксплуатации золотоносных земель стала сдача приисков в аренду. Предприимчивые капиталисты-арендаторы сумели выжать из Заозерской дачи гораздо больше золота, чем она дала за все предыдущие десятилетия. Но в конце 50-х годов добыча драгоценного металла здесь заметно сократилась, что, по-видимому, объясняется обострением общих кризисных явлений в горнозаводской промышленности Урала.

Какое же место занимали Всеволодоблагодатские промыслы среди других золотодобывающих предприятий края? По

размерам производства они могут быть отнесены к числу средних и поставлены в один ряд с золотопромышленными предприятиями казенных Гороблагодатских заводов, Крестовоздвиженскими Бутеро и Шайтанскими Ярцева¹⁵. По общему объему добытого за весь крепостной период золота (361 пуд. 26 фунтов) они занимали 9-е место (из 15) среди казенных промыслов и промыслов горнозаводчиков и 6-е место (из 11) среди последних. Разумеется, что место промыслов Всеволожских в общем масштабе Уральской золотодобывающей промышленности не оставалось неизменным. Пользуясь данными В. Я. Кривоногова о размерах добычи золота на Урале в 1831, 1840, 1850 и 1860 гг.¹⁶, мы вывели процентную долю добычи Всеволодоблагодатских промыслов за эти четыре даты. Она равнялась соответственно: 3,47%, 4,11%, 2,11% и 2,99% по отношению к добыче всех промыслов края; 7,91%, 7,49%, 3,37% по отношению к добыче всех его частных промыслов и 7,91%, 8,48%, 4,55% и 10,73% по отношению к добыче промыслов уральских заводчиков.

Техника добычи золота на Всеволодоблагодатских промыслах, как и во всей золотодобывающей промышленности страны в это время, была несложной. Процесс получения золота разделялся на несколько этапов: разведка россыпей, добыча песков, транспортировка их к промывальным устройствам, промывка и, наконец, откатка в отвалы переработанной породы.

Разведка производилась специальными партиями по логам и речкам путем шурфования и опытной промывки. С середины 30-х гг. XIX в. при глубинной разведке россыпей стало применяться примитивное бурение. Об этом говорит наличие на промыслах «землепроходного» инструмента: земляные буравы, шеломы, желонки, подгубные и боевые долота и др., совершенно неприменимого при других горных работах¹⁷.

Добыча песков велась преимущественно при помощи разносов или разрезов, т. е. открытых разработок и главным образом в летнее время. При работе употреблялись обычные в уральской горной промышленности того времени инструменты: горные ломы и пики, горные «балды» или «шишки», железные русские и польские лопаты, кирки, куштань и т. д. При встрече со скальными породами проводились буро-взрывные работы с отпалкой порохом, при которых использовались

¹⁵ И. Белоносов. Указ. соч., стр. 442—444.

¹⁶ В. Я. Кривоногов. Зарождение и развитие частнокапиталистической промышленности на Урале в середине XIX в. Сб. «Генезис капитализма в промышленности», М. — Л., 1963, стр. 252.

¹⁷ СФГАСО, ф. 12, оп. 1, д. 109, лл. 6—10.

традиционные инструменты — буры, забойники, штревели и т. д.¹⁸

Подземные разработки были сравнительно редкими и велись главным образом при наличии очень богатых песков. Преимущественное применение открытых разработок упрощало и удешевляло добычу, техника которой в течение всего крепостного периода существенно не изменялась.

Транспортировка песков к местам промывки, а от нее на отвалы осуществлялась при помощи гужевого транспорта или примитивной приисковой тачки. Единственным усовершенствованием в этой области были небольшие конно-железные дороги, которые появились на многих золотых промыслах Урала. В 40-х гг. XIX в. две такие дороги были построены на Сергиевском и Богородском приисках Всеволожских¹⁹. Но из-за трудности доставки рельсов с прикамских заводов новое транспортное средство не получило широкого применения.

Наиболее сложным и трудоемким этапом производственного процесса была промывка золотоносных песков. Ее в первую очередь и коснулся прогресс техники на уральских промыслах. Дело в том, что по мере развертывания этой новой отрасли промышленности в оборот поступали все более бедные золотом пески, перерабатываемая масса которых достигала огромной величины. Дальнейшее развитие золотопромышленности без механизации процесса промывки было просто невозможным²⁰.

Первоначально на промыслах Всеволожских промывка производилась на примитивных вашгердах, но владельцы предприняли меры для введения золотопромывальных установок более высокой производительности.

Еще в феврале 1831 г. родственник В. А. Всеволожского горный инженер А. Денисов привез во Всеволодоблагодатск чертежи новых промывальных устройств — «тагильских полубочек» (машин, созданных Черепановыми). «Польза оных состоит в том, — писал Денисов заводчику, — что на оную потребно 6 человек, кои промывают в сутки 2700 пудов золотоносных песков, тогда как на невьянском или венгерском станках (усовершенствованные вашгерды. — В. М.) употребляется 16 или 18 человек, промывающих не более 850 пудов»²¹.

В феврале 1832 г. специально нанятый на промыслы «для распоряжения по искусственной части» чиновник А. И. Шмаков направил приказчика Воеводина на тагильские промыслы

¹⁸ Там же.

¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 3, д. 686, л. 40; СФГАСО, ф. 12, оп. 1, д. 403, л. 187.

²⁰ В. В. Данилевский. Указ. соч., стр. 155.

²¹ ЦГИА СССР, ф. 652, оп. 1, д. 960, лл. 34—35.

«для просмотра и снятия на план золотопромывальных станков и машин». При этом администрацию Всеволожских больше всего интересовал процесс анальгамирования. К этому времени для Всеволодоблагодатских промыслов в Москве уже было закуплено 3 пуда ртути и заключено соглашение на ее поставку в большом количестве. Это говорит о том, что на промыслах либо уже приступили, либо готовились приступить к анальгамации золота²².

Летом 1832 г. слесарь Ларьков и архитекторский ученик Сигов побывали на золотых промыслах Верх-Нейвинских и Сысертских заводов и составили план «бутарного действия» на этих приисках. Бутары (золотопромывательные машины) этой системы уже делались во Всеволодоблагодатске под руководством Ларькова и присмотром Шмакова²³.

Талантливые крепостные мастера Всеволожских не ограничивались копированием устройств, изобретенных другими. В 30-х гг. XIX в. они создали оригинальную и довольно высокопроизводительную конструкцию — «шалшинскую золотопромывательную машину», или «шапшинскую бутару», получившую название от р. Шапши на севере Заозерской дачи, где она впервые была применена. На бутаре промывалось 2000—2500 пуд. песка в 10-часовую смену. Известный русский горный инженер и ученый М. М. Карпинский, посетивший в эти годы Северный Урал, видел на приисках по Шапше 3 такие бутары, одна из них приводилась в действие паровой машиной мощностью в 3 л. с., а остальные — водяными колесами²⁴. В 30—40-х годах столетия эти установки широко применялись на многих промыслах края.

В 1836 г. на промыслах было уже 4 бутары с механическим приводом. Кроме того, в июле этого же года несколько бутар было заказано на Пожевский завод, для наблюдения за изготовлением которых туда был послан все тот же мастер Филипп Ларьков. В 1839 г. на Богословском, Стрелебном и Воскресенском приисках были сооружены бутарные установки. При помощи специальных катков их могли перемещать на любой участок промысла²⁵.

Появление бутар и других относительно сложных механизмов на золотых промыслах выдвинуло вопрос о энергетической базе. Обычная гидроэнергетика в специфических приисковых условиях (большая разбросанность и недолговечность

²² ЦГИА СССР, ф. 652, оп. 1, д. 960, л. 272; СФГАСО, ф. 12, оп. 2, д. 2, лл. 3, 13 об., 19.

²³ СФГАСО, ф. 12, оп. 2, д. 2, лл. 83 об., 84.

²⁴ М. М. Карпинский. О золотоносных россыпях. «ГЖ», 1840, кн. 8; В. В. Данилевский, указ. соч., стр. 176.

²⁵ СФГАСО, ф. 12, оп. 2, д. 4, лл. 2, 11; оп. 1, д. 210, л. 28.

отдельных очагов производства, малые запасы воды в ручьях и речках) применялась в крайне ограниченных размерах. Тем не менее на некоторых приисках Всеволожских действовали гидравлические устройства, приводившие в движение промывальные машины. В 1843 г. в Заозерской даче было 4 водяных колеса²⁶. Но все же энергетика на промыслах большого развития не получила.

Своеобразные условия золотодобывающего производства заставили заводладельцев рано обратить внимание на паровые двигатели. Уже в начале 30-х годов в механических мастерских, обслуживавших промысла, была установлена первая машина мощностью в 12 л. с., изготовленная на Пожевском заводе. В это же время сюда была доставлена «паровая подвижная машина» (локобель. — В. М.) устройства г. Тета», но уже зимой 1832 г. она была отослана обратно в Пожву «для отправки по весне на барке в Санкт-Петербург»²⁷. Подвижность машины позволяла использовать ее непосредственно на приисках, условиям которых как раз отвечали небольшие мобильные двигатели.

Администрация промыслов делала настоятельные попытки обзавестись паровыми машинами. Отвечая на рапорт приказчика промыслов Сигова, Н. Всеволожский писал в 1833 г.: «В двух паровых машинах, просимых тобой для отлития воды на Преображенском руднике (прииске. — В. М.) нахожу, что таковые могут принести большую пользу, а как одна к тебе уже отправлена, то о другой дал я предписание управляющему в Пожевском имении механической частью г. Тету, которому и вменил в особенную обязанность о сем озаботиться»²⁸.

Первая машина из двух, о которых шла речь, была отправлена на прииск еще по санному пути в марте 1833 г. и явилась первым паровым двигателем, нашедшим себе применение в золотопромысловом деле. Установленная в 1834 г. на Преображенском прииске, она приводила в движение не насосы, как предполагалось, а бутарную установку. В 1836 г. на промыслах приводили в действие бутары уже 2 паровые машины²⁹.

Паровая машина в золотодобывающей промышленности России появилась очень рано, еще в конце XVIII в. (Воицкий золотой рудник в Карелии), несколько позже она начала использоваться на Березовских и других промыслах. Но сферы применения ее ограничивались подъемом и водоотливом.

²⁶ СФГАСО, ф. 12, оп. 2, д. 4, л. 17; ГАПО, ф. 176, оп. 1, д. 666, лл. 322 об. — 323.

²⁷ СФГАСО, ф. 12, оп. 1, д. 403, л. 68; оп. 2, д. 2, лл. 10 об., 108, 109.

²⁸ СФГАСО, ф. 12, оп. 2, д. 5, лл. 7—8.

²⁹ СФГАСО, ф. 12, оп. 2, д. 4, лл. 17, 20.

До сих пор считалось, что первыми паровую машину применили для промывки песков П. П. Аносов (наиболее ранние сведения об этом восходят к 1838 г.)³⁰ и Е. А. и М. Е. Черепановы (1836 г.)³¹. Однако, как мы установили, внедрение парового двигателя в эту новую для него сферу применения произошло на несколько лет раньше на Всеволодоблагодатских промыслах. Этот факт, по-видимому, нужно считать первой попыткой подобного рода в России.

Таким образом, изученные нами документы зафиксировали в середине 30-х гг. XIX в. на промыслах Всеволожских три паровые машины, непосредственно занятые в золотодобывающем производстве или обслуживающие его ремонтную базу. Несомненно, что на фоне технического оснащения тогдашней уральской золотой промышленности Всеволодоблагодатские промыслы выглядели передовыми. По данным официальной статистики (видимо, несколько заниженным) даже к 1861 г. все прииски края располагали только шестью паровыми двигателями³².

Новые паровые машины на Всеволодоблагодатских промыслах больше не появлялись. Через 13 лет, в 1849 г., там были только те же самые паровые двигатели, что и в 1836 г.³³ К 1861 г. на промыслах не осталось ни одного действующего двигателя, промывка велась только на чашах и бутарах с конным и гидравлическим приводом и на ручных станках³⁴, а прииски в это время отстали от передовых золотодобывающих предприятий края (приисков Демидовых, казенных Миасских и др.)³⁵.

Причинами такого технического регресса, на наш взгляд, были: постоянная аренда приисков различными дельцами, совершенно не заинтересованными в применении дорогостоящих машин, на предприятиях, не принадлежащих им; казенный присмотр; общее хозяйственное оскудение всего уральского имения Всеволожских в 40—50-х гг. XIX в.

Говоря о технической стороне, следует охарактеризовать Всеволодоблагодатские промыслы как производство,

³⁰ В. В. Данилевский. Указ. соч., стр. 167, 185, 219.

³¹ В. Я. Кривоногов. Наемный труд в горнодобывающей промышленности Урала в дореформенный период. Сб. «Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в дореформенное время». Свердловск, 1964, стр. 171.

³² Памятная книжка для русских горных людей, год 2-й, СПб., 1863, стр. 128—129.

³³ СФГАСО, ф. 12, оп. 1, д. 403, лл. 33—34, 107 об., 195.

³⁴ А. Лоскутов. Сведения об управлении Северных Н. В. Всеволожского золотых промыслов. «ПГВ», 1861, № 34, Статистическое описание Заозерской дачи, «ПГВ», 1861, № 36.

³⁵ В. Я. Кривоногов. Указ. соч., стр. 127, 173 и др.

находившееся на мануфактурной стадии. Тем не менее уже с начала 30-х гг. XIX в. (т. е. почти с начала своего существования) они делают шаги по пути внедрения фабричной техники, что выражается прежде всего в соединении парового двигателя с промывальной машиной. Но эти шаги не были твердыми, и начавшийся здесь технический переворот не только не получил развития, а в последнем предреформенном десятилетии полностью потерял завоеванные позиции. Это явление, как нам кажется, было одним из симптомов кризиса вотчинной золотопромышленности.

Как мы уже показали, темпы развития золотодобывающей промышленности в уральской вотчине Всеволожских были высокими. Промыслы служили крупным источником прибылей. В период 1836—1841 гг. они давали в среднем 28,8% всего дохода вотчины Всеволожских, заняв по удельному весу второе место после горных заводов, приносивших в это время 70,2% доходов³⁶.

Для Всеволожских, стремившихся любой ценой увеличить доходность своей латифундии для того, чтобы выпутаться из вечной паутины долгов, возможность разработки золота была счастливой находкой, и они стали использовать ее весьма энергично, не останавливаясь ни перед трудностями освоения отдаленного района, ни перед финансовыми и материальными затратами.

Но быстрые темпы развития золотопромышленности в вотчине нельзя объяснить только этим. Несомненно, что сама природа новой отрасли обусловила большую ее привлекательность для предпринимателей по сравнению с металлургическими заводами.

Во-первых, золотые промыслы с относительно простым производством по сравнению с металлургическими предприятиями требовали весьма незначительных капиталовложений. Промывальные устройства, гидросооружения, производственные здания приюков по своей простоте и дешевизне не шли ни в какое сравнение с заводскими корпусами, доменными печами и т. п. Так, по состоянию на 1842 г. стоимость производственных сооружений на промыслах Всеволожских составляла 6282 руб. сер., гидросооружений — 29457, машин и устройств — 24605, инструментов — 21239 руб. сер. Тогда как на металлургических предприятиях вотчины она составляла соответственно: 589332, 1160978, 356635, 94049 руб. сер. Общая величина основного капитала золотых промыслов равнялась 81583, а металлургических заводов 2 200994 руб. сер., т. е. в 27 раз больше, тогда как стоимость продукции металлургических за-

³⁶ ГАПО, ф. 176, оп. 1, д. 666, лл. 331—339, 357—360.

водов в среднем за период 1836—1841 гг. составляла 391040 руб. сер. и превышала стоимость продукции золотых промыслов за этот период (161776 руб. сер.) только в 2,4 раза. Несмотря на то, что по данным 1836—1841 гг. золотые промыслы Всеволожских давали несколько меньший доход по отношению к сумме ежегодных затрат (139,4%), чем горные заводы вотчины (142,2%), на них норма прибыли из-за меньших капитальных вложений была в 11 раз выше (115,5%, тогда как на заводах только 10,4%)³⁷.

Во-вторых, для железного рынка России первой половины XIX в. была характерна крайне неустойчивая и часто неблагоприятная рыночная конъюнктура. Вся же продукция золотодобывающих предприятий частных промыслов Урала поступала в государственную казну. Она сдавалась в виде шлихового золота в золотосплавочную лабораторию Уральского горного правления в Екатеринбурге, откуда дважды в год отправлялась на Петербургский монетный двор, принимавший золото по соответствующему курсу. Казна регулярно расплачивалась за сданное золото³⁸.

Несмотря на определенное недовольство хозяев золотых промыслов государственной монополией, существовавшая система сбыта золота была более выгодной, чем условия продажи железа. Она гарантировала 100-процентный сбыт и относительную стабильность цен, а следовательно, и стабильность доходов.

В-третьих, золотые промыслы не нуждались в такой огромной массе тяжелого «египетского» труда на вспомогательных работах, какую требовали заводы, занимавшие колоссальное количество рабочих рук на заготовке топлива и транспортировке готовой продукции. Производственные же потребности золотопромышленности в топливе (для зимнего разогревания песков и отопления промывален) ограничивались сравнительно небольшим количеством дров, заготавливаемых по соседству с промыслом. Отправка продукции вместо громоздких караванов требовала одной повозки.

В-четвертых, золотые промыслы по сравнению с металлургическими предприятиями требовали гораздо меньше квалифицированных кадров. Для подавляющего большинства людей, занятых в заводских цехах, необходима была высокая производственная квалификация, приобретаемая в то время лишь длительной практикой. Золотодобывающая промышленность

³⁷ ГАПО, ф. 176, оп. 1, д. 666, лл. 142, 311—312, 316—329, 332—339, 343—343 об.; 356—360; ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 5, д. 251, лл. 415—417. Подсчеты наши.

³⁸ ГАПО, ф. 176, оп. 1, д. 666, л. 233 об.

тоже нуждалась в специалистах высокой квалификации: штейгерах, опытных шурфовщиках и доводчиках, слесарях, механиках, гидротехниках. Но их было нужно немного, а наиболее массовые на приисках операции — добыча, промывка и перевозка песков — выполнялись людьми, не имевшими особой подготовки. Практически ими могли заниматься все крестьяне, знакомые с обычными на Урале «подзаводскими» работами. Даже по весьма заниженным данным 1843 г. квалифицированная рабочая сила на Всеволодоблагодатском промыслах составляла всего 11,4%, в то время как на заводах вотчины она равнялась 31,2%³⁹. Это обстоятельство имело большое значение для развития золотодобывающей промышленности, так как позволяло маневрировать крепостной рабочей силой внутри хозяйства, создавало условия для сравнительно широкого применения здесь вольнонаемного труда главным образом крестьян-сезонников на основных участках производства.

Все перечисленные причины обуславливали выгодность вложения средств в новую отрасль горнозаводского дела. Они в определенной степени объясняют не только быстрое развитие золотых промыслов в уральском хозяйстве Всеволожских, но и те побуждения, которые заставили заболеть «золотой лихорадкой» и подавляющее большинство уральских магнатов-заводчиков и предпринимателей капиталистического типа, приступивших к организации еще в дореформенный период золотопромышленных компаний.

Но следует отметить, что, несмотря на выгодность новой отрасли горнозаводского дела, дворяне Всеволожские не смогли эффективно эксплуатировать свои золотоносные земли. Запутавшись в долгах, испытывая крупные хозяйственные затруднения, они во второй половине 40-х — 50-х годах XIX в. вынуждены были частично или полностью сдавать свои золотые промыслы различным дельцам-капиталистам, уступая им львиную долю прибыли. Это, несомненно, является одним из признаков кризиса их феодальных латифундий, отражением общего кризиса уральской горнозаводской промышленности.

³⁹ ГАПО, ф. 176, оп. 1, д. 666, лл. 357—360. Подсчеты наши.

С. А. Орлова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М. Д. МУРАВЬЕВА В ПЕРИОД СОЗДАНИЯ «ЗЕМЛИ И ВОЛИ» 1860-х ГОДОВ

В течение последнего десятилетия достигнуты значительные успехи в изучении истории «Земли и воли» 1860-х годов. При этом некоторые исследователи указывали на большое значение деятельности революционных сил в подготовительный период, считая, что именно здесь следует видеть истоки сравнительно быстрого оформления основных звеньев этой организации в 1861 г.¹

Однако пока не удалось получить полного представления о характере, методах деятельности и личном составе революционного лагеря в этот период. Одна из причин этого заключается в узости источниковедческой базы проблемы. Думается, что в поисках документов, освещающих это время, не следует пренебрегать уже известными науке, но не получившими всестороннего рассмотрения источниками.

К числу таковых относятся письма известного революционера-демократа М. Д. Муравьева к своим друзьям и единомышленникам, написанные из Бирска и Оренбурга в 1860—1862 гг., т. е. именно в интересующий нас период. В этой переписке необыкновенно живо и точно, под непосредственным впечатлением происходящего отражены многие события тех лет. Не случайно впервые опубликовавший письма М. Лемке оценивал их как важный источник не только для воссоздания биографии самого корреспондента, но и для характеристики эпохи 60-х годов вообще².

Хотя вопрос об отношении М. Муравьева к «Земле и воле» специально никем не рассматривался, некоторыми исследо-

¹ М. В. Нечкина. Возникновение первой «Земли и воли». Сб. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», М., 1960, стр. 284; Ю. Н. Коротков. У истоков первой «Земли и воли». Исторические записки, т. 79, 1966.

² М. Лемке. Молодость отца Митрофана. «Былое», 1907, № 1/13, стр. 193.

вателями революционного движения периода первой революционной ситуации был установлен факт близости его к этой организации³.

В настоящей статье делается попытка на основе анализа писем Муравского выяснить некоторые стороны процесса идейной и организационной консолидации революционных сил накануне оформления «Земли и воли».

К 1860 г. М. Д. Муравский имел значительный опыт революционной деятельности. Студент Харьковского университета в 1854—1858 гг., вольнослушатель Киевского в 1859 г., он являлся одним из создателей первой в России после Крымской войны революционной организации — Харьковско-Киевского тайного общества (1855—1860 гг.), принял самое активное участие в деятельности общества, а во время следствия был охарактеризован как «человек самого безнравственного образа мыслей, зараженный демагогическими идеями», как «враг всего существующего порядка, требующий особой осторожности и устойчивости в избрании пути для обличения»⁴.

В июне 1860 г. после окончания следствия по делу общества «учредители и главные деятели» его, в число которых вошел и Муравский, были разосланы в уездные города отдаленных губерний. «Уволенный из Харьковского университета... за вредный образ мыслей и неблагонамеренные поступки» М. Муравский в июле 1860 г. прибыл в «отведенный ему для жительства» г. Бирск Оренбургской губернии вместе с предписанием городничему «бдительно наблюдать за образом жизни его (Муравского. — С. О.), занятиями и поведением и доставлять ежемесячно сведения в III отделение С. Е. И. В. канцелярии»⁵.

1860 г. — канун реформы, период острого политического кризиса, непрекращающихся крестьянских волнений. В стране

³ Р. А. Таубин. Революционер-демократ С. С. Рымаренко. «История СССР», 1959, № 1, стр. 138; Я. И. Линков. Революционная борьба А. И. Герцена и Н. П. Огарева и «Земля и воля» 1860-х гг., М., 1965, стр. 90.

⁴ ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., д. 26, ч. 1, 1860, лл. 86—87.

⁵ Следует отметить, что по совокупности предъявленных обвинений «учредители и главные деятели общества» на основании статей 173—175 Свода законов подлежали смертной казни. Однако в начале 1860 года правительство не решилось на подобную расправу. По «Высочайшему повелению», последовавшему на доклад следственной комиссии, дело было приказано решить административным порядком. Но при этом особо отмечалось, что обвиняемые подвергнутся наказанию по всей строгости закона, если впредь будут замечены в чем-либо подобном. Пока же им строжайше предписывалось держать в тайне все, связанное с делом общества и следствием по нему (см. сборник документов и материалов «Общественно-политическое движение на Украине». Киев, 1963, т. 1, стр. 76; ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., д. 26, ч. 5, лл. 5, 56).

происходил процесс консолидации революционных сил, завершившийся во второй половине 1861 г. образованием первой всероссийской революционной организации.

Возникает естественный вопрос — какую же позицию занял в этих условиях Муравский? Обстановка уездного Бирска оказала определенное воздействие на нравственное состояние революционера в первые месяцы пребывания его в этом городе. «Уездная жизнь, чувство одиночества (куда ни оглянешься — везде чиновник) навели на меня страшную тоску и апатию», — писал он. Однако эти настроения оказались кратковременными. Та «нравственная сила», которая отличала его на всех этапах революционного пути, достаточно ярко проявилась и в период первой Бирско-Оренбургской ссылки⁶.

Вскоре он развернул деятельность, которая по объективному своему значению ставит его в один ряд с крупнейшими деятелями эпохи первой революционной ситуации. К концу 1860 г. Муравский восстанавливает связи со многими членами Харьковского-Киевского общества, участниками движения воскресных школ и студенческих волнений. Переписка, с помощью которой он поддерживал связь с ними и между ними, совершенно определенным образом характеризует его деятельность⁷. Следует отметить, что она носила деловой характер. «Дело», на почве которого она возникла, явно общественно-политическое, и цели переписки определяются им. Письма написаны именно для того, чтобы связать людей, занятых «общим делом», информировать о нем, направить все усилия к одной цели. «Дело» постоянно фигурирует в письмах, с ним так или иначе связаны все люди, упоминающиеся в них. Это обстоятельство было отмечено еще в сенатском определении по делу Муравского: «Предмет его переписки заключал в себе по преимуществу учреждение везде, где только возможно, воскресных школ, литературных собраний и вообще распространение в народе грамотности. Но все это, как видно из содержания писем его, было для него не целью, а средством развития какого-то, по выражению его, общего дела»⁸.

⁶ 6 марта 1861 г. больной, находящийся в исключительно трудном материальном положении, он писал своему соратнику по обществу П. Завадскому: «... ведь это в самом деле будет смешно и стыдно, если мы, едва сделавшие первый шаг, споткнемся и падем... Не будем поддаваться... Если мы будем единодушны, если станем поддерживать один другого, то никакие меры, никакое раскассирование, никакая ссылка, никакая «провинциальная среда» нам не страшны» («Былое», 1907, № 1/13, стр. 198, 203).

⁷ Письма, попавшие в руки следственной комиссии, составляют лишь незначительную часть той переписки, которую вел Муравский. Неоднократные указания на это имеются в обнаруженных письмах («Былое», 1907, № 1/13, стр. 191, 202 и др.).

⁸ «Былое», 1907, № 1/13, стр. 230.

Муравский не просто вел переписку, он настойчиво и постоянно убеждал других в необходимости тесных связей. Только в одном письме П. Завадскому от 21/1—1861 г. он несколько раз возвращался к этой теме: «Вы до того захандрили, что у Вас явилась даже мысль, что... переписки нам вести не стоит... Петр Васильевич, Вы упустили из виду, что, не говоря кой о чем другом (об этом ниже), переписка необходима для нас лично. Кроме того... Вы видели, что и по части общего дела творится много хорошего... Во всяком случае Вы видите, что переписываться нам есть о чем, то, о чем свободно писать нельзя, нам и без того известно или даже нетрудно о нем догадаться по какому-либо нам намеку... Вы знаете, что переписка необходима... если у Вас есть о чем писать, то вступите в переписку с Казанью, сообщайте все: я давно уже переписываюсь со студентом Казанского университета В. А. Манассеиным. Вступите и Вы по этому адресу в сношения с Казанью». Заканчивалось письмо словами: «Итак, Вы будете писать и мне и другим: Вы видите, что это необходимо, как для нас лично, так и по другим причинам. Переписка для нас очень важна»⁹.

Цели переписки определялись Муравским еще более точно там, где ему не нужно было убеждать в самой ее необходимости. «Мы уже знакомы, — писал он 25 декабря 1860 г. В. Манассеину, — надо это знакомство применить к делу. Потому Вы и читаете теперь мое письмо. По известным причинам... (отточие документа. — С. О.) я нахожу, что краткость вполне необходима. Я уверен, что, посылая ко мне письма, Вы тоже будете в этом случае соглашаться со мною». 20 января 1861 г. он повторял Манассеину: «Сношения чрезвычайно необходимы. Почты не всегда для этого удобны... нельзя ли, мимо казенных почт, устроить собственные»¹⁰.

Обширные письма Муравского содержали в себе не только информацию о том, что предпринимается по части «общего дела» в различных местах, но и практические советы. Особенно ярко этот направляющий характер писем Муравского проявился в переписке с В. А. Манассеиным. Подробная информация о своих планах и делах носила в известной степени характер рекомендации в устах более опытного, чем Манассеин, революционера. Сообщая 20 января 1861 г. о своей деятельности в Бирске, Муравский подробнейшим образом освещал все, связанное с созданием воскресных школ, началом литературных собраний, деятельностью училищного кружка. Информировал подробно и о планах на будущее: «В литературные бе-

⁹ «Былое», 1907 № 1/13, стр. 193, 198, 202.

¹⁰ Там же, стр. 207, 208, 218.

седы имеет быть внесен и искандеровский элемент. В ближайшей перспективе имеются воскресные школы в остальных трех деревнях и учреждение литературных бесед между учениками уездного училища: в более отдаленной — общества трезвости между крестьянами, популярные беседы по географии, естественным наукам и русской истории в воскресных школах, публичные лекции»¹¹. И далее Муравский давал Манассеину различные советы: обратить внимание на учеников уездных училищ, «покороче сблизиться с военным сословием», обратить особое внимание на уездных учителей и попов, «которые «воспитывают все подрастающее поколение» и, «кроме которых продолжат в уездах университетское дело некому», а потому «желательно было бы, чтобы направление тех и других было тоже университетское. А так как они по большей части берутся из университетских гимназий и семинарий, то желательно было бы, чтобы у тех и у других было это направление». Следовали и совершенно конкретные указания: «Хорошо бы университету сблизиться с семинарией и академией, как он сблизился с обеими гимназиями, завести там кружки: опыт Харькова, Киева и Казани показал, каких великолепных результатов можно этим достигнуть». И, наконец, своеобразные вопросы-указания: «Издается ли у вас студентский рукописный журнал? И есть ли студентская касса? Нельзя ли и то и другое завести в гимназиях, семинарии и академии? Нельзя ли в воскресных школах преподавать русскую историю? Идеи Щапова как были бы симпатичны народу! Нельзя ли завести городские литературные собрания... общество для распространения трезвости, общество взаимного вспомоществования»¹². Здесь, по существу, дается целая программа, составившая смысл практической деятельности кружков, на базе которых выросла «Земля и воля».

В сентябре 1862 г. Муравский был арестован вновь. Причиной ареста явились обнаруженные в бумагах Н. А. Серно-Соловьевича письма П. Завадского, которые привели следственную комиссию к Муравскому. На втором своем следствии он проявил еще большую стойкость и решительно отказался отвечать на любые вопросы, связанные с конкретным характером его деятельности. Следственная комиссия поэтому не смогла уличить Муравского в принадлежности к революционной организации. Однако изучение его переписки показывает, что он теснейшим образом был связан с людьми, принадлежность которых к «Земле и воле» 60-х годов — установленный факт. Эти связи являются одним из веских доказательств его

¹¹ Там же, стр. 214.

¹² Там же, стр. 216—218.

участия в создании единой всероссийской организации революционеров.

В период 1860—1861 гг. Муравский активно переписывается с соратником по Харьковско-Киевскому обществу Я. Н. Бекманом, который впоследствии стал руководителем Вологодского отделения «Земли и воли»¹³. 20 декабря 1860 г. Бекман из Вологды писал П. Завадскому: «С Муравским и Левченко я в переписке. Муравский в уездном суде в Бирске Оренбургской губ.»¹⁴.

Установлено, что Муравский был лично знаком еще в харьковско-киевский период, а затем поддерживал регулярную связь с членом Петербургского комитета «Земли и воли» М. С. Гулевицем¹⁵. Последний в 1862 г. после ареста Н. Г. Чернышевского, Н. Серно-Соловьевича, С. С. Рымаренко был избран в состав Центрального комитета «Земли и воли»¹⁶. Следует отметить, что Гулевич первый восстанавливает связь с Муравским в начале 1861 г., советуя ему в случае освобождения немедленно перебраться в Петербург. В письме к Манассеину от 19 февраля 1861 г. Муравский дает для связи Казани с Петербургом имя Гулевича (через К. И. Белозерского)¹⁷.

«Кроме Гулевича, в Петербурге еще... Рымаренко», — общал Муравский Завадскому 6 марта 1861 г.¹⁸. С. Рымаренко — бывший студент Харьковского университета, участник апрельских волнений 1858 г., в 1860—1862 гг. студент medico-хирургической академии, активный участник движения воскресных школ, впоследствии член ЦК «Земли и воли»¹⁹.

В период 1860—1862 гг. Муравский восстановил связь с бывшим членом Харьковско-Киевского общества, а затем членом «Земли и воли» А. Тыщинским²⁰. В письме от 6 марта 1861 г. Муравский сообщил Завадскому имя и адрес корреспондента для связи с Москвой. Этим лицом был А. П. Покровский — член кружка Заичневского-Аргиропуло, впоследствии один из активных деятелей Московского отделения

¹³ Там же, стр. 221, 223; Р. А. Таубин. Я. Н. Бекман и Харьковско-Киевское тайное общество. В сб. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», М., 1963, стр. 420, 421.

¹⁴ ЦГАОР, ф. 109, 1862, л. 230, ч. 95, л. 19.

¹⁵ «Былое», 1907, № 1/13, стр. 198—199; Р. А. Таубин. Указ. соч., стр. 442.

¹⁶ М. В. Нечкина. «Земля и воля» 1860-х годов (по следственным материалам). «История СССР», 1957, № 1, стр. 112—113.

¹⁷ «Былое», 1907, № 1/13, стр. 198, 223.

¹⁸ Там же, стр. 199.

¹⁹ Р. А. Таубин. Революционер-демократ С. С. Рымаренко. «История СССР», 1959, № 1.

²⁰ «Былое», 1907, № 1/13, стр. 211, 214—222.

«Земли и воли», при содействии которого произошло объединение петербургского и московского ее отделений²¹.

По прибытию в Бирск Муравский постарался сразу же восстановить, а затем поддерживать регулярную связь с бывшими членами Харьковско-Киевского общества. Одним из постоянных корреспондентов Муравского в этот период был упоминавшийся выше П. Завадский. Сосланный в Каргополь Олонечкой губернии, последний активно включился в работу по организации воскресных школ, пытался создать общественную библиотеку. Через магазин Н. Серно-Соловьевича сумел организовать довольно широкую торговлю прогрессивной литературой. Ему удалось установить связи с некоторыми крестьянами, мастеровыми и даже заинтересовать их студенческими делами²². Изучение бумаг Завадского во время его ареста в 1862 г. позволило следственной комиссии выявить весьма широкий круг его связей «с пропагандистами обеих столиц» и провинциальных городов. В 1861 г. в Каргополь был сослан член кружка Заичневского В. Праотцов, который поселился вместе с Завадским. Очевидно, через него Завадский получал широкую информацию о московском кружке. В письмах, взятых у Завадского, сообщалось о А. П. Покровском, П. Аргиропуло, об арестах Шипова, Кистера и др.

Одним из Петербургских корреспондентов Завадского являлся П. Спасский. Это бывший студент Харьковского университета, покинувший его после апрельских событий 1858 г., впоследствии студент Петербургского университета, активный участник студенческих волнений осенью 1861 г. Был членом комитета студентов Петербургского университета, преобразованного в 1862 г. во II отделение Литературного фонда. П. Спасский — активный деятель воскресных школ, друг и единомышленник Н. Утина, Л. Пантелеева и др. Он сообщал Завадскому о высылке в Каргополь руководителей студенческого движения в Петербургском университете Гена и Михайлиса с рекомендацией «сойтись с ними»²³, о закрытии книжного магазина Серно-Соловьевича, аресте Чернышевского и закрытии «Современника», о высылке из Петербурга П. В. Павлова. На следствии Спасский показал, что «из харьковцев знаком с Муравским и Завадским». Это признание позволяет с почти полной уверенностью утверждать, что подобную информацию из Петербурга получал и сам Муравский. Отсюда его

²¹ М. В. Нечкина. К вопросу о взаимоотношениях «Молодой России» с «Землей и волей». В сб. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 годах», М., 1962, стр. 232.

²² ЦГАОР, ф. 109, 1862, д. 230, ч. 95, лл. 2—3, 12, 70, 81 и др.

²³ Там же.

широкая осведомленность о событиях в Петербургском университете. Вывод следственной комиссии после изучения бумаг Завадского гласил, что все его «письма проникнуты вольнодумными идеями и стремлением к пропаганде», а сам он «употреблялся злоумышленниками для распространения пропаганды»²⁴.

Весьма активной была связь Муравского и с другим членом Харьковского-Киевского общества П. С. Ефименко. Последний был выслан в Пермскую губернию, где включился в «организацию местных элементов, приведенных в брожение подъемом общественной волны, шедшей из центра»²⁵. Харьковский опыт Ефименко сыграл немаловажную роль в процессе более четкого оформления пермского революционно-демократического кружка и расширения его связей с другими городами. Ефименко был одним из тех, кто поддержал Муравского в момент его душевной смятенности в первые месяцы пребывания в Бирске²⁶. В Перми Ефименко принял активное участие в создании воскресных школ, составлении проекта общества грамотности, а также первой, обращенной непосредственно к народу прокламации «Послание старца Кондратия». В 1861 г. за причастность к распространению этой прокламации он высылается в Архангельскую губернию, но и оттуда продолжает писать своим соратникам: Бекману, Завадскому и, вероятно, Муравскому, хотя последний как опытный конспиратор не дал в руки следствия ни одной компрометирующей бумаги²⁷.

Верным другом и соратником Муравского в период 1860—1862 гг. был В. О. Португалов. После апрельских событий 1858 г. в Харьковском университете он получил право закончить курс в Казани, где включился в общественно-политическое движение студенчества. С его именем связан кружок, возникший в Казанском университете осенью 1860 г. Готовясь к отъезду из Казани, Португалов сообщил Муравскому список людей (17 фамилий), на которых последний мог опираться в революционной работе. Большинство из них вошло впоследствии «в тот кружок, на основе которого возникло Казанское

²⁴ ЦГАОР, ф. 109, 1862, д. 230, ч. 95, лл. 81, 52—53, 108, 13, 17.

²⁵ ИРЛИ РО, ф. 377, 1 собр., № 1200, л. 2 об. Автобиографические заметки П. Ефименко.

²⁶ Летом 1860 г. он писал Муравскому: «Где твердость, где стойкость наших убеждений и характера? Да есть ли у нас эти твердые убеждения, никакими обстоятельствами несокрушимые? С таким ли образованием и характером должны быть те, которые выступают на поприще политической деятельности? Нет... мы еще не выполнили своего назначения. Наше дело впереди...» («Былое», 1907, № 1/13, стр. 197—198).

²⁷ ЦГАОР, ф. 109, 1862, д. 230, ч. 95, лл. 23—33.

отделение «Земли и воли»²⁸. Сообщенный в ответном письме Манассеину этот список, вероятно, должен был показать степень осведомленности Муравского в делах формирующегося революционного подполья и послужить ему своеобразной рекомендацией в переписке с незнакомым лично Манассеиным, осуществлявшим после отъезда Португалова связь Муравского с Казанью.

После окончания курса Португалов в начале 1861 г. возвращается на Украину, в Полтавскую губернию. Поскольку связи его с Муравским продолжают оставаться очень тесными, то небезинтересно выяснить политическое лицо Португалова в украинский период его жизни. По возвращении на родину Португалов принимает активное участие в создании воскресных школ и других мероприятиях прогрессивной интеллигенции. Не имея определенных данных о его отношении к формирующейся всероссийской революционной организации, мы все-таки можем предположить, что Португалов не только был осведомлен об этом, но и принимал известное участие в собирании революционных сил. Доказательством является его тесная связь с С. Рымаренко²⁹, а также с видным деятелем общественно-политического движения на Украине Н. П. Баллиным. Последний был близок с С. Рымаренко, по линии общей книжной торговли связан с Н. Серно-Соловьевичем, лично знаком с Н. Г. Чернышевским. В 1862 г. получил предложение вступить в «Землю и волю»³⁰ и, как утверждает И. Е. Баренбаум, вероятно, исполнял роль посредника между центром «Земли и воли» и ее украинскими филиалами³¹. В письмах Муравского есть места, свидетельствующие о его осведомленности о деятельности Баллина³². Португалов был связан с А. И. Строниным, имевшим отношение к полтавскому отделению «Земли и воли»³³, и являлся «добрым знакомым» упоминавшегося выше члена Московского отделения организации А. П. Покровского³⁴.

²⁸ Г. Н. Вульфсон. Из истории разночинно-демократического движения на Урале и в Поволжье. Казань, 1963, стр. 33.

²⁹ ЦГИА, ф. 1282, оп. 1, д. 74, л. 242 об., д. 71, лл. 191—192. Переписка Португалова с Рымаренко.

³⁰ Н. П. Баллин. 50 лет моей жизни. Развитие моих социальных стремлений. Публ. И. Е. Баренбаума. В сб. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», М., 1970, стр. 336.

³¹ И. Е. Баренбаум. Мемуары Н. П. Баллина и общественное движение в конце 50-х — начале 60-х гг. XIX века. В сб. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», М., 1970, стр. 313.

³² «Былое», 1907, № 1/13, стр. 204—225.

³³ Г. Гуревич. Дело о распространении малороссийской пропаганды. «Былое», 1907, № 7.

³⁴ «Былое», 1907, № 1/13, стр. 202. В 1862 г. В. Португалов был вторично арестован и выслан под строгий надзор полиции в Пермскую гу-

Переписывался Муравский в 1860—62 г. с близким к Харьковско-Киевскому обществу Шмулевичем (в Киеве)³⁵, участником студенческих волнений в Харьковском университете в апреле 1858 г. Ф. Павловским³⁶. Был связан со студентом Петербургского университета Е. Ильенко, в доме которого в Харькове проходили собрания баллинского кружка³⁷, с бывшими членами общества В. Ивковым, А. Лебедевым, М. Левченко³⁸.

Таким образом, Муравский был так или иначе связан с революционерами, действовавшими на территории почти всей России: в Москве и Петербурге, на Украине (в Киеве, Харькове, Херсоне, Екатеринославе, Екатеринодаре), в Прибалтике (в Дерпте), в Центральной России (в Курске, Костроме), в Поволжье (в Казани, Уфе), на Урале (в Перми, Красноуфимске, Вятке). Им была сделана попытка установить прямые связи Казани с Дерптом, Петербургом, Курском, Вологдой, Каргополом, Харьковом, Киевом³⁹.

В письмах Муравского упоминаются 56 фамилий: десять из них — случайные лица, представители администрации, реакционная профессура, остальные — члены «Земли и воли», участники движения воскресных школ, студенческого движения, члены Харьковско-Киевского общества. Таким образом, тот круг лиц, с которыми переписывался автор, не оставляет никаких сомнений в истинном назначении его переписки. Подробностей личного свойства письма Муравского почти не содержат.

Обращает на себя внимание и факт поразительной осведомленности Муравского о состоянии революционного движения в стране. Находясь в захолустье, он пишет Завадскому 10 октября 1861 г.: «О польских панихидах в Питере, Москве, Киеве, о восстании крестьян в Казанской губернии, о панихиде казанских студентов и о прочем вы, наверное, уже знаете — да и не время писать. Все это ничто в сравнении с последней новостью» и дальше сообщает о студенческих волнениях в Петербургском университете, об арестах в Москве «по делу литографий», адресах тверского и владимирского дворянства и т. д.⁴⁰. Очевидно, Муравского считали нужным ставить в известность обо всем этом.

бернию. Там в течение десяти лет он подвергался постоянным преследованиям местной администрации за связи с участниками революционного и национально-освободительного движения (ГАПО, ф. 65, оп. 1, д. 422, 1141).

³⁵ «Былое», 1907, № 1/13, стр. 200.

³⁶ ЦГИА, ф. 733, оп. 50, д. 1062, л. 8.

³⁷ И. Е. Баренбаум. Указ. соч., стр. 315.

³⁸ «Былое», 1907, № 1/13, стр. 218 и др.

³⁹ Там же, стр. 193—223.

⁴⁰ Там же, стр. 207—209.

Переписка Муравского и материалы его второго следствия показывают, что в период 1860—1862 гг. его революционно-демократические убеждения получают дальнейшее развитие. Эволюция его взглядов на средства борьбы позволяет в известной степени представить процесс выработки тактической линии широкими кругами революционеров 60-х годов.

До реформы 1861 г. его усилия направлены были главным образом на расширение сети воскресных школ, кружков и обществ широкого типа. Первое же письмо Муравского Манассеину, отправленное из Бирска 25 декабря 1860 г., отражало его деятельность по созданию воскресных школ в Бирске: автор сообщал о социальном составе учащихся, наборе учителей, изыскании средств, учебных пособий, говорил о необходимости соединения интеллигентских сил. Планы Муравского на будущее также сосредоточивались на создании сети новых воскресных школ: «Есть надежда, — писал он, — завести воскресные школы и в других деревнях»⁴¹. Сообщения в Казань из других городов были посвящены этому же. Из Перми сообщалось, что там открылось «несколько воскресных школ», создан проект «общества для распространения грамотности и полезных сведений», главная цель которого опять-таки сводилась к расширению сети воскресных школ, к превращению «Народного чтения» в орган этих школ⁴². На эту же тему были сведения из Киева и Харькова⁴³. В письмах начала 1861 г. характер воскресных школ определялся более точно — «дать школам такое направление, чтобы народ находил там удовлетворяющие ответы на все свои вопросы»⁴⁴.

Параллельно с этим Муравский развивает энергичную деятельность по созданию всевозможных кружков и обществ, объединяющих широкие круги прогрессивно настроенной интеллигенции. В декабре 1860 г. он пытается организовать в Бирске литературные собрания. Сообщая 25 декабря 1860 г. Манассеину о создании в Перми проекта «Общества для распространения грамотности и полезных сведений», Муравский одно из основных направлений в деятельности будущего общества видит «в учреждении литературных собраний и публичных лекций»⁴⁵. Возвращаясь к этому вопросу в письме к Манассеину от 20 января 1861 г., он особо подчеркивает значение литературных собраний для воспитания преподавателей воскресных школ: «В этом отношении подают большую надежду начавшиеся здесь литературные собрания, сколько мож-

⁴¹ Там же, стр. 207.

⁴² Там же, стр. 210.

⁴³ Там же, стр. 213.

⁴⁴ Там же, стр. 214.

⁴⁵ Там же, стр. 209—210.

но предвидеть, они будут иметь хорошее влияние на бирскую либеральную партию, т. е. на тех, которые участвуют в воскресных школах»⁴⁶.

В начале 1861 г. Муравский сообщает в Казань о создании в Бирске кружка из преподавателей уездного училища и «их коротких знакомых», в число которых входил и сам Муравский. Он подробно информирует казанскую молодежь о характере работы кружка: в его письме от 20 января 1861 г. образно описано одно из собраний кружка, ярко характеризующее степень политической зрелости широких кругов средней интеллигенции и те трудности, которые вставали перед революционерами в их попытках сплочения демократических сил⁴⁷.

Тематика литературных собраний имела политическую направленность: «В литературные беседы имеет быть внесен искандеровский элемент», — пишет Муравский. Впоследствии он проявляет самую серьезную заботу о сохранении кружка. Получив разрешение на переезд в Оренбург, он сообщает в Казань имя бирского корреспондента учителя К. П. Петрова, члена кружка и просит Манассеина: «Пришлите сюда побольше запрещенных сочинений... главным образом такие сочинения нужны для здешнего училищного кружка»⁴⁸.

Большое значение придавал Муравский созданию других видов объединений «для людей непосвященных». 25 декабря 1860 г. он писал в Казань: «Есть слабая мечта об обществах трезвости». В Перми «составляется общество грамотности и полезных сведений... как только прошение и устав передадутся в Петербург, поднимется вопрос об обществе распространения трезвости... а там поговаривают об обществе взаимного вспомоществования»⁴⁹.

В феврале 1861 г. после выхода новых правил о воскресных школах, когда многим из этих планов не суждено было осуществиться, Муравский, информируя Манассеина о намерениях пермского кружка, сообщал о возникшей там идее учреждения домашних литературных вечеров с целью ознакомления с основными современными вопросами, поднятыми в литературе. Письма февраля — марта 1861 г. содержали идею

⁴⁶ Там же, стр. 213.

⁴⁷ «Недавно, — писал Муравский, — был спор... о том, что лучше деспотизм или свобода для государства и где лучше в Англии или в России и спорили не в виде шутки, а серьезно, младенчество самое первобытное! Двое отстаивали свободу и Англию, около пяти были против этого, остальные четверо... обнаружили такую непривычку к подобным беседам, что я положительно отказываюсь решить, что они одобряют: деспотизм и Россию или свободу и Англию» («Былое», 1907, № 1/13, стр. 214).

⁴⁸ «Былое», 1907, № 1/13, стр. 214, 219.

⁴⁹ Там же, стр. 210.

организации протеста против стеснений и ограничений воскресных школ⁵⁰.

Реформа 1861 г. явилась своеобразным рубежом в развитии программных и тактических принципов революционной демократии. «Разрешение крестьянского вопроса, не согласное со справедливыми требованиями крестьян», явилось, по собственному признанию Муравского, одной из причин, окончательно укрепивших его в революционном образе мыслей⁵¹. Выработку новой тактической линии приходилось осуществлять в сложнейшей обстановке, когда одновременно переплетались крестьянское, студенческое и национально-освободительное движения. В письме к Завадскому от 10 октября 1861 г. Муравский проявляет самое пристальное внимание ко всем видам общественного протеста того времени. Им отмечены польские панихиды в Москве, Петербурге и Киеве, восстание крестьян в Бездне, панихида казанских студентов, студенческие волнения в Петербургском университете, аресты в Москве «по поводу литографий» и т. д. Впоследствии в показаниях Муравский добавляет к ним «стеснение воскресных школ», «посяпки правительства в Польше», поведение русского правительства, по отношению к Герцену и Огареву, клевету на студенческое движение, отсутствие гласного судопроизводства по политическим делам и т. д.⁴² В этих условиях им делается вывод: «В наше время для достижений известной цели ограничиваться путем медленным, путем распространения образования не идет. Теперь пришло время открытых и недвусмысленных действий, которые не окольными путями, а прямо бы хватались за цель... Открытые действия, — продолжает он далее, — необходимы и полезны потому, что хоть они оканчиваются по большей части неудачно, но возбуждают публику. Путь народного образования при этом, конечно, тоже должен идти — это уж само собой»⁵³.

Известно, какое значение придавали лидеры революционно-демократического лагеря предъявлению формальных требований самодержавию. Очевидно, эти идеи находили широкое распространение и среди рядовых участников движения. 10 октября 1861 г. Муравский писал Завадскому: «Хорошо бы если б примеру тверского и владимирского дворянства последовали не только дворяне других губерний, но и другие сословия — запрудить бы требованием себе реформ, основан-

⁵⁰ Там же, стр. 223.

⁵¹ Там же, стр. 225.

⁵² Там же, стр. 204—205, 225.

⁵³ Там же, стр. 205.

ных на самоуправлении. Университетам следует потребовать... реформ, основанных на самоуправлении»⁵⁴.

Интересна оценка, данная Муравским такому крупнейшему в общественно-политической жизни России событию, как студенческое движение в Петербурге осенью 1861 г. Она содержится в письме от 10 октября, т. е. спустя примерно 15 дней после событий и поэтому является в известной мере самостоятельной. Напомнив о важнейших событиях в общественной жизни, Муравский пишет: «Все это ничто в сравнении с последней новостью, с этим первым явлением драмы, с наступившим уже наконец столь долго ожидаемым настоящим делом, целью: закрытие Петербургского университета и последствия этой необдуманной шалости... Мне кажется, это должно поднять все университеты, они должны вступить за Петербургский. Может быть и Питер, воспользовавшись пока железо горячо, приступит прямо к цели... по моему мнению, следует об этих происшествиях трубить, разумеется, с нужными комментариями»⁵⁵.

Тогда же в письме к Завадскому Муравский выдвигает предложение о прямом обращении к народу с революционной агитацией и пропагандой: «Хорошо было бы издавать сборники для простого народа, составленные из лучших статей в прозе и в стихах с популярными объяснениями непонятных мест... Образованная публика уже не нуждается в таких вещах, началась — а простому-то народу нужно бы»⁵⁶.

В условиях острейшего политического кризиса окончательно складывалось представление о революции как единственно возможном выходе из создавшегося положения. «Настоящие политические убеждения», которые Муравский объявил следственной комиссии на допросе 13 октября 1862 г. заключались в следующем: «В последние три или четыре года я пришел к твердому убеждению, что от русского правительства (под именем которого я понимаю императора и всех ныне существующих властей) подвластные ему национальности не должны ожидать никаких существенно-полезных преобразований, так как правительство не имеет ни способности, ни желания сделать что-нибудь подобное для народа и что единственное средство к перемене существующего порядка остается, по моему мнению, путь насильственной революции»⁵⁷.

14 января 1863 г. в собственноручном особом дополнительном показании Муравский еще раз подтвердил, что тот «образ

⁵⁴ Там же, стр. 204.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же, стр. 205.

политических действий, которому он сочувствует», заключается в том, что «для России в настоящее время единственное и самое надежное средство выйти из своего тяжелого положения заключается в насильственной революции, т. к. из действий правительства видно, что оно, во-первых, не умеет сделать ничего существенно-полезного для народа, во-вторых, не хочет отказаться от своего деспотизма, почему в самих преобразованиях своих ограничивается полумерами»⁵⁸.

В эти годы углубилось понимание самого существа революционного переворота. От представления о революции как о вспыхивающем «в один прекрасный день» под влиянием прокламаций тайного общества восстания крестьян Муравский приближался к пониманию революции как результату столкновения самых различных социальных и политических противоречий.

Таким образом, если наши данные не позволяют категорически утверждать формальной принадлежности М. Д. Муравского к «Земле и воле» 1860-х годов, то характер его деятельности, круг связей, направление идейной эволюции, нашедшее яркое отражение в переписке, убедительно свидетельствуют о том, что он принял самое активное участие в процессе собирания революционных сил именно на том этапе, когда создавалась первая всероссийская революционная организация. Все это позволяет говорить о нем, как об одном из выдающихся деятелей общероссийского революционного движения эпохи первой революционной ситуации.

⁵⁸ Там же, стр. 207.

Я. Б. Рабинович

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПРОПАГАНДА СРЕДИ РАБОЧИХ УРАЛА В 70—80-х ГОДАХ XIX ВЕКА

Вопрос о революционной пропаганде среди рабочих на начальном этапе рабочего движения в России привлекал к себе внимание многих советских историков и широко освещен в литературе¹. К сожалению, в этих работах либо вовсе не нашла отражения история распространения революционных идей среди рабочих старейшего промышленного района страны — Урала, либо содержатся лишь краткие упоминания об отдельных фактах подобного рода².

В последнее время по этому вопросу выявились две противоположные точки зрения. В. Е. Четин, исследовавший историю начального этапа борьбы уральского пролетариата, пришел к выводу, что народническое движение здесь «не было связано с рабочим движением»³. Аналогичное мнение о полном (или почти полном) отсутствии связей между революционерами и уральскими рабочими в 70—90-х гг. XIX в. высказала Т. К. Гуськова⁴. Иную позицию занял Д. В. Гаврилов. В двух его статьях, посвященных разночинскому этапу освободительного движения на Урале, утверждается, что революционная пропаганда на Урале в этот период затронула «не только городскую интеллигенцию, но и массу горнозаводского населения», что в 70 — начале 80-х гг. «пропагандой революционных народников были охвачены почти все города... Пермской губернии... и многие заводы»⁵.

¹ См. работы В. И. Невского, А. М. Панкратовой, Ш. М. Левина, Э. А. Корольчук, Б. С. Итенберга, О. Д. Соколова и др.

² См.: О. Д. Соколов. На заре рабочего движения в России. М., 1963, стр. 129—130, 177—178; Б. С. Итенберг. Первый Интернационал и революционная Россия. М., 1964, стр. 66.

³ Сборник материалов научной сессии вузов Уральского экономического района. Исторические науки. Свердловск, 1963, стр. 27.

⁴ «История СССР», 1963, № 2, стр. 230.

⁵ Д. В. Гаврилов. О некоторых вопросах народнического движения на Урале. В кн.: «Вопросы истории Урала», Пермь, 1966, стр. 217; он

К сожалению, автор не раскрывает ни характер и содержание революционной пропаганды, ни степень ее влияния на заводских рабочих. Его утверждение о масштабах этой пропаганды нуждается в более веской аргументации. Факты о том, что в заводском селении была обнаружена прокламация, или что у арестованного студента была изъята нелегальная литература, или, наконец, что в заводской поселок приезжал революционер-пропагандист, сами по себе не могут служить обоснованием тезиса об успехе революционной пропаганды. Только на основании подобных фактов Д. В. Гаврилов включает в перечень «охваченных» пропагандой «многие» уральские заводы (например, В.-Исетский, Суксунский, Н.-Тагильский и др.). Автор к тому же не учитывает, что очень часто намерения вести пропаганду и даже практические попытки в этом направлении не имели успеха и не давали скольконибудь реальных результатов.

Следует полагать, что не все факты революционной пропаганды на уральских заводах были раскрыты жандармскими ищейками и получили отражение в источниках. Нет сомнения и в том, что далеко не все источники выявлены исследователями. К тому же характер известных нам материалов (в значительной своей части официального происхождения) не позволяет осветить с полной достоверностью масштабы и содержание революционной пропаганды на уральских заводах. Тем не менее исследователь должен стоять на почве проверенных и критически проанализированных фактов.

Настоящая статья рассматривает вопрос о революционной пропаганде среди рабочих Урала (точнее, Пермской губернии) в 70 — начале 80-х годов XIX в. В ее основу положены материалы центральных и местных архивов, которые включают как источники официального происхождения (материалы жандармских дознаний и пр.), так и документы, авторами которых являлись представители революционного лагеря.

Задача революционной пропаганды среди рабочих на Урале была впервые выдвинута Екатеринбургским народническим кружком⁶. В следственных материалах отмечалось, что этот кружок ставил своей целью «ниспровержение существующего порядка вещей», для чего признал необходимым «влиять

же. Освободительное движение на Урале в разночинской или буржуазно-демократический период 1861—1895 гг. В кн. «Некоторые вопросы социально-экономической истории России», Воронеж, 1971, стр. 116.

⁶ См.: Я. Б. Рабинович. Екатеринбургский революционно-народнический кружок (1871—1875 гг.). «Ученые записки ПГУ им. А. М. Горького», т. XVII, вып. 4, Пермь, 1961.

на население вообще и на рабочий класс преимущественно»⁷. По заключению жандармского дознания, «конечная цель стремлений» членов кружка состояла в том, чтобы «помогать народу, способствовать всеми силами его образованию и освобождению рабочих из-под гнета капитала»⁸. Наконец, в показаниях членов кружка также говорилось, что задачей социальной пропаганды они считали «поднятие уровня образования рабочего класса и затем эмансипацию его от тех невыгодных условий, в которых он... находится»⁹.

В течение нескольких лет Екатеринбургский кружок (кружок действовал с 1871 по 1875 г.) вел активную пропаганду революционно-демократических и утопическо-социалистических идей среди учащейся молодежи и местной демократической интеллигенции.

Члены кружка разрабатывали планы пропаганды среди рабочих и предприняли попытку их реализации. Они пытались вести устную пропаганду на Невьянском, Н.-Исетском и В.-Нейвинском заводах. Им удалось организовать распространение нелегальной литературы не только в Екатеринбурге, но и на некоторых заводах. Это подтверждается тем, что при обысках нелегальная литература была обнаружена у жителей Невьянского и В.-Туринского заводов¹⁰. Свидетельство этому мы находим и в воспоминаниях С. С. Синегуба¹¹.

Однако установить прочные связи с рабочими членам кружка не удалось. С. С. Синегуб в воспоминаниях с «чувством досады» отмечал, что ему не пришлось завести тесные знакомства с заводскими рабочими в Невьянске. «Вступал я уже в разговоры и с рабочими, — отмечал он, — и, если бы мне беспрепятственно пришлось прожить здесь еще с месяц (С. С. Синегуб находился в Невьянске с конца июня по начало августа 1872 г. — Я. Р.), я всенепременно завел бы близкие знакомства и с ними»¹².

В первой половине 70-х годов другие факты революционной пропаганды на уральских заводах нам неизвестны.

Более успешные и результативные попытки внести революционно-демократические и социалистические идеи в рабочую

⁷ ЦГАОР, ф. 109, 3 эксп., 1874, д. 144, л. 305.

⁸ ЦГАОР, ф. 109, 3 эксп., 1871, д. 76, ч. 2, л. 128.

⁹ Там же, лл. 122 об. — 123.

¹⁰ См.: «ЦГА ТАССР, ф. 89, оп. 1, д. 1609, лл. 4—15; ЦГАОР, ф. 109, 3 эксп., 1874, д. 144, ч. 4, лл. 304—306; ф. 109, 3 эксп., 1871, д. 102, л. 22. См. также: О. Д. Соколов. Указ. соч., стр. 129—130, 177—178; Б. С. Итенберг. Указ. соч., стр. 66.

¹¹ С. С. Синегуб. Воспоминания чайковца. «Былое», 1906, № 8, стр. 46.

¹² С. С. Синегуб. Воспоминания чайковца. «Былое», 1906, № 8, стр. 49.

среду были предприняты на Урале во второй половине 70-х годов. Наиболее характерные из известных случаев имели место на Кыновском и Режевском заводах, в Кунгуре и Перми.

В августе 1876 г. на Кыновский завод Строгановых приехал студент Петровской земледельческой академии, бывший пермский семинарист И. А. Любимов. Ему удалось устроиться учителем в заводскую школу, установить связь с местными учителями и начать пропаганду среди рабочих. Он проводил с рабочими устные беседы, читал им народнические агитационные брошюры («Хитрая механика» и др.). Пропагандистская деятельность И. Любимова на Кыновском заводе продолжалась около трех месяцев (в ноябре 1876 г. он был арестован). Вряд ли можно говорить о ее широком размахе, но «виновность» Любимова в пропаганде среди рабочих была признана следственными органами «совершенно установленной»¹³. При аресте у него было обнаружено большое количество нелегальной народнической литературы (номера журнала «Вперед», брошюра «Хитрая механика» и др.), а также «Капитал», «К критике политической экономии» К. Маркса и тетради с записями политического характера. «Вещественные доказательства», а также показания Любимова и привлеченных к дознанию рабочих раскрывают в общих чертах его взгляды и содержание тех идей, которые он проводил среди рабочих.

Эти материалы характеризуют И. Любимова как убежденного противника существующего строя. В его записях уделено много внимания обличению самодержавия, критике антинародной сущности государственной власти в России. Он отмечал, что «государственный порядок... не допускает никакого человеческого развития в обществе и разоряет народ», что «русскому народу пора покончить счеы с Романовыми» и т. д.¹⁴. На следствии И. Любимов не скрывал своих убеждений и обличал общественный и государственный строй России.

Противник самодержавия и существующих порядков в России Любимов высказывал свое отрицательное отношение к буржуазному строю и буржуазному государству Запада. В своих показаниях он заявлял, что разочаровался в возможности прогресса в интересах народа в буржуазных странах. «...Со времени французской революции и создания Американских Соединенных Штатов, — говорил он, — многие верили в возможность будто бы прогресса для блага всех. Но теперь можно сказать, что прогресса нет, или он есть во-

¹³ ЦГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 395, лл. 64—66.

¹⁴ Рукописи И. Любимова нами не обнаружены. Краткое их содержание изложено в рапорте прокурора Казанской судебной палаты министру юстиции. См. ЦГИА, ф. 1405, оп. 75, д. 7148, лл. 4—5 об.

площение в общественные формы несправедливости»¹⁵. Он отмечал, что и в этих странах существующий строй носит насильственный, эксплуататорский характер: «Все правительственные силы жили и живут хищничеством, опираясь на полицию и войско.., правительственные власти» служат богатым «для высасывания крови миллионных масс... закон есть лишь орудие для сильных притеснять слабых»¹⁶. В суждениях Любимова отразилось некоторое влияние на него анархистских идей. В его тетрадях значительное место занимали заметки, выписанные из сочинений М. Бакунина.

Глубокий интерес проявлял Любимов к рабочему вопросу. Среди его рукописных заметок были обнаружены такие, в которых говорилось «о бедственном положении крестьянского сословия и рабочего класса в России...»¹⁷. Своим слушателям Любимов говорил о тяжелом положении рабочих, о том, что улучшить это положение можно только путем социальной революции, что «нужно свергнуть правительство, уничтожить духовенство, не платить податей и народ будет богаче»¹⁸. Он развивал перед рабочими программу будущего устройства общества в духе народнического социализма. По показанию рабочего Л. Нашкова, Любимов говорил, что «жизнь рабочих можно бы было лучше устроить, следует только уничтожить правительство, духовенство, не платить податей и жить небольшими обществами, которые бы делили между собой свои богатства»¹⁹.

Высказывания И. Любимова обнаруживают знакомство его с западноевропейскими социалистическими учениями и, видимо, с «Капиталом» К. Маркса. Интересны в его заметках упоминания о «научном социализме», запись о том, что «настоящее и будущее принадлежит бесспорно международному рабочему социализму» и для успешной борьбы социалисты основали «международное общество рабочих»²⁰. На следствии Любимов высказывал аналогичные суждения. Он говорил, что после социальной революции и уничтожения существующего строя надо устроить жизнь так, «как гласит рабочий социализм». «Нет и не должно быть иной политики, вне политики рабочего вопроса», — приводится в документах фраза, сказанная Любимовым на следствии²¹. Все это является еще одним доказательством того, что рабочий воп-

¹⁵ ЦГИА, ф. 1405, оп. 75, д. 7148, л. 7 об.

¹⁶ Там же, лл. 7 об. — 8.

¹⁷ Там же, л. 5 об.

¹⁸ Там же, л. 6 об.

¹⁹ Там же.

²⁰ ЦГИА, ф. 1405, оп. 75, д. 7148, лл. 5—5 об.

²¹ Там же, л. 8.

рос привлекал к себе интерес и внимание революционных пропагандистов 70-х годов.

В том же 1876 г. была предпринята попытка революционной пропаганды на Режевском заводе.

Весной 1877 г. в жандармские органы поступили сведения, что учительницы народных школ Екатеринбургского уезда Мария Игнатьевна Чигирь в Режевском заводе и Елизавета Ивановна Мамышева в селе Липецком проводят «вредное направление в религиозно-политическом отношении между учащимися у них детьми и в окружающей среде народа»²².

При дознании было установлено, что М. Чигирь и Е. Мамышева после окончания педагогических курсов являлись учительницами частных гимназий в Петербурге, и были связаны с группой студентов — уроженцев Пермской губернии (Караваяевым, Черемухиным, Калашниковым и др.)²³.

В группе, к которой примыкали в Петербурге Е. Мамышева и М. Чигирь, имелись как сторонники чисто культурнической деятельности, так и сторонники революционной пропаганды, направленной на вовлечение народа в активную революционную борьбу. Из числа последних решительно настроенные Е. Мамышева и М. Чигирь по совету своих товарищей-уральцев осенью 1876 г. направились «в народ» в Пермскую губернию. В Екатеринбурге они установили связь с учеником Уральского горного училища В. Я. Калининым и с находившимся под надзором полиции бывшим активным членом Екатеринбургского кружка Е. Н. Коротковым²⁴.

Е. Мамышева и М. Чигирь в духе народнической теории были убеждены в возможности и необходимости немедленного уничтожения существовавшего экономического строя. «...Чтоб уничтожить коренным образом зло, — писала Е. Мамышева в одном из писем к М. Чигирь, — нужно уничтожить настоящее экономическое положение, все же остальное — новые заплатки на старом рубище»²⁵.

Переписка не оставляет сомнений, что решающим средством уничтожения существующего строя они считали народную революцию, подготовленную революционной пропагандой интеллигенции. В цитированном выше письме Е. Мамышева писала: «...уничтожить (существующий экономический строй. — Я. Р.) идя сверху нельзя, следовательно, остается другой путь — «снизу», что может быть достигнуто развитием кре-

²² ЦГАОР, ф. 109, 3 эксп., 1874, д. 144, ч. 261, л. 2.

²³ Там же, л. 16 об.

²⁴ Там же, л. 2 об.

²⁵ Там же, лл. 28—29.

стьян посредством пропаганды известного рода идей...»²⁶.

Мамышева и Чигирь стремились сблизиться с рабочими и крестьянами и распространяли среди них народническую агитационную литературу. При обыске у них были обнаружены предназначенные для распространения брошюры: «Крестьянское горе», «Безоброчный», «Деревенский торгаш», «Мирской учет», «Юровая» и т. п., а также ряд книг по социальным вопросам, среди которых были «История революции 18-го марта», «Рабочий пролетариат в Англии» Н. В. Шелгунова, «Азбука социальных наук» Флеровского и другие²⁷.

Из выявленных архивных материалов трудно выяснить, какое влияние оказывала эта пропаганда на местное население, но деятельность Е. Мамышевой и М. Чигирь была признана III отделением «крайне вредной и опасною»²⁸.

Некоторое представление о том, как воспринималась пропаганда идей революционного демократизма и утопического социализма, дает дело о пропаганде среди портных мастерской Шубина в Перми в 1878 г.

Начало этой пропаганде было положено студентом Петербургского университета бывшим пермским семинаристом Михаилом Кротовым. Познакомившись с портным Александром Шалаевским, М. Кротов стал снабжать его революционной литературой, часть которой он получал из нелегальной семинарской библиотеки. Своими беседами М. Кротов оказал на А. Шалаевского значительное влияние.

Содержание этих бесед было выдержано в духе господствовавших народнических идей. М. Кротов выступал за немедленный социальный переворот, ликвидацию имущественного неравенства, установление в России социалистического строя. «...Хорошо, — говорил он А. Шалаевскому, — если у нас будет так, что все имущество будет принадлежать всем, а не одному лицу»²⁹. Установление социалистического строя он рассматривал как результат народной революции с участием крестьян, рабочих и интеллигенции, для чего идеи переворота должны быть осознаны народом. В результате революции должно быть создано выборное правительство, «которое должно было бы управлять народом»³⁰. Таким образом, народнический утопический социализм в высказываниях М. Кротова сочетался с четко выраженным революционным демократизмом.

Под влиянием М. Кротова Шалаевский развернул пропа-

²⁶ ЦГАОР, ф. 109, 3 эксп., 1874, д. 144, ч. 261, лл. 28—29.

²⁷ ЦГАОР, ф. 109, 3 эксп., 1874, д. 144, ч. 261, лл. 10 об., 45.

²⁸ Там же, л. 55.

²⁹ ЦГА ТАССР, ф. 89, оп. 1, д. 1633, л. 26 об.

³⁰ Там же, л. 27.

ганду среди своих товарищей по мастерской. Он снабжал их нелегальными изданиями, устраивал коллективные чтения и обсуждения прочитанной революционной литературы, в которых принимало участие до 7—8 человек. В этих беседах и чтениях, судя по показаниям мастеровых, преобладали три основных мотива. Активно обсуждался вопрос о тяжелом положении народных масс, главным образом крестьян: «об излишнем налоге податей на крестьян», о том, что «народу трудно жить — народ жмут...», что «народ обременен податями», что «правительство виновато всему тяжелому положению крестьян»³¹ и т. д. Говорилось о необходимости революционной ликвидации существующего строя, о том, что правительство необходимо «ниспровергнуть», что «будет и нужна революция»³². Наконец, рассматривался также вопрос о будущем государственном строе России, о необходимости заменить существующий строй «народным, выборным правлением»³³.

Таким образом, в беседах мастеровых народнические социалистические идеалы отошли на второй план. Они обсуждали более реалистичную для того времени программу демократического преобразования страны. Сами пропагандисты обнаружили полную неспособность понять самостоятельные задачи и особую роль рабочего класса в борьбе с существующим строем. Показания мастеровых не оставляют сомнения в том, что М. Кротов и А. Шалаевский в своих беседах сосредоточивали внимание исключительно на судьбах крестьян и не касались проблем, связанных с непосредственными задачами рабочих.

Попытку выдвинуть эти проблемы предпринял в том же 1878 г. бывший студент Харьковского ветеринарного института А. А. Бовбельский. Сосланный в г. Кунгур за участие в студенческом движении и политическую неблагонадежность, А. Бовбельский при поддержке политического ссыльного рабочего Н. Туманова создал небольшой кружок местных рабочих и в течение нескольких месяцев вел среди них революционную пропаганду³⁴.

Известно, что народники 70-х годов были вынуждены стать на путь пропаганды среди рабочих, хотя и не понимали исторической роли рабочего класса и продолжали считать кре-

³¹ Там же, лл. 18, 24 об., 35 об.; См. также ЦГИА, ф. 1405, оп. 77, д. 7678, лл. 1—2.

³² ЦГА ТАССР, ф. 89, оп. 1, д. 1633, лл. 18 об., 25 об.

³³ Там же, лл. 35 об.; См. также ЦГИА, ф. 1405, оп. 77, д. 7678, л. 2.

³⁴ См. ЦГИА, ф. 1282, оп. 1, д. 431; ф. 1405, оп. 77, д. 7975; ЦГА ТАССР, ф. 89, оп. 1, дд. 1624, 1635; ГАПО, ф. 65, оп. 2, д. 37; «Деятели революционного движения в России», т. 2, вып. 1, стр. 122.

стьянство главной движущей силой революционной борьбы и социалистического преобразования общества. Обращение Бовбельского с проповедью революционных и социалистических идей к рабочим не было случайным или исключительным явлением. Характерно, что в рассуждениях и высказываниях Бовбельского о революции и социалистическом переустройстве общества совершенно не упоминалось о крестьянстве и крестьянской общине. Свои выводы о необходимости и неизбежности коренного изменения существующего строя он пытался связать с положением и борьбой рабочих, а не крестьянских масс.

В созданном кружке, куда вошли рабочие Н. Туманов, Н. Горбунцов, В. Чертков, Е. Чуистов, П. Каменских и другие, Бовбельский рассказывал, «как работают в Москве на фабриках и как притесняют рабочих хозяева», что «трудно рабочим людям жить... привилегированный класс живет на счет труда рабочих, ничего взамен им не давая», что «настоящее правительство несправедливо поступает против рабочего класса»³⁵ и т. д. При этом Бовбельский высказывал убеждение, что «достигнуть изменения существующего общественно-го строя возможно лишь тогда, когда рабочие сознательно отнесутся к своему положению...», и призывал «устроить общество рабочих»³⁶.

Средством ликвидации существующего строя в интересах рабочих Бовбельский считал народную революцию. Ему были чужды анархистские тенденции. Он преодолел народнический аполитизм и выступал как сторонник республиканского демократического строя. Он убеждал рабочих в необходимости ликвидировать самодержавие и создать выборное правление. По показанию рабочего Горбунцова, Бовбельский разъяснял, что «глава правительства и все правительственные лица» должны быть выборными³⁷. Не понимая буржуазной сущности демократического переворота, Бовбельский наивно полагал, что такой переворот может избавить рабочих от эксплуатации. Когда будет выборное правление, утверждал он, «деньги рабочего не будут поступать в карманы богачей»³⁸. Наряду с этим Бовбельский пытался внушить рабочим утопическую идею о возможности коренного изменения их положения путем создания артелей. По словам рабочего Черткова, Бовбельский убеждал их, что «работникам нужно оставить своих

³⁵ ЦГА ТАССР, ф. 89, оп. 1, д. 1635, лл. 1 об., 19; ЦГИА, ф. 1405, оп. 77, д. 7975, лл. 4, 7.

³⁶ ЦГА ТАССР, ф. 89, оп. 1, д. 1635, л. 19; ЦГИА, ф. 1405, оп. 77, д. 7975, л. 8.

³⁷ ЦГИА, ф. 1405, оп. 77, д. 7975, л. 7.

³⁸ ЦГА ТАССР, ф. 89, оп. 1, д. 1635, л. 27 об.

хозяев, а работы производить самим, артельно»³⁹. Так же примерно излагали эти мысли Бовбельского и другие рабочие.

Особый интерес представляют рассуждения Бовбельского о социалистическом строе, содержащиеся в его письме, написанном 8 сентября 1879 г. в Пермской тюрьме. Это письмо было адресовано пермскому губернатору с протестом против клеветнических обвинений «социалистов» в поджогах. Слухи об этом распространяли здесь местные обыватели и царские чиновники по случаю грандиозных пожаров в Перми весной и летом 1879 г. Отвергнув инсинуации, А. Бовбельский попытался обосновать глубоко гуманистические цели и идеалы революционеров.

Как и все социалисты-утописты, А. Бовбельский не понимал, что социализм есть неизбежный объективный результат развития общества, порожденный определенными социально-экономическими условиями. Он пытался обосновать необходимость и неизбежность социалистического строя биологическими законами, требованиями разума и справедливости.

Только социальный строй, писал Бовбельский, «в основу которого положены всеобщий труд, полнейшая равноправность всех членов общества», а «собственность и знания — достояние всех», основан на естественном и нравственном законе жизни. Это единственный «нравственно-разумный» строй⁴⁰.

Ссылаясь на биологические законы, он доказывал, что «человечество всегда и повсюду стремилось и стремится приискать такие условия, при которых возможна была бы наибольшая солидарность — общность интересов, а следовательно, счастья на земле»⁴¹. Те же социальные отношения, которые существуют в России, дают возможность «сравнительно небольшому меньшинству» пользоваться собственностью, «а следовательно, наслаждаться благами земными, обрекая в то же время целые массы населения на вечно трудовую и страдальческую жизнь»⁴². Из этого Бовбельский делал вывод, что система, которая ставит вне цивилизации «целые массы населения... не есть законченная форма общественного строя, а явление чисто временное, переходное»⁴³.

Он высказывал твердую уверенность, что «настанет время, когда возникнет новый строй, где не будет места насилию и рабству, не будет места нищете, голоду и болезням — этим

³⁹ Там же, л. 29 об.

⁴⁰ ЦГА ТАССР, ф. 89, оп. 1, д. 1635, л. 98 об.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, л. 98—98 об.

⁴³ Там же.

всегдашним спутникам невежества и неравенства, где все будет жить для каждого и каждый для всех»⁴⁴.

Взгляды Бовбельского были незрелыми. В них имелись элементы христианского «социализма». Социалистические идеалы он пытался обосновать евангелическими заповедями и поучениями (вроде: «любите ближнего как самого себя», «скорее верблюд пройдет через щель иголочную — чем богатый войдет в царство небесное») и даже ссылаясь на то, что «спаситель был первым величайшим социалистом в мире»⁴⁵.

Эти заблуждения не уводили, однако, Бовбельского в сторону от революционных выводов. Он не верил в христианские добродетели правящих классов. Правда, он высказывал желание, чтобы переворот совершился мирно, самой властью, которая бы шла «рука об руку с народом», но тут же замечал, что «это не в природе вещей»⁴⁶.

Убежденный революционер Бовбельский решительно и резко выступал против самодержавия и его антинародной политики, обличал деспотизм, произвол и насилие, царящие в России. Он высказывал уверенность, что глухой протест народа примет благодаря социально-революционному движению «вполне осмысленный характер»⁴⁷. Он оправдывал террор революционеров и писал, что террористические акты это «предвестники великого переворота» и «никто не в состоянии приостановить ход истории»⁴⁸.

Деятельность А. Бовбельского, И. Любимова, М. Кротова и других пропагандистов 70-х годов не распространилась на значительные массы уральских рабочих. Их пропагандистская работа была непродолжительной. Им не удалось организовать достаточно устойчивые и стабильные рабочие кружки и привлечь передовую часть рабочих к активному участию в освободительной борьбе.

Впервые передовые уральские рабочие сознательно приобщились к революционным и социалистическим идеям и приняли активное участие в революционном движении в начале 80-х годов XIX в. в связи с деятельностью пермского народнического кружка, известного в литературе под названием кружка пермских «декабристов»⁴⁹.

Начало движению так называемых пермских декабристов было положено студентом Казанского университета В. Ф. Ка-

⁴⁴ ЦГИА ТАССР, ф. 89, оп. 1, д. 1635, л. 101.

⁴⁵ Там же, л. 98 об.

⁴⁶ Там же, л. 100 об.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ ЦГА ТАССР, ф. 89, оп. 1, д. 1635, л. 100 об.

⁴⁹ Подробнее об истории пермского народнического кружка см.: Я. Б. Рабинович. Пермские «декабристы». Пермь, 1966.

заковым, который в период летних каникул 1880 г. основал в заводском поселке Мотовилиха (близ Перми) небольшой кружок местной интеллигенции. Постепенно кружок расширился. В него включились передовая часть пермских семинаристов и гимназистов, группа мелких служащих заводской конторы и горнозаводской железной дороги. Известную роль в подготовке идейной почвы для вовлечения пермской интеллигенции в это движение сыграли политические ссыльные. К началу 80-х годов в Перми проживало 13 ссыльных. Они составляли свой кружок, который собирался вокруг делопроизводителя в управлении уральской горнозаводской железной дороги А. К. Маликова. Некоторые из ссыльных поддерживали тесные связи с местной интеллигенцией. Среди знакомых В. Г. Короленко, Н. И. Сергеева и С. И. Сергеева были и будущие члены пермского народнического кружка И. Г. Остроумов, В. А. Померанцев, А. П. Безукладников, Д. Е. Прокудин-Горский и др.⁵⁰

В конце 1881 г. в кружок была вовлечена группа передовых мотовилихинских рабочих — столяры В. И. Першин, В. Ф. Ермолин и слесарь А. М. Гневышев. Они приняли живое участие в работе кружка и сыграли самостоятельную и видную роль в его деятельности.

Самый активный период в деятельности кружка приходится на 1882—1883 гг. В это время его признанным руководителем был сын горного чиновника бывший студент В. А. Померанцев, исключенный из Казанского университета за участие в студенческих волнениях. В руководящее ядро кружка, кроме В. А. Померанцева, входили железнодорожные служащие Е. В. Попов, А. И. Кузовников, А. И. Бахарев, гимназисты, а затем студенты В. В. Грибель и В. Г. Кузнецов, а также рабочие В. И. Першин, В. Г. Ермолин и др. Кружок поддерживал связи с народническими кругами Москвы, Петербурга и Казани и находился под известным влиянием народо-вольческой идеологии. Руководители кружка считали своей главной задачей пропаганду идей политической борьбы против самодержавия за установление республиканского строя и осуществление социалистического преобразования общества. Согласно следственным материалам, кружок ставил своей целью «возбуждать недовольство против существующего экономического и государственного строя, указывать на революцию, как на единственный исход из настоящего положения», готовить своих членов «для будущей революционной деятель-

⁵⁰ ЦГА ТАССР, ф. 2, оп. 3530, лл. 68, об., 74; И. Г. Остроумов. Мои встречи и отношения с Д. Н. Маминым-Сибиряком, «Воспоминания о Д. Н. Мамине-Сибиряке», сост. З. А. Ерошкина. Свердловск, 1936, стр. 94; В. Г. Короленко. Собр. соч., т. 7, М., 1955, стр. 189.

ности, назначение которой достигнуть устройства общества на новых началах»⁵¹.

В Перми кружок развернул активную пропагандистскую работу среди учащихся и местной интеллигенции. Одним из ее организаторов был член кружка А. И. Бахарев, выходец из мотовилихинских крестьян, служивший чертежником на железной дороге. Вокруг него в 1882 г. объединилась группа мелких железнодорожных служащих, которые собирались для обсуждения различных общественно-политических вопросов. Беседы эти сводились, по заключению министра юстиции, «исключительно к порицанию существующего государственного и общественного строя»⁵². Здесь говорилось о тяжелом положении народа и путях его улучшения, о необходимости и неизбежности революции, установления республики и создания народного правительства⁵³. Члены кружка читали и распространяли в значительных масштабах нелегальную народническую (издания «Земли и воли», «Народной воли», «Черного передела», сочинения П. Лаврова, биографии Желябова, Перовской, Кибальчича и др.) и западную социалистическую литературу (сочинения Лассаля, Шефле и др.), а также отдельные произведения Маркса и Энгельса⁵⁴. Членами кружка была отпечатана на гектографе и распространена прокламация казанских народников «Слово к русскому народу», призывавшая к крестьянской революции с целью «поделить всю землю по равнению... установить законы крестьянские, а не барские»⁵⁵.

Такая же работа велась и среди передовой части пермских семинаристов и гимназистов. С 1883 г. члены кружка стали издавать для учащихся гектографированную газету «Школа». В своей пропагандистской деятельности среди учащихся руководители кружка, и прежде всего В. Померанцев, выдвигали задачу выработать у молодежи твердые революционные убеждения. На это были направлены основные статьи В. Померанцева в газете. Он призывал учащуюся молодежь создавать кружки саморазвития, которые должны были, по его убеждению, стать ступенью, ведущей к активному участию в

⁵¹ ЦГА ТАССР, ф. 2, оп. 1, д. 3530, лл. 3—3 об., 5—5 об.

⁵² ЦГИА, ф. 1405, оп. 521, 1885, д. 419, ч. 2, л. 105.

⁵³ ЦГА ТАССР, ф. 2, оп. 1, д. 3530, лл. 53, 81 об., 82.

⁵⁴ Там же, лл. 3, 4, 29, 31, 35, 37 об., 38, 52—52 об., 56, 72 об. и др. См. также «Опись вещественным доказательствам по дознанию об образовавшемся в г. Перми социально-революционном кружке», ЦГИА, ф. 1405, оп. 83, д. 11332, лл. 46 об. — 53 об.

⁵⁵ Экземпляр прокламации находится среди вещественных доказательств по делу А. Бахарева. ЦГА ТАССР, ф. 3, оп. 23, д. 519. Впервые эта прокламация опубликована Н. Сергневским. См. «Каторга и ссылка», 1931, № 1, стр. 52—53.

борьбе за политическую свободу. Газета звала молодежь к борьбе, будила ее политическую мысль, воспитывала в духе непримиримой вражды к самодержавию, ко всем пережиткам крепостничества и средневековья⁵⁶. Кружок оказал значительное влияние на сравнительно широкий круг местной интеллигенции и учащихся. К дознанию по делу кружка было привлечено 14 учащихся и 20 служащих⁵⁷.

Основное внимание кружок сосредоточил на пропаганде революционных идей среди рабочих. Центром деятельности кружка стала Мотовилиха — рабочий поселок вокруг крупнейшего на Урале казенного пушечного завода. Руководители кружка, как свидетельствует официальный источник, «с большой настойчивостью и убеждением» преследовали «намеченную ими цель пропаганды среди рабочих о необходимости ниспровержения существующего строя путем революции и образования нового общественного строя на началах социализма»⁵⁸.

В Мотовилихе членами кружка была создана библиотека, которая использовалась для расширения связей с рабочими и распространения среди них нелегальной литературы. В последний период своего существования библиотека насчитывала более 100 читателей, главным образом рабочих и служащих Мотовилихинского завода и железной дороги⁵⁹. В начале 1883 г. в Мотовилихе была открыта народная школа, а с марта того же года в школе стали проводиться воскресные чтения для рабочих по общеобразовательной программе⁶⁰. С группой передовых рабочих были организованы кружковые занятия. В беседах руководители кружка уделяли главное внимание критике существующего строя, вопросам положения рабочих и рабочего движения, а также будущего социалистического преобразования общества. Как выяснено было следствием, В. Померанцев говорил им «о положении рабочего класса... о несознании ими своего зависимого положения... о тяжести и непосильности труда их... о будущем обществе, основанном на социальных началах»⁶¹. В рабочих кружках было организовано чтение романа Швейцера «Эмма», а затем книги Шефле «Сущность социализма»⁶².

Из среды мотовилихинских рабочих постепенно выделялась более сознательная и передовая группа (рабочие В. Пер-

⁵⁶ См.: Я. Б. Рабинович. Указ. соч., стр. 70—85.

⁵⁷ ЦГИА, ф. 1405, оп. 83, д. 11332, лл. 74—74 об.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ ЦГА ТАССР, ф. 3, оп. 23, д. 638, лл. 1—24.

⁶⁰ Там же, д. 640, л. 138.

⁶¹ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 3530, лл. 10 об. — 11, 30.

⁶² ЦГА ТАССР, ф. 2, оп. 1, д. 3530, лл. 6 об., 11, 45.

шин, В. Ермолин, А. Гневышев, Н. Бахарев, Г. Белавин, И. Баишев и др.), которая приняла активное участие в работе кружка. Руководство практической деятельностью кружка в Мотовилихе фактически перешло к столяру Василию Ивановичу Першину. Особое внимание В. Першин и его товарищи уделяли популяризации нелегальной литературы среди рабочих. Их усилиями в Мотовилихе были распространены в большом количестве различные народнические издания для рабочих: народовольческая «Рабочая газета», чернопеределеческий листок «Зерно», воззвание «Исполнительного комитета «Народной воли», «Русскому рабочему народу» и др.⁶³ В виде прокламации распространялась также «Программа рабочих членов партии «Народная воля»⁶⁴. Эта программа вызвала, по всей вероятности, значительный интерес в рабочем кружке, так как, по просьбе В. Першина, решено было размножить ее на гектографе⁶⁵.

Наряду с народнической литературой члены кружка читали и распространяли в Мотовилихе сочинения западных авторов по вопросам социализма и рабочего движения (Лассалья, Швейцера, Шефле и др.). Широкой популярностью пользовались книги «К рабочему движению в Германии» и брошюра «Буржуа и пролетарии» (глава из «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса)⁶⁶.

Таким образом, основная деятельность кружка сводилась к распространению среди рабочих революционных идей борьбы с самодержавием и пропаганде социалистических учений. Это, несомненно, содействовало пробуждению политической мысли передовых рабочих, способствовало их революционному воспитанию.

Члены пермского народнического кружка проявляли глубокий интерес к рабочему вопросу, к проблемам рабочего движения и социалистического переустройства общества. Об этом свидетельствуют не только перечень распространявшейся литературы, но и только показания членов кружка на следствии, но и обнаруженные у них при аресте оригинальные документы — дневники, письма, заметки, конспекты, списки рекомендованных для чтения книг и т. д.

⁶³ Там же, лл. 3—3 об., 4, 6, 15 об., 19, 35—35 об., 41 об. — 42, 44 об., 57 об.; ф. 89, оп. 1, д. 1650, лл. 1—1 об., 26—26 об., 29.

⁶⁴ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 3530, лл. 31, 68, 68 об.; см. также ЦГАОР, ф. ДП, 1881, д. 627, лл. 19—20.

⁶⁵ ЦГАОР, ф. ДП, 1881, д. 627, лл. 19, 38 об. — 39. Подготовленная к гектографированию «Программа» была обнаружена при обыске у В. Померанцева и хранится среди вещественных доказательств в его деле. См.: ЦГА ТАССР, ф. 3, оп. 23, д. 640, лл. 87—106.

⁶⁶ ЦГА ТАССР, ф. 2, оп. 1, д. 3530, лл. 12 об., 17 об., 20 об., 55, 56, 62, 70 об., 88 об.

Обращает на себя внимание тот факт, что руководивший деятельностью кружка в Мотовилихе В. И. Першин усиленно пропагандировал литературу по рабочему вопросу. Он настойчиво рекомендовал членам кружка читать книгу «К рабочему движению в Германии» «как книгу серьезную» и «в качестве сочинения, достойного внимания», брошюру «Буржуа и пролетарии», литературу по вопросам социализма⁶⁷. По показанию члена кружка Г. С. Десятова, В. Першин в разговоре с ним «с сочувствием» отзывался «об учении социалистов» и склонял его «вступить в их общество»⁶⁸. «Распропагандированный» В. Першиным Г. Десятов пытался проводить эти идеи среди своих знакомых. Он вел среди них разговоры «о неравномерном распределении имущества между богатыми и бедными» и о том, что «имущество богатых следует разделить между бедными»⁶⁹.

У проживавшего на одной квартире с В. Першиным студента В. Ф. Ермолина был обнаружен при аресте «перечень книг по рабочему вопросу»⁷⁰. Под влиянием идей мелкобуржуазного социализма В. Ермолин проявлял усиленный интерес к вопросам об «ассоциациях», рабочих артелях и пытался предпринять практические меры «для организации слесарной мастерской на артельных началах»⁷¹.

При обыске у слесаря И. Ф. Байшева наряду с нелегальной литературой были изъяты литографированные заметки под названием «Кто чем живет?», в которых разъяснялось понятие прибавочной стоимости и анализировалась классовая структура капиталистического общества⁷².

Среди вещественных доказательств в деле члена кружка студента В. В. Грибеля главное место занимали материалы по рабочему вопросу: списки литературы, «Программа рабочих, членов партии «Народной воли», «Программа работников» Ф. Лассалья, выписки из книг по вопросам рабочего движения в Западной Европе и т. д.⁷³. В одной из рукописей, напоминающей конспект лекции или беседы, разъясняется роль

⁶⁷ ЦГА ТАССР, ф. 2, оп. 1, д. 3530, лл. 20 об., 56, 62, 67; ЦГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 419, ч. 2, л. 122.

⁶⁸ ЦГА ТАССР, ф. 2, оп. 1, д. 3530, л. 57 об.

⁶⁹ Там же, л. 59 об.

⁷⁰ Там же, л. 45 об.

⁷¹ Там же, лл. 33, 44.

⁷² Там же, ф. 3, оп. 23, д. 518, лл. 1—5. По всей вероятности, эти заметки являлись неизвестным переводом с польской брошюры С. Дикштейна «Кто чем живет?», в которой в популярной форме излагалось марксистское учение о прибавочной стоимости и необходимости борьбы за уничтожение капитализма и построение социалистического общества. Позднее, в 1885 г., эта брошюра была издана группой «Освобождение труда» с предисловием Г. В. Плеханова.

⁷³ ЦГА ТАССР, ф. 3, оп. 23, д. 547.

рабочего класса в капиталистическом производстве, раскрываются понятия «капитал», «заработная плата», «прибавочная стоимость» и т. д. При этом в рукописи отмечается, что речь идет о русских и иностранных рабочих, так как «говорить только о русских нет достаточных материалов, к тому же то, что говорится об иностранных рабочих, может быть отчасти отнесено к русским»⁷⁴. В конце рукописи вслед за стихотворными строками «Я всю Русь исходил, всюду стонет мужик...» автор делает характерное примечание: «Только вместо слова Русь и мужик нужно поставить «свет» и «работник» — и вот сжатая картина бедствий рабочего класса»⁷⁵.

Различные заметки по рабочему вопросу были обнаружены в бумагах В. Померанцева. Среди них заметки о выступлениях рабочих в Лондоне, стачках в Берлине и их результатах и даже описание стачки на Мотовилихинском заводе⁷⁶.

Аналогичного характера документы были обнаружены и у других членов кружка. Все это говорит о сравнительно широком и значительном идейном влиянии кружка на местную интеллигенцию и рабочих. Свидетельством этого влияния служит перехваченное в октябре 1883 г. письмо ученика пермского реального училища сына мотовилихинского священника Н. Богданова к своему товарищу в Екатеринбург. «А как ты насчет нынешнего социализма? — спрашивал автор письма. — Много, очень много социалистов. Развивается не по дням, а по часам эта сила»⁷⁷. О значительном влиянии кружка на мотовилихинских рабочих говорят и официальные документы. В жандармском отчете признавалось, что «в Пермской губернии социалистическое движение широко разлилось и нашло себе приверженцев среди многочисленных рабочих на заводах военного министерства в Мотовилихе»⁷⁸. Не случайно среди первых социал-демократов Перми и Мотовилихи в 90-х годах были рабочие, которые получили начальное революционное воспитание под влиянием кружка пермских «декабристов»⁷⁹.

«Рабочий вопрос» в российском освободительном движении был выдвинут революционерами-разночинцами, идеологами крестьянства. Поставив вопрос о капитализме, о противоречиях между трудом и капиталом, революционное народни-

⁷⁴ ЦГАТАСС, ф. 3, оп. 23, д. 547, лл. 11—15 об.

⁷⁵ Там же, л. 15 об.

⁷⁶ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 3530, лл. 37, 37 об., 39 об.; ф. 3, оп. 23, д. 640, л. 158.

⁷⁷ ЦГИА, ф. 733, оп. 165, д. 151, л. 8.

⁷⁸ «Хроника социалистического движения в России 1878—1887 гг.». Официальный отчет. М., 1906, стр. 245.

⁷⁹ См.: Е. Кудрявцев. На заре туманной юности. Из истории рабочего движения в Перми. «Каторга и ссылка», 1931, № 4.

чество «заняло тем самым передовое место среди прогрессивных течений русской общественной мысли»⁸⁰.

Разработка первых программ по рабочему вопросу, попытка рассматривать рабочие массы как составную часть народно-революционных сил и начало революционной пропаганды среди рабочих — все это было, несомненно, исторической заслугой революционных народников. Их практическая деятельность и теоретические поиски в этом направлении обогащали опыт российского освободительного движения.

Естественно, что в рамках крестьянского демократизма они не могли прийти к научному пониманию «рабочего вопроса» дать научный анализ классовой структуры современного им общества и разрешить вопрос об исторической миссии пролетариата. Они не смогли выделить пролетариат из общей массы трудящихся и связать свое движение с его классовыми интересами, с классовой борьбой внутри развивающегося капиталистического общества»⁸¹. Несмотря на то, что взгляды революционных народников по «рабочему вопросу» развивались и углублялись, а практическая деятельность в рабочей среде расширялась, их отставание в решении этой проблемы усиливалось. По мере развития рабочего движения, роста революционного сознания передовых рабочих, вызревания предпосылок распространения марксизма народническое решение рабочего вопроса начинало все в большей степени обнаруживать свою ограниченность.

Однако на начальном этапе рабочего движения в России народническая интеллигенция сыграла определенную роль в пробуждении революционного сознания передовой части рабочих. Это в полной мере относится и к Уралу.

Анализ конкретного материала свидетельствует о том, что революционная народническая интеллигенция на Урале не была связана со стихийным рабочим движением⁸². Однако было бы ошибкой игнорировать процесс дальнейшего роста освободительного движения на Урале в 70-х годах XIX в. и факт распространения революционных идей не только в кругах местной разночинной интеллигенции, но и в среде заводских рабочих.

Особенности социально-экономического развития Урала

⁸⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 180—181:

⁸¹ Там же, стр. 135—136.

⁸² См.: В. Е. Четин. Рабочее движение в Пермской губернии в 70-х годах XIX века. «Из истории рабочего класса Урала», сб. статей. Пермь, 1961, стр. 194; Я. Б. Рабинович. Стаечная борьба в Пермской губернии в 70-х годах XIX века. «Прошлое Урала». Ученые записки ПГУ им. А. М. Горького, т. XXI, вып. 1, стр. 23—25.

как крупнейшего центра горнозаводской промышленности, где формировался старейший отряд российского пролетариата, наложили свой отпечаток на воззрения местной разночинной интеллигенции.

В своей практической деятельности революционные народники на Урале очень рано направили свои основные усилия на пропаганду революционных идей не в крестьянской, а преимущественно в рабочей среде. Задачи пропаганды среди рабочих на Урале были впервые поставлены екатеринбургским кружком в начале 70-х годов. Во второй половине 70-х годов отдельные революционеры попытались пропагандировать идеи революционного демократизма и утопического социализма в небольших рабочих кружках, но им не удалось вовлечь рабочих в активную революционную деятельность. В начале 80-х годов революционные социалистические идеи проникают в рабочую среду, а передовые рабочие (В. Першин, В. Ермолин и др.) оказываются не только восприимчивыми к этим идеям, но сами выступают в роли их активных пропагандистов. Пропаганда революционных народников непосредственно среди уральских рабочих в 70-х—начале 80-х годов не получила значительного размаха. Тезис Д. В. Гаврилова о широких масштабах революционной пропаганды на Урале в этот период не подтверждается конкретным фактическим материалом. Это утверждение вытекает из недостаточно внимательного и критического отношения автора к использованным источникам. Более или менее значительная и успешная революционная пропаганда, которая, однако, не была продолжительной и не носила систематического характера, имела место лишь на нескольких заводах (Мотовилихинском, Кыновском, Невьянском и др.) и в некоторых городах (Перми, Екатеринбурге, Кунгуре). Разрозненные попытки революционеров внести революционные социалистические идеи в рабочую среду не могли оказать значительного влияния на формирование идеологии широких рабочих масс. Тем не менее они не были безрезультатны. Семена, которые сеяли революционеры, не могли пропасть бесследно. Они содействовали в конечном итоге политическому пробуждению рабочих, их поискам своих самостоятельных путей борьбы. В. И. Ленин учил, что «обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы...»⁸³.

⁸³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 261—262.

дачи показать влияние связи с землей на положение горнозаводского населения, на формирование уральского пролетариата и его борьбу за улучшение условий жизни.

В монографиях, диссертациях и статьях советских историков Ю. Гессена, А. А. Савича, Ф. П. Быстрых, Г. В. Калугиной, Д. Г. Векслер, Л. А. Трефиловой освещены некоторые стороны поземельного устройства горнозаводского населения посессионных заводов по закону 1893 г.³ Однако в работах указанных исследователей дается различная оценка закона 1893 г. Ф. П. Быстрых характеризует закон как крепостнический, который усилил кабальную зависимость рабочих от заводчиков⁴. Д. Г. Векслер стремится доказать, что закон 1893 г. привел к экспроприации земель горнозаводского населения, основная масса которого потеряла связь с землей⁵. По мнению Ю. Гессена, заводовладельцы предоставили жителям заводов меньшее количество земли, чем они могли получить по закону⁶. В «Очерках истории коммунистических организаций Урала» указывается, что «население отказалось от получения наделов по закону 1893 г., т. к. за надел сверх одной десятины оно должно было платить выкуп»⁷.

Расходятся мнения исследователей и о степени завершенности землеустройства по закону 1893 г. В вводной статье к сборнику «Положение рабочих Урала во второй половине XIX — начале XX в.» указывается, что работы по земельному устройству в посессионных округах завершились к началу мировой войны 1914 г., а в статье Г. В. Калугиной отмечается, что закон 1893 г. «не был проведен в жизнь»⁸.

³ Ю. Гессен. История горнорабочих СССР. Т. 2, М., 1929; А. А. Савич. Очерки истории крестьянских волнений на Урале в XVIII—XX вв. М., 1931; Ф. П. Быстрых. О землепользовании горнозаводского населения Урала в конце XIX — начале XX вв. Сб. «Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале». Свердловск, 1963; Г. В. Калугина. Аграрный вопрос в посессионных округах Урала в конце XIX — начале XX вв. Указанный ранее сб.; Д. Г. Векслер. Положение уральских заводских рабочих в конце XIX — начале XX вв. Канд. диссертация. Л., 1954; Л. А. Трефилова. Землевладение и землепользование горнозаводского населения посессионных заводов Пермской губернии в 1861—1917 гг. Сб. «Из истории рабочего класса и крестьянства Пермского края». Пермь, 1965.

⁴ Очерки истории большевистских организаций на Урале. Свердловск, 1951, стр. 151.

⁵ Д. Г. Векслер. Положение уральских горнозаводских рабочих, стр. 214.

⁶ Б. Ю. Гессен. История горнорабочих СССР. Т. 2, стр. 201.

⁷ Очерки истории коммунистических организаций Урала Т. 1, 1883—1920. Свердловск, 1971, стр. 147.

⁸ Положение рабочих Урала во второй половине XIX — начале XX вв. Сб. документов. М. — Л., 1960, стр. 6; Г. В. Калугина. Аграрный вопрос в посессионных округах, стр. 113.

Цель данной статьи рассмотреть ход поземельного устройства горнозаводского населения посессионных заводов Пермской губернии по закону 1893 г. и его результаты к 1917 г. Статья написана на основе документов центральных и местных учреждений, а также заводских управлений и контор, хранящихся в Центральном государственном историческом архиве СССР, Государственном архиве Пермской области, Государственном архиве Свердловской области и его филиале в Нижнем Тагиле.

Межевые работы в посессионных округах Урала нашли отражение в отчете чиновника особых поручений при министерстве земледелия и государственных имуществ Ю. Ю. Беленького от 16 декабря 1896 г., в записке чиновника Министерства внутренних дел Г. Г. Савича, ревизовавшего учреждения Пермской губернии в 1903 г., в записке заведующего поземельным устройством на Урале М. Б. Струве «К вопросу о поземельном устройстве населения в посессионных округах Урала», написанной в 1907 г., в докладе М. Б. Струве «Аграрно-лесной вопрос в горнозаводских дачах Урала», прочитанном в 1917 г. на совещании совета съездов горнопромышленников Урала⁹. В перечисленных документах содержится интересный фактический материал, но к нему следует подходить критически, учитывая классовые позиции авторов, выражавших интересы правительства и заводчиков. Документы в архивных фондах содержат сведения о размерах землевладения и землепользования горнозаводского населения, об отграничении наделных земель и выдаче данных — официальный акт, подтверждавший права на владение землей¹⁰.

Основным документом, определяющим поземельные отношения в пореформенный период, были уставные грамоты. В 7 посессионных округах Пермской губернии в 1862—1863 гг. было составлено 74 уставных грамоты, по которым мастеровые и сельские работники получили 118.555 дес. земли¹¹. Однако в 1878 г., через 15 лет после составления уставных грамот, пермский губернатор писал в отчете: «В посессионных округах Нижне-Тагильском, Алапаевском и других с населением в 75 тысяч душ, большей частью мирские земельные угодья в натуре не отграничены и сделать это невозможно,

⁹ ГАСО, ф. 55, оп. 1, д. 551, лл. 2—14; Г. Г. Саввич. Землеустройство сельских обывателей Урала. СПб., 1907; ЦГИА СССР, ф. 48, оп. 1, д. 65, лл. 28—40; д. 62, лл. 137—148.

¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 51, оп. 1, д. 213; ГАПО, ф. 38, оп. 1, д. 137; ГАСО, ф. 55, оп. 1, д. 307 и др.

¹¹ Л. А. Трефилова. Землевладение и землепользование горнозаводского населения посессионных заводов, стр. 50—51.

т. к. владельцы заводов расходов по межеванию на себя не принимают, закона же, обязывающего стороны окончательно отграничить наделы, нет»¹². В июне 1879 г. Государственный совет, рассматривая прошение заводчиков-посессионеров о выкупе ими в полную собственность казенных земель и лесов, которыми они до этого владели на посессионном праве, предложил заводовладельцам «безотлагательно приступить к более подробной разработке вопроса об окончательном устройстве быта населения посессионных заводов»¹³.

В ноябре 1883 г. уральские посессионеры направили министру государственных имуществ прошение, где выражали согласие на передачу «в вечное и безвозмездное пользование» населения, независимо от усадебной оседлости, покосных и пахотных угодий, согласно размерам существующего пользования, находившихся у мастеровых рощистей, т. е. участков, которые мастеровые сами расчистили из-под леса, и выгонных земель по 600 кв. саж. на душу мужского пола. Заводчики, лишившиеся возможности эксплуатировать недра наделных земель, должны получить право на обмен угодий в течение 10 лет. Посессионеры предлагали «межевые действия по отграничению угодий производить правительственными средствами и на счет казны»¹⁴.

На совместном заседании членов совета министра государственных имуществ и горного совета при участии представителей посессионеров в 1887 г. рассматривался проект постановления о поземельном устройстве горнозаводского населения посессионных заводов Урала. Участники заседания пришли к выводу, что хотя «земледельческий труд дает результаты слишком скудные для того, чтобы сделаться самостоятельным источником средств существования даже при обширном земельном наделе, тем не менее пользование земель (главным образом для сенокосения) имеет немаловажное значение для населения в качестве хозяйственного подспорья, дополняющего заработка горнорабочего и дающего ему прочную оседлость»¹⁵. В журнале заседания указано: «...предоставление населению уральских посессионных заводов возможно более обширных земельных наделов на возможно более льготных условиях было бы полезно не только сему населению, но и самим заводам, т. к... земельные наделы насе-

¹² ГАПО, ф. 65, оп. 1, д. 44, лл. 36.

¹³ ГАСО, ф. 55, оп. 1, д. 259, л. 11 об.

¹⁴ Там же, л. 14.

¹⁵ А. С. Кривошеков. Законодательные материалы по вопросам, относящимся к поземельному устройству горнозаводского населения. СПб., 1911, стр. 427.

ления обеспечивают заводам постоянный контингент прочно-оседлых рабочих»¹⁶.

Закон о завершении поземельного устройства мастеровых и сельских работников посессионных заводов Урала, утвержденный 19 мая 1893 г., включил в состав наделных земель «покосы и росчистки в лесах и куренях в тех размерах, в коих покосы определены уставными грамотами, а росчисти признаны установленным порядком», т. е. пользование ими оформлено постановлениями мировых посредников. Мастеровым и сельским работникам переходили полевые и луговые угодья, находившиеся в фактическом пользовании населения, но владение которыми не было оформлено ни уставными грамотами, ни постановлениями мирового посредника, за исключением арендуемых земель. Выгонные земли назначались в размере 600 кв. саж. на душу мужского пола. Право собственности на перечисленные земли население получало с 19 мая 1908 г., через 15 лет после издания закона, без всякого выкупа. До этого срока заводоуправлениям разрешалось производить «разведку и разработку полезных ископаемых в земельных угодьях, отводимых мастеровым и сельским работникам», и требовать обязательного для мастеровых и сельских работников «разверстания и обмена угодий»¹⁷.

В инструкции о порядке межевых действий по отграничению наделов мастеровым и сельским работникам посессионных заводов от 15 декабря 1894 г. указывалось, что съемка угодий производится межевыми чиновниками Министерства земледелия и государственных имуществ при участии доверенных от горнозаводского населения и представителей заводо-владельцев. В случае отказа заводского населения избрать уполномоченных с разрешения земского начальства эти работы производились межевыми чиновниками в присутствии посторонних свидетелей из жителей смежных селений в составе 3—6 человек. После окончания съемки межевщиками составляются планы съемки — планшеты и таблицы с обозначениями всех угодий, общего количества удобной и неудобной земли. Планшеты и таблицы вычислений угодий начальник межевой партии предъявлял представителям заводо-владельцев и доверенным от населения. В акте указывались все их возражения. Затем составлялся проект надела, с которым знакомили всех владельцев угодий. После достижения соглашения между представителями заводо-владельца и поверенными от населения «относительно состава, размера и границ надела» про-

¹⁶ Там же.

¹⁷ ЗПСЗ, т. XIII, № 9628, стр. 326—327.

изводилось отграничение наделных земель в присутствии представителя заводовладельца и доверенных от населения. На основании межевых документов и акта об отграничении земель губернского присутствия выдавало данную — документ на владение земельными угодьями.

Закон 1893 г. и инструкция 1894 г. не внесли существенных изменений в те предложения, которые были высказаны посессионерами в прошении 1883 г., за исключением передачи земель в собственность, а не в вечное пользование населения. Но это право предоставлялось только через 15 лет, а не через 10, как просили заводчики.

В инструкции 1894 г. отмечалось: за ее точным выполнением наблюдает лесное отделение Уральского горного управления. И горное ведомство проявило себя отнюдь не беспристрастным наблюдателем. В мае 1895 г. главный начальник уральских горных заводов направил заведующим лесами посессионных округов распоряжение о проведении «тщательно и, по возможности, в скорейшее время» проверки, «на каких условиях владеют землями жители заводов, а если среди владельцев обнаружатся лица, захватившие земли самовольно, то возбудить против них иск об отбрании от них захваченных земель»¹⁹.

В Пермской губернии закон 19 мая 1893 г. получил распространение в Алапаевском, Верх-Исетском, Невьянском, Нижне-Тагильском, Ревдинском, Сысертском и Шайтанском округах. Летом 1895 г. начались работы по съемке угодий и продолжались до 1907 г. Такой длительный срок съемочных работ объясняется огромным количеством спорных дел, возникших в ходе этих работ. Заводоуправления отыскивали любой повод, чтобы заявить свои права на земли, находившиеся в пользовании населения. Под давлением заводовладельцев межевые чиновники не обозначали многие участки на планах, и население отказывалось принимать участие в съемочных работах. Это осложняло работу, так как угодья были разбросаны на огромном пространстве, покосы зачастую находились в глубине леса, и без владельца этих участков обнаружить их было трудно. В некоторых случаях межевщики не снимали на планы выгонные земли, расположенные вдали от населенных пунктов, ссылаясь на постановление совещания представителей заводоуправлений посессионных округов и начальников межевых партий, состоявшегося под председательством главного начальника уральских заводов

¹⁸ М. В. Кукаретин. Сборник законов по наделению горнозаводского населения частных и посессионных горных заводов и промыслов на Урале. Пермь, 1914, стр. 132—145.

¹⁹ НТФ ГАСО, ф. 10, Земельное отделение, д. 88, лл. 4 и 4 об.

в октябре 1897 г. В постановлении указывалось: «При наделении населения выгонами действительное пользование населения сими угодьями никакого значения не имеет, т. к. населению выгонов выделяется по 600 кв. саж. на душу с тем, чтобы недостающее до сего размера пространство выгонной земли дополнялось из смежных заводских земель, а не из тех мест, которые ныне служат для пастбы скота»²⁰. Совещание предложило учитывать только выгонные земли, расположенные вблизи селений. Сельские работники деревни Толмачевой (Алапаевский округ) имели выгонных земель 600 дес., а по закону 1893 г. они должны были получить только 100 дес. Отказ «снимать на планы» выгонные земли, расположенные вдали от селений, вызвал возмущение населения. К 1904 г. на рассмотрение земских начальников находилось около 48 тыс. спорных дел на пространство в 99 тыс. дес.²¹.

Обострение отношений между заводской администрацией и владельцами земель вызывали мероприятия, проводимые заводскими служащими и направленные на то, чтобы лишить население прав на угодья. Осенью 1892 г. Нижне-Тагильское, Ревдинское и другие заводууправления, узнав, что в подготавливаемом законе за заводами остаются только те земли фактического пользования населения, которые ими арендуются, под угрозами лишения заводской работы, уничтожения горюдьбы и посевов заставили заключить арендные договоры многих владельцев покосов и пашен. После опубликования закона эти фиктивные арендные договоры лишали владельцев прав на земли, и жители заводов писали жалобы о незаконных арендных сделках.

Протест вызывала массовая рубка леса, которую производили заводууправления на земельных угодьях населения. Пермское губернское присутствие в мае 1900 г. приняло постановление о том, что «население.., наделяемое по закону 19 мая 1893 г. одними только земельными угодьями без лесных наделов, не имеет права на произрастающий на земельных угодьях лес»²². И заводская администрация приступила к полному истреблению лесов на участках жителей заводов. В то же время к судебной ответственности привлекались владельцы этих участков, если они осмеливались вырубить хотя бы одно дерево. В корреспонденции «К поземельному устройству мастеровых», опубликованной в 1901 г. в газете «Уральская жизнь», сообщалось: «Вычислено что за все вре-

²⁰ Материалы к выяснению вопроса об обеспечении горнорабочего населения в продовольственном отношении. Пермь, 1900. Приложение 1, стр. 1—2.

²¹ Г. Г. Савич. Землеустройство сельских обывателей Урала, стр. 43.

²² НТФ ГАСО, ф. 10, Юридическое отделение, д. 2332, лл. 4—5.

мя (т. е. с составления уставных грамот. — Л. Т.) в общей сложности уже отсидело в тюрьмах за порубки собственного леса несколько тысяч человек посессионных крестьян и уплачено денежных штрафов миллион рублей»²³.

В ноябре 1904 г. Сенат принял указ о запрещении заводоуправлениям вырубать лес на землях, находящихся в фактическом пользовании населения и «предназначенных в надел»²⁴.

Много спорных дел было связано с обвинением заводского населения в «самовольном сенокосении», а на судебном заседании выяснялось, что сенокос проводился на участке, который с давнего времени находился во владении «обвиняемого». Только по Верхне-Салдинской даче (Нижне-Тагильский округ) земский начальник Метаньев в декабре 1900 г. был вынужден прекратить 250 спорных дел, основанных на протоколах лесной стражи о «самовольных захватах» жителями заводов своих земельных участков²⁵.

К 1 января 1906 г. проекты отграничения наделных земель имелись только для 5 из 113 селений посессионных заводов Пермской губернии²⁶. «Столь неудовлетворительный результат поземельного устройства в посессионных дачах» заставил управляющих посессионными горными округами обратиться к правительству с просьбой о передаче всех работ по составлению проектов отграничения наделов и предъявлению их населению уральскому поземельно-устроительному отряду, который вел землеустроительные работы в казенных горных округах²⁷. Совместным решением Главного управления землеустройства и земледелия, Министерства внутренних дел и Министерства торговли и промышленности с 1 января 1906 г. все работы по землеустройству в посессионных округах перешли в ведение уральского поземельно-устроительного отряда²⁸. Департамент государственных имуществ Главного управления землеустройства предложил заведующему уральским отрядом оказывать «всяческое возможное содействие к достижению соглашений между населением и заводоуправлениями»²⁹. В апреле 1906 г. главный начальник уральских

²³ «Уральская жизнь», 1901, № 164.

²⁴ Материалы к изучению поземельного устройства на Урале. СПб., 1905, стр. 17.

²⁵ НТФ ГАСО, ф. 10, Юридическое отделение, д. 2427, л. 32 об.

²⁶ ГАСО, ф. 55, оп. 1, д. 634, лл. 64—65.

²⁷ «Известия Главного управления землеустройства и земледелия», 1907, № 9, стр. 150; Записка Совета съездов горнопромышленников Уральской области по вопросу о поземельном устройстве на Урале. СПб., 1906, стр. 7.

²⁸ ЦГИА СССР, ф. 48, оп. 1, д. 64, л. 2.

²⁹ Там же, л. 2 об.

заводов просил управляющих посессионными округами поспешить с завершением работ по землеустройству, «дальнейшее промедление в окончании поземельного устройства заводского населения может привести к нарушению интересов самих заводов, т. к. на почве недовольства населения своим землеустройством могут возникать столкновения, препятствующие широкому и успешному развитию горнозаводской промышленности в посессионных округах»³⁰. Главный начальник уральских заводов напоминал, что «льготы, предоставленные заводам в отношении к отводимым населению угодьям... прекращаются с наступлением указанного... срока, т. е. 19 мая 1908 г., независимо от того, будут ли к тому времени окончательно отграничены наделы мастеровым и сельским работникам или нет»³¹.

С целью достижения соглашений между заводоуправлениями и населением Сенат в сентябре 1906 г. принял указ об отводе лесных наделов по 2 дес. на наличную душу муж. пола в посессионных горнозаводских округах³². Хотя заводо-владельцы неохотно согласились на замену лесного сервитута, т. е. обязанностей обеспечивать заводских жителей лесными материалами, наделять их лесами, однако указ этот соблюдал интересы заводчиков. С ростом числа жителей увеличивалось количество лесных материалов, поставляемых из заводских дач для отопления жилищ, строительства и ремонта домов. С отводом лесного надела вблизи заводских поселков, как рекомендовалось в указе, население получало возможность использовать леса для выгона скота, а требование об увеличении выгонных земель было одним из основных мотивов отказа населения от принятия проектов отграничения наделов.

За 1906—1907 гг. уральский поземельно-устроительный отряд проделал большую работу: завершил съемку земельных угодий, составил проекты отграничения на все 113 населенных пунктов. К маю 1908 г. проекты были предъявлены населению, но принято было только 49, а 64 проекта жители отказались подписать. Проекты отграничения наделов поступили на рассмотрение губернского присутствия. Земский начальник 7-го участка Верхотурского уезда в октябре 1906 г. писал в губернское присутствие: «Вообще, как я полагаю, едва ли возможно какое-либо соглашение по принятию наделов, и наделение землей возможно лишь в принудительном поряд-

³⁰ НТФ ГАСО, ф. 10, Юридическое отделение, д. 2808, л. 5 об.

³¹ Там же.

³² М. В. Кукаретин. Сборник законов по наделению горнозаводского населения частных и посессионных горных заводов и промыслов на Урале. Пермь, 1914, стр. 126.

ке, т. е. произвести отграничение наделов по рассмотрении составленных проектов надела и одобрении их губернским присутствием»³³.

Об остроте противоречий между заводоуправлениями и населением свидетельствует тот факт, что 43 из 64 постановлений Пермского губернского присутствия по проектам отграничения наделов были обжалованы в Сенат.

Формально все проекты отграничений наделных земель были предъявлены горнозаводскому населению посессионных заводов до мая 1908 г., т. е. в срок, установленный законом. В последующие годы все проекты были утверждены Сенатом и, несмотря на протесты населения, проводилась передача земель в собственность населения с установлением межевых обозначений.

При измерении угодий было установлено общее пространство земель фактического пользования населения в размере 376 тыс. дес. В земельный надел жителям пермских посессионных заводов поступало 598 тыс. дес. и в лесной надел 183 тыс. дес.³⁴ По сравнению со съемкой пространство, назначенное в земельный надел, на 221 тыс. дес. превысило фактическое землепользование заводских жителей. Следовательно, ошибочным является утверждение Ю. Гессена о том, что заводовладельцы предоставили населению меньшее количество земли, чем оно могло получить по закону 1893 г. Нельзя согласиться и с утверждением А. А. Савича об уступках заводовладельцев в пользу населения большего количества земли, чем оно имело до 1893 г.³⁵ Общая площадь земельных угодий населения увеличилась на 221 тыс. дес., но из них 215 тыс. дес. приходилось на лесные вырубki, которые требовали длительного труда для превращения их в сельскохозяйственные угодья. Поэтому ни о какой уступке заводовладельцев не может быть и речи: они отняли у населения покосные и пахотные земли, а вместо них было предоставлено большое пространство неразработанных земель. Изъятие части земельных угодий у населения заводовладельцами мотивировалось наличием в их недрах золота и платины, а также сгруппированием разбросанных в лесах небольших участков покосных угодий в более крупные массивы.

К 1917 г. мастеровым и сельским работникам посессионных заводов было отграничено 755 тыс. дес., или 96% назна-

³³ ГАПО, ф. 38, оп. 1, д. 316, л. 8.

³⁴ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 67, д. 784; ф. 48, оп. 1, д. 65; ф. 51, оп. 1, д. 213, л. 102; ф. 86, оп. 1, д. 75, л. 2; ГАСО, ф. 55, оп. 1, д. 561, лл. 173—217. Подсчитано нами.

³⁵ А. А. Савич. Очерки истории крестьянских волнений, стр. 163.

ченной к передаче площади наделных земель³⁶. Следовательно, нет никаких оснований утверждать что закон 1893 г. не был проведен в жизнь.

Закон 1893 г. — буржуазный закон, а не крепостнический, как считает Ф. П. Быстрых. Население посессионных заводов получило право собственности на поступившие к ним земли, оно могло распоряжаться ими без всякого разрешения заводоуправления. Земельные отношения после 1908 г. не усиливали кабальную зависимость заводских жителей от заводоладельцев, а, напротив, свидетельствовали о ликвидации пережитков крепостнических отношений. Передача в собственность населения 755 тыс. дес. земель, составивших 28% земельных владений пермских посессионеров, имела положительное значение. В. И. Ленин писал: «Гвоздем борьбы являются крепостнические латифундии, как самое выдающееся воплощение и самая крепкая опора остатков крепостничества»³⁷. В результате землеустройства по закону 1893 г. заводоладельцы лишились примерно третьей части своих владений.

Наделение земель по фактическому пользованию способствовало дифференциации заводского населения. Некоторая часть жителей небольших поселков и деревень, занимавшаяся вспомогательными заводскими работами по перевозке грузов, заготовке дров и угля для заводов, получала земельные наделы в достаточных размерах для удовлетворения потребностей своих семей в продуктах питания и в фураже для домашнего скота. Став собственниками земельных участков, заводские жители получили права на разработку полезных ископаемых на своих наделах, теперь их жизнь меньше зависела от сокращения или увеличения заводского производства. Однако закон 1893 г. не разрешил земельного вопроса, так как только третья часть горнозаводского населения посессионных заводов получила земельные наделы в достаточных размерах для улучшения материального положения. Большинство заводского населения нуждалось в более высоком заработке, и основным источником его существования была работа на заводе. В связи с закрытием заводов в годы первой мировой войны рабочие обращались с прошениями о наделении их землей по закону 3 декабря 1862 г., по которому предоставлялись участки лицам, лишившимся работы в случае закрытия завода. Министр внутренних дел принял в феврале

³⁶ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 67, д. 784, лл. 2—3; ф. 48, оп. 1, д. 65, лл. 161—180; ф. 1291, оп. 72, 1902 г., д. 32, лл. 443, 466; ГАПО, ф. 65, оп. 1, д. 318, л. 27 об.; ф. 43, оп. 1, д. 1150, л. 3 об.; д. 1256; д. 1539, л. 196: Подсчитано нами:

³⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 215.

1917 г. следующее постановление: «Нельзя не признать, что с отводом горнозаводскому населению наделов по закону 19 мая 1893 г., применение закона 1862 г. не должно иметь места»³⁸.

Вторая Уральская областная конференция РСДРП, состоявшаяся в июле 1917 г., предложила провести «коренную реформу в земельных отношениях»³⁹. Национализация уральской горнозаводской промышленности после Великой Октябрьской социалистической революции создала условия для коренного преобразования экономического быта населения старейших центров металлургического производства.

³⁸ ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 72, 1902 г., д. 278, л. 412.

³⁹ «Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Пермской губернии. Документы и материалы». Пермь, 1957, стр. 230.

М. И. Черныш

**ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РОСТ ПРЕДПРИЯТИЙ
ПО ТЕХНИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКЕ ВОЛОКНИСТЫХ
ВЕЩЕСТВ В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД**

Возникновение предприятий по технической переработке сельскохозяйственных волокнистых культур сыграло определенную роль в развитии капитализма. «Во 1-х, — писал В. И. Ленин, — этот рост представляет из себя одну из форм развития торгового земледелия, и притом именно такую форму, которая с особенной рельефностью показывает превращение земледелия в одну из отраслей промышленности капиталистического общества. Во 2-х, развитие технической обработки сельскохозяйственных продуктов бывает обыкновенно нераздельно связано с техническим прогрессом сельского хозяйства: с одной стороны, уже самое производство сырья для переработки требует нередко улучшения земледелия (например, посев корнеплодов); с другой стороны, отбросы, получаемые при обработке, нередко утилизируются для земледелия, повышая его успешность...»¹.

В марксистской литературе с достаточной убедительностью доказано, что развитие промыслов сопровождается разложением крестьянства и переселением ремесленников из старых районов производства в новые.

Для Урала развитие промыслов являлось специфической формой внеземледельческого отхода.

Цель данной статьи показать развитие маслобойного, канатно-веревочного производства, выработки холста и красильного промысла, торгового земледелия в Пермской губернии в пореформенный период, проследить превращение земледелия в одну из отраслей промышленности, а также установить влияние указанных промыслов на процесс разложения крестьянства.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 284.

В Приуральской зоне (Вятская, Пермская и Уфимская губернии) под торговыми растениями в 1881 г. было занято 1,8% всех пахотных земель (2,1% по России)². В абсолютных данных торговые посевы (лен и конопля) занимали в Пермской губернии 45068 дес. крестьянских наделных земель и 3041 дес. — владельческих³. По культурам посевные площади распределялись следующим образом: на крестьянских наделных землях под льном занято 34618 дес., под коноплей — 9802 дес., под рапсом и сурепой — 648 дес.; на владельческих соответственно: 2939; 96 и 6 дес.⁴ За 18 лет (1883—1900 г.) сбор конопляного и льняного семени отражен в табл. 1 (в пудах)⁵.

Таблица 1

Земли	Лен	Конопля	Масличные
Крестьянские	679310	321314	1000624
Владельческие	42476	11809	54285
Всего	721786	333123	1054909

В 1895 г. в губернии, например, было засеяно льном 51590 дес., в том числе в Оханском уезде — 8857 дес., в Осинском — 8629 дес., в Шадринском — 8603 дес., в Екатеринбургском и Камышловском — свыше 5 тыс. дес., в Красноуфимском — более 3,5 тыс. дес., в Ирбитском, Кунгурском, Пермском и Соликамском — в пределах 2,1—2,6 тыс. дес. в каждом, в Верхотурском — 941 дес. Всего получено было по губернии 977160 пуд. льняного семени, причем в Оханском и Осинском уездах более, чем 215 тыс. пуд. в каждом, в Шадринском лишь 65,4 тыс. пуд., в Камышловском и Красноуфимском — по 85 тыс. пуд., в Екатеринбургском — свыше 78 тыс. пуд., в Кунгурском — 26,5 тыс. пуд., в Пермском — 28 тыс. пуд. и т. д.

² Статистический временник. Серия III, вып. 4, СПб., 1886, стр. XXVI, XXVII.

³ Там же, стр. 148—149. В это количество включены земли под посевами рапса и сурепы.

⁴ Там же, стр. 231.

⁵ Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века. Вып. 1, СПб., 1901, стр. 168. Эти данные занижены, так как в них не учтены расходы внутреннего потребления. Перевод четвертей в пуды произведен нами из расчета: средний вес льняного семени — 9,2 пуда, конопляного — в 7,0 пудов. Показаны средние ежегодные сборы.

Под посевами конопли в этом же году было занято 12133 дес., в том числе в Ирбитском уезде 3322 дес., в Осинском — 2301 дес., в Шадринском — 1595 дес., в Кунгурском — 1394, свыше чем по тысяче десятин — в Красноуфимском и Камышловском уездах. В Пермском и Соликамском уездах конопля не выращивалась, в Оханском уезде засеивалось этой культурой всего 173 дес., в Чердынском — 258 дес. и в Екатеринбургском — 752 дес. Собрано конопляного семени всего по губернии 415245 пудов, в том числе 170,6 тыс. пуд. в Ирбитском, 100,7 тыс. пуд. — в Осинском, 27,3 тыс. пуд. — в Кунгурском, 31,4 тыс. пуд. в Камышловском, 25 тыс. пуд. — в Шадринском уезде и т. д.⁶

В среднем за период 1893—1900 гг. при посевных площадях под льном от 44,5 (1894 г.) до 52,0 (1897 г.) тыс. дес. и под коноплей 12—14 тыс. дес. валовые сборы волокна при различной урожайности с десятины (в целом мало подверженные колебаниям: лен — 10—13 пуд. и конопля — 22—24 пуд.) составляли: льна 440—670 тыс. пуд., конопли 240—340 тыс. пуд.⁷

* * *

Распространение маслособойного промысла по уездам губернии находится в прямой зависимости от величины посевов льна и конопли в них. Например, в Пермском уезде отсутствовало производство конопляного, в Красноуфимском уезде — льняного масла, так как льноводство уезда не давало излишка семян. В Ирбитском и Екатеринбургском уездах лен и конопля разводились для получения волокна на ткани, веревки и маслособойного семени. Крестьяне от посевов масличных культур извлекали тройную выгоду: улучшалась структура почв, их продукция использовалась в домашнем хозяйстве (домотканое полотно, масло; веревки и канаты; некоторый доход от продажи масла и кудели, а жмыхи употребляли на корм скоту). В двух маслособойных этих уездов масло приготавливалось из сорных трав — рыжика и табрея.

В 1845 г. насчитывалось в губернии всего лишь 5 маслособойных заведений, за десятилетие 1845—55 гг. возникло 6 за-

⁶ Очерк состояния кустарной промышленности в Пермской губернии. Пермь, 1896, стр. 169—170.

⁷ Данные получены из следующих источников: «Вестник финансов», 1897, № 9, т. 1, стр. 595, 597. Посевная площадь за 1895 г. — по данным «Очерка состояния кустарной промышленности», стр. 169—170, «Вестник финансов» 1898, № 6, т. 1, стр. 377, 378. Обзор Пермской губернии за 1897 г., Пермь, 1898; за 1900 г. — сборы льна и посевные площади по «Сборнику статист. сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века», стр. 49; Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении; Обзор Пермской губернии за 1900 г., Пермь, 1902, стр. 34. Подсчеты произведены нами.

ведений, а в следующее десятилетие — 14, затем 24; в 1875 — 1885 гг. — 50 и в 1885—1895 гг. — 86 заведений⁸.

Таким образом, за тридцатилетний период после реформы возникло 160 заведений (всего исследовано 185 заведений). Для 22 заведений время возникновения не установлено. Этот рост отражал прогресс в крестьянском хозяйстве, прогресс начальных форм развития капитализма⁹.

В «Очерке состояния кустарной промышленности», как известно, не учтены заведения, находившиеся в городах (исключение составляет лишь Кунгур), поэтому приведенные выше данные не могут считаться точными. В последующие годы официальная статистика также не исключала мелкие заведения, то включала их, поэтому сопоставлять и сравнивать эти данные нельзя. Однако мы приведем их для того, чтобы дать общую картину развития маслобойного производства в Пермской губернии¹⁰.

Таблица 2

Годы	Количество заведений	Сумма производ. (руб.)	Число рабочих
1865	49	28040	92
1878	138	85941	280
1885	62	79000	130
1894/95	207	данных нет	506 (в 185 заведениях, в т. ч. 128 наемных)
1901—1905	350	473687	886

Из этой таблицы можно сделать следующие выводы: во-первых, на небольших по размеру маслобойных заведениях, как правило, работали 1—2 человека и совсем редко — шесть человек; во-вторых, в 1878 г. больше половины, а в 1894/95 г. 47% маслобоен, или 88 из 185 исследованных не имели наемных рабочих, т. е. носили семейный характер¹¹. Среди семейных рабочих в 1894/95 г. женщины составляли 2%, подростки — 7% и дети — 3,3%¹².

⁸ Очерк состояния кустарной промышленности, стр. 165.

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 345:

¹⁰ За 1865 г. — ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 3, ед. хр. 2349, л. 20 (стр. 15). За 1878 г. — ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 12, ед. хр. 151 а, лл. 1—188. Подсчеты и группировка наши. За 1885 г. — ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 12, ед. хр. 255, д. 35; за 1894/95 г. — Очерк состояния кустарной промышленности, стр. 166; за 1901—1905 гг. — Мелкие промышленные заведения, стр. XIV—XV.

¹¹ Очерк состояния кустарной промышленности, стр. 166.

¹² Там же.

Наиболее полное представление о характере маслобойных заведений мы можем получить на основании «Ведомостей о промышленных предприятиях Пермской губернии на 1878 год», ч. II. Размещение заведений по уездам и распределение их по владельцам представлено в таблице¹³.

Таблица 3

Уезды	Владельцы			
	купцы	мещане	крестьяне	мастеровые
Верхотурский	—	1	11	2
Екатеринбургский	—	—	17	—
Ирбитский	1	—	28	—
Камышловский	—	—	9	—
Кунгурский	—	—	4	—
Пермский	—	—	24	—
Шадринский	1	—	40	—
Итого	2	1	133	2

Итак, подавляющее большинство владельцев — крестьяне. Среди владельцев маслобоен в Пермской губернии встречаются крестьяне Гороховецкого уезда Владимирской губернии.

По количеству заведений выделяются Шадринский, Ирбитский, Пермский, Екатеринбургский, Верхотурский уезды. Но эти данные, как отмечалось выше, не могут считаться полными хотя бы потому, что отсутствуют сведения Осинского, Оханского, Красноуфимского уездов, где посевы конопли и льна были довольно значительными и имела место переработка семян, о чем свидетельствуют другие источники. Так, по данным земских раскладок рост маслобойных заведений в Осинском уезде с 1872 по 1903 г. прослеживается по табл. 4.

Таким образом, за 30-летний период количество маслобоен в уезде увеличилось в 2,5 раза.

¹³ ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 12, ед. хр. 151 а, лл. 1—188. Группировка наша.

	Годы			
	1872	1882	1890	1903
Число маслобоен	48	86	88	121
% увеличения их	100	179,1	183,3	252,0

Оборудование маслобоен было простым: преобладало ручное производство, использовались коноводки на толчее или вододействующие приводы, ручные прессы, котел, станок. Конопляное и льняное семя покупалось в ближайших деревнях и соседних уездах, а также на Ирбитской ярмарке. Масло сбывалось на заводах, например, Алапаевском, Н.-Тагильском, Кушвинском и других, на ярмарках и торжках. Конопляное семя покупалось по 70—90 коп и 1 рубль пуд (на месте), льняное по 50—80 коп., в среднем по 64 коп. пуд. На приготовление пуда масла требовалось пять пудов семян. Конопляное масло продавалось по 5—6 руб. пуд, льняное — по 3—3р. 50 к., выбойки (жмыхи) — по 12 коп. за пуд. Приведем характеристику типичных заведений. Крестьянское маслобойное заведение в д. Кленовская Богородской волости Пермского уезда применяло для толчения семян коннодействующую «машину», стан. Сам хозяин работал мастером, рабочим — местный крестьянин. Переработано было 1115 пуд. семян по 1 р. 15 к. (на 1282 р. 25 к.). Получено 221 пуд масла по 6 руб. (на 1326 руб.) и выбоя — 835 пуд. по 30 коп. (на 250 р. 50 к.). В данном заведении доходы превышали расходы (без учета расходов на топливо) на 294 р. 25 к. Чистый доход равнялся 250 руб.

В Екатеринбургском уезде, в Бынговской волости в заведениях крестьян, в которых работали хозяева с одним рабочим, перерабатывалось до 1000 пуд. семени на 900 руб., а выработка составляла 200 пуд. масла на сумму от 60 до 120 руб. Чистый доход здесь составлял 220—260 руб.

Автоном Вахрушев, зажиточный крестьянин Ошвинской волости Осинского уезда, имел маслобойное заведение, ценность имущества которого составляла 91 руб.¹⁵ В таких хозяйствах

¹⁴ Журналы Осинского уездного земского собрания, 3 очер. сессия, 1872 г., стр. 92—93. (В дальнейшем — журналы ОУЗС — автор).

¹⁵ Журналы Осинского уездного земского собрания, 3 очер. сессия 1872 г., стр. 92—93. (В дальнейшем — журналы ОУЗС — автор), там же, 12 очер. сессия 1881 г., стр. 148—149; там же, 20 очер. сессия 1889 г., стр. 780—781; Сметы доходов и расходов и раскладка на 1903 г., Оса, 1903, стр. 298—299.

земледелие и скотоводство было развито значительно лучше, чем у массы крестьянства. По данным на середину 80-х годов в Осинском уезде, в Степановской волости в восьми селениях насчитывалось 25 заведений, в которых работало 25 семейных рабочих и 24 наемных (по одному наемному рабочему на заведение, в одном заведении работал сам крестьянин). Сумма производства была небольшой: 17 тыс. руб., в среднем на заведение приходилось от 400 до 1000 руб.¹⁶

Рассмотрим данные за 1887 г. пяти маслобойных заведений Васильевской волости Пермского уезда (три из д. Гавриной и два из деревень Архиповой и Плишек)¹⁷. В каждом заведении имелись одноконные приводы; в четырех заведениях работали сами хозяева, имея по одному рабочему, а в пятом — сын экспонента и рабочий. Сбыт масла производился в окрестных селах, Добрянском заводе и в Перми¹⁸.

Таблица 5

Экспонент	Год устройства заведения	Покупалось льняного семени для производства (пуд)	Вырабатывалось			
			масла		выбоя	
			пуд.	руб.	пуд.	руб.
Петунин А. И.	1855	300	60	240	180	54
Скачков Ф. П.	1855	250	50	200	120	36
Карабатов Г. В.	1864	280	65	250	170	51
Карабатов И. Я.	1864	260	50	200	120	36
Сухоплечев Л. И.	1884	300	70	250	160	48

Таким образом, все рассмотренные заведения имеют чистый доход до 100 рублей каждое. Такие же заведения были у Л. Е. Климова в с. Ильинском, В. А. Грохотова в д. Заступова, у И. И. Баталова в Сретенской волости, у И. Г. Бусырева в Полазницком заводе. Бусырев, заведение которого существовало с 1885 г., имел конную меленку, толчею, заторный чан, котел с мутовкой, ручной пресс. Работал сам с учеником. Пе-

¹⁶ Е. И. Красноперов. Кустарная промышленность, вып. III, Пермь, 1889, стр. 74. Расчеты наши.

¹⁷ Там же, вып. II, Пермь, 1888, стр. 22.

¹⁸ Е. И. Красноперов. Кустарная промышленность, вып. II, стр. 22, Пермь, 1889. Эти крестьяне были участниками кустарно-промышленной выставки в г. Екатеринбурге в 1887 г.

перерабатывалось 400 пуд. семени. Получал 80 пуд. масла на 350 руб. Сбывал продукцию в Полазнинском, Мотовилихинском и Добрянском заводах.

Большинство крестьянских маслобоек работало 2—4, но не более 6 месяцев в году. В маслобойном заведении, основанном в 1898 г. В. А. Прохотовым в с. Ильинском Пермского уезда, вырабатывалось льняного масла на 37,9 (12,6) тыс. руб., льняной выжимки на 3,6 тыс. руб. Годовая производительность заведения составляла 47,3 (16,2) тыс. руб. Перерабатывалось льняного семени 15 тыс. пуд. Рабочих было 13 (7) чел.¹⁹. Опишем устройство маслобоен и стоимость оборудования. Помещение стоило от 100 до 350 руб., конный привод 50 руб., толчен деревянные до 2 саж. длины с обитым железом концами (служили для дробления или лущения семени в колоде) — до 100 руб. (10 руб. за «колот»). Числом колотов определяется размер маслобоен), пресс и чугунная колода — до 20 руб., мелкие принадлежности (сита, кошело, колоды, молоты и пр.) — до 12 руб. Итак, стоимость крестьянской маслобойни обыкновенного типа равнялась 500 руб., не считая лошадей²⁰. Такие расходы были под силу только богатым и зажиточным крестьянам.

Земледелие у маслобойщиков велось в широких масштабах, причем многие не довольствовались душевыми наделами и арендовали землю у малосильных хозяйств.

По данным переписи 1894/95 г., 173 заведения, или 93% принадлежали зажиточным крестьянам, имеющим от 10 до 25 дес. земли, особенно много земли имели владельцы заведений в Шадринском (по 19,47 дес. на двор), в Камышловском (по 16,9 дес.), в Кунгурском (19,8 дес.) и в Ирбитском (12,6 дес.) уездах²¹. На маслобойные дворы приходилось в среднем лошадей 3,5 головы, коров — 3,3 головы²². Безлошадных и бескоровных дворов не было. У 173 маслобоев насчитывалось 98 (годовых и сроковых) земледельческих рабочих с платою 3438 руб., т. е. по 35,1 руб. на одного. «Выбой», или жмыхи, полученные при маслобойном производстве, служили хорошим кормом для скота²³.

В Осинском уезде 44 маслобойщика имели 33 наемных сельских рабочих (годовых и сроковых) с платою 1289 руб., т. е. по 35,8 руб. на одного²⁴.

¹⁹ Список фабрик и заводов Российской империи, под ред. В. Е. Варзара, СПб., 1912, стр. 606.

²⁰ Там же, стр. 23.

²¹ Очерк состояния кустарной промышленности, стр. 168.

²² Там же, стр. 170.

²³ Там же, стр. 164.

²⁴ Там же, стр. 102—103.

Сбывали масло свободной продажей на рынках 167 заведений, т. е. 90%, 17 работало на заказчиков-потребителей и только одно (в селе Сарапульском, Екатеринбургского уезда) сдавало масло в лавки екатеринбургских купцов Пафнутьего и Чернявского²⁵.

По сумме чистого дохода маслособойные заведения (данные на 1895 г.) можно сгруппировать следующим образом: счистым доходом до 100 руб. — 109 заведений, или 59% общего их количества, от 100 до 700 руб. — 73, или 39,5% и от 700 до 1000 руб. — 1,5%²⁶.

Таким образом, развитие маслособойных крестьянских заведений, как и мукомольных, способствовало дифференциации крестьянства. Зажиточные крестьяне являлись владельцами, бедные — наемными работниками на этих заведениях. «Торгово-промышленные предприятия являются здесь, — по определению В. И. Ленина, — след. так называемыми техническими сельскохозяйственными производствами, развитием которых всегда характеризуется прогресс торгового и капиталистического земледелия»²⁷.

Пореформенная эпоха характеризовалась в целом ростом торгового льноводства. Это проявлялось не только в развитии маслособойного промысла, но и в продаже сырых льнопродуктов. Половина сбора льна и конопли в виде семян и волокна перепродавалась крестьянами Осинского уезда маслособойням и прядильным заведениям или оптом скупщикам и отправлялась за пределы Пермской губернии, преимущественно в низовья Камы и Волги²⁸. Так, в 1865 г. только через Осинскую пристань было отправлено на продажу льняного семени 193548 пуд. на 174010 руб. и волокна 14608 пуд. на 42724 руб.²⁹.

В некоторых волостях Осинского уезда льноводство и посевы конопли вытеснили во многих хозяйствах зерновые культуры, расширился товарный сбыт льна для внутренней промышленности и вывоз его за пределы уезда и Пермской губернии. О росте посевных площадей технических культур в 90-х — начале 900-х годов по Осинскому уезду говорят следующие данные (в дес.)³⁰ (см. табл. 6).

Таким образом, посевы конопли и льна на крестьянских надельных землях с 1892 г. резко увеличились.

²⁵ Там же, стр. 171.

²⁶ Там же, стр. 173.

²⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 351;

²⁸ Календарь Пермской губернии на 1883 год, стр. 11.

²⁹ П. Семенов. Географический и статистический словарь Российской империи, т. 3, СПб., 1867, стр. 711.

³⁰ Е. И. Красноперов. Двадцатипятилетие Пермского края. Пермь, 1887, стр. 183.

Таблица 6

Культуры	Годы				% увеличения по сравнению с 1892 г.
	1881	1892	1901	1906	
Лен	6396	6749	7518	8688	128,7
Конопля	нет данных	2344	3879	4267	182,0
Всего	6396	9093	10397	12955	2000,5 по сравнению с 1881 г.

* * *

Сплав горнозаводской продукции по Чусовой, Сылве, Каме и другим рекам Урала, а также гужевые перевозки горнозаводских и купеческих грузов и товаров требовали для снастей судов, для сбруи лошадей и для упаковок грузов и товаров большого количества льняных и пеньковых канатов и веревок. Из пеньковой пряжи изготовлялись и рыболовные снасти. Большие партии пеньковой пряжи отправлялись из пределов Пермской губернии на Печору, в Вологодскую, Архангельскую губернии.

Естественно, что в уездах, где были распространены посевы льна и конопли, а на реках или на заводах и в городах скапливалось большое количество грузов, возникали канатно-веревочные заведения, данные официальной статистики о которых представлены в табл. 7.

В таблице более или менее сопоставимы лишь данные за 1865—1890 годы, когда количество заведений, сумма производства и число рабочих, за небольшим исключением, почти совпадают с данными переписи.

По сведениям помощника фабричного инспектора, в 1889—1893 гг. в губернии насчитывалось 3 крупных пенькопрядиль-

³¹ Данные за 1861 г. — Экономическое состояние городских поселений, т. I, ч. 1—2, СПб., 1861—1862, стр. 5, 19, 40; за 1865 г., ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 3, ед. хр. 2345, л. 19 об. (стр. 141); за 1878 г. — ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 12, ед. хр. 150, лл. 61—87. Подсчеты и группировка наши; за 1885 г., ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 12, ед. хр. 225, л. 9; за 1890 г. — ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 12, ед. хр. 254, л. 169 об., 170; за 1894/95 г. — Очерк состояния кустарной промышленности, стр. 1570, за 1899 г. Уральский торговпромышленный адрес-календарь, Пермь, 1899, отд. VII, стр. 116, 124, 134, 142; за 1901—1903 гг. Мелкие промышленные заведения Пермской губернии, Пермь, 1908, стр. XII—XIII.

Таблица 7

Годы	Кол-во заведений	Сумма производства (руб.)	Число рабочих	Примечания
1861	4 *	65000	нет данных	* Две фабрики в г. Перми (одна машинная, общая производ. 45 тыс. руб.), одна в Кунгуре и одна в Екатеринбурге
1865	16	85744	237	* Канатных, пеньковых, прядильных и пеньково-трепальных.
1878	24	40095	186—199	
1885	29 *	166000	232	
		(42000 пуд.) **		** Производительность в пудах
1890	19	162000	256 *	* В том числе 38 женщин
1894/95	164	нет данных	нет данных	По кустарной переписи
1899	17	нет данных	нет данных	
1901—1905	38 *	148937	307	* В Соликамском, Пермском, Кунгурском, Осинском, Красноуфимском, Ирбитском, Екатеринбургском уездах.

ных и канатных заведения, на них работало 103 чел., в том числе 13 женщин и 2 малолетних³².

В кустарной переписи 1894/95 г. не разграничены заведения по типам: ремесленные, «кустарные» и фабрично-заводские, а в 1899 г. переписаны были лишь крупные заведения фабрично-заводского типа, но данные эти неполные. П. Голубев считал, что канатных «фабрик» было в 70-х годах от 15 до 31; в 80-х — от 13 до 29 и в 90-х — от 15 до 12³³. Большинство заведений возникло в 70—90-х годах, о чем свидетельствуют данные по Ирбитскому уезду³⁴, а также данные кустарной переписи 1894/95 г.³⁵.

Уместно заметить, что Ирбитский уезд занимал ведущее положение в кустарной промышленности губернии по развитию веревочного производства. Ему сопутствовал относитель-

³² ГАПО, ф. 65; оп. 1, д. 132, л. 1 об.

³³ П. Голубев. Богатеет или беднеет Пермская губерния. ГАПО, ф. 556, оп. 1; д. 35, л. 9.

³⁴ ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 12, ед. хр. 150, лл. 61—78.

³⁵ Очерк состояния кустарной промышленности, стр. 158.

но развитый маслострунный промысел. Оба производства базировались на значительных посевах и сборах конопли. В 1878 г. засеивалось не менее 2300 дес. При урожайности от 29 до 84 пуд. (сам 3—4 и сам 7) в 1872 г. сбор равнялся 118,5 тыс. пуд., волокна 44112 пуд. и в 1887 г. 121,1 тыс. пуд. семени и 41,7 тыс. пуд. волокна³⁶. Конопля высевалась на лучших «удворных», удобряемых землях.

Что представляли собой канатно-веревочные заведения? В 1878 г. из 24 заведений 21 принадлежало крестьянам, 2 — купцам (в городе Перми) и 1 мещанину в г. Перми. По уездам они распределялись так: в Кунгурском уезде их было восемь, в Ирбитском — семь, Шадринском и Екатеринбургском — по три³⁷. Преобладали небольшие заведения, в которых работали сам хозяин и рабочий, но были и крупные. Так, в Ирбитском уезде, в Скородомской волости, в д. Осинцевой в заведении крестьянина Ардачевского уезда Нижегородской губернии К. М. Феофанова, кроме хозяина-мастера, работало еще шесть человек. Прядение здесь производилось вручную, а кручение прядей — при помощи двух ручных колес. Перерабатывалось пеньковое волокно, приобретаемое у местных жителей по цене 1 р. 20 к. за пуд. Производилось 200 пуд. канатов толстых пеньковых и тонких по 2 р. 80 к. и по 1 р. 60 к. за пуд. на сумму 400 руб. Сбывался товар в г. Екатеринбурге, Камышлове, Тюмени, на Ирбитской ярмарке и на Билимбаевском и Ревдинском заводах³⁸.

В Кунгурском уезде все заведения были сосредоточены в Усть-Кишертской волости. Большинство из них имело, кроме мастера, по 4 рабочих из мастеровых; выделялось канатов от 500 до 1000 пудов на сумму 1,5—3,1 тыс. руб. Крестьянин Г. В. Ковин канатную фабрику имел в д. Низкой, на которой работало три мастера и двадцать рабочих из мастеровых. Вырабатывалось 4200 пуд. канатных снастей на 14700 руб.³⁹.

В Ирбитском уезде в Белослудской волости в 1878 г. насчитывалось 150 станков с ежегодной переработкой волокна на веревки до 10 тыс. пуд.: в д. Черной — 120 станков, в д. Крутихе — 30. В 1881 г. здесь было уже 160 станков с числом 536 (464 мужчины и 72 женщины) из семейных и 106 наемных рабочих. Всего в Ирбитском уезде насчитывалось 177

³⁶ Е. И. Красноперов. Кустарная промышленность, вып. III, стр. 127, 128, 132.

³⁷ ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 12, ед. хр. 150, л. 61—78. Подсчеты и группировка наши.

³⁸ Там же.

³⁹ Г. Манохин. Указ. соч., стр. 2906.

станков и веревочным производством было занято не менее 708 человек⁴⁰.

В Красноуфимском уезде в Суксунском заводе конно-канатное заведение Попова, на котором работало 8 наемных рабочих и имелось несколько станков, приводимых в действие конной тягой, с производством на 15 тыс. руб., может быть причислено к фабрикам⁴¹.

В приведенных выше статистических материалах отсутствует Камышовский уезд. Однако известно, что в начале 80-х годов в двух волостях этого уезда было шесть канатно-прядельных заведений, из которых одно — фабрика, принадлежавшая крестьянину⁴².

Кустарной переписью 1894/95 г. в Кунгурском уезде (в волостях Усть-Кишертской и Сабарской) было зарегистрировано 95 заведений, в Ирбитском (волостях Крутихинской и Белослудской) — 38, в Осинском — 16, в Оханском — 7, в Екатеринбургском — 3, в Красноуфимском и Верхотурском по 2 и в Шадринском — одно. Всего 164 заведения (без городов)⁴³. Обследовано было во время переписи 68 заведений: 38 — в Ирбитском, 16 — в Осинском, 4 — в Кунгурском, 6 — в Оханском, 3 — в Екатеринбургском и 1 — в Шадринском уездах. В них сравнительно много занято было женщин — до 28%. В пяти заведениях насчитывалось от 10 и более наемных рабочих, в одном — 5, в двух — по 4, в девяти — по 3—2 и в девяти — по 1 рабочему. Таким образом, в 26 заведениях использовался наемный труд. Особенно это характерно для Ирбитского и Кунгурского уездов. Здесь же владельцы заведений имели посевы до 10 дес., преимущественно конопли. Лошадей приходилось у шести хозяев в среднем по 3,5 головы, коров — по 2,6 головы на двор. Безземельных, безлошадных, бескоровных владельцев заведений почти не было. Сумма производства в обследованных заведениях в среднем расчете составляла свыше 1,5 тыс. руб. на одно заведение. Чистый доход составлял в 49 заведениях до 100 руб., в 6 — от 100 до 200 руб., в 1—300 руб., в 2 — по 400 руб., в 2 — по 500 и 600 руб., в 2 — по 900 руб., в 6 — по 1000 руб. и более.

Заведения с крупным доходом эксплуатировали в значительном количестве наемный труд. Е. И. Красноперов, обработавший данные кустарной переписки 1894/95 г., вынуж-

⁴⁰ Е. И. Красноперов. Кустарная промышленность, вып. III, стр. 133, 135, 136.

⁴¹ Там же, стр. 153.

⁴² Г. Манохин. Географический очерк Красноуфимского уезда. «Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России», вып. X. СПб, 1884, стр. 2906.

⁴³ Очерк состояния кустарной промышленности, стр. 157—161. В дальнейшем данные этого источника.

ден был отметить, что «некоторые из таких заведений, в особенности встречающихся в Усть-Кишертской волости Кунгурского уезда, без сомнения, имеют уже вид фабричного производства, где значительный доход предприятий обуславливается не личным трудом предпринимателей и их семей, а капиталом, которым они обладают и эксплуатацией наемного труда»⁴⁴. Красноперов три такие «фабрики»⁴⁵ включил в число кустарных предприятий лишь потому (курьезно, но факт), что владельцы их «когда-то были кустарями и любили и любят называть себя кустарями»⁴⁶. К какой путанице это ведет, можно судить на основании следующего. Сумма производства 96 необследованных заведений определялась в 1413 руб., а вместе с 68 обследованными — в 116600 р. 30 к., причем 49 из этих заведений не были крупными. Таким образом, включение в число кустарных заведений четырех «фабрик» сразу изменило «средние цифры»⁴⁷. По подсчетам В. И. Ленина, в 1894/95 г. четыре крупных заведения, представляющие собой капиталистические мануфактуры чистого типа, концентрировали 5 семейных рабочих и 56 наемных (всего 61), т. е. на заведение приходилось по 15 наемных рабочих. По сравнению с 54 мелкими заведениями, на каждое из которых в среднем приходилось по 4 рабочих, они имели больше половины наемных рабочих и три пятых всего валового дохода, ибо производительность труда одного рабочего в крупных заведениях почти втрое выше, чем в средних (800 и 286) и более чем впятеро выше, чем мелких заведений (800 и 141 руб.). Заработная плата наемных рабочих на «фабриках» значительно выше, чем на мелких предприятиях (84 и 45). Чистый доход фабрикантов составлял более 1000 руб. на семью против 90 руб. у средних предприятий и 60,5 руб. — у мелких кустарей⁴⁸. По данным 1897 г. только в Усть-Кишертской и

⁴⁴ Очерк состояния кустарной промышленности, стр. 161.

⁴⁵ В действительности четыре. См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 370. Таблица.

⁴⁶ Очерк состояния кустарной промышленности, стр. 161.

⁴⁷ Очерк состояния кустарной промышленности, стр. 40, 158 и 188. В итогах таблицы есть ошибка или опечатка. На 68 канатно-веревочных крестьянских заведениях работало 343 рабочих (из них 143 наемных) с суммой производства 115 тыс. руб., 46 хозяев — 101 рабочий (91 наемный) и сумма производства 81 тыс. руб. Это типичные образчики органической мануфактуры (по Марксу), т. е. такой мануфактуры, в которой разные рабочие исполняют различные операции последовательной обработки сырья: 1) трепание пеньки; 2) чесание; 3) прядение; 4) свертывание в «бухтины»; 5) смоление; 6) разматывание на барабане; 7) пропускание ниток со станка в продырявленную доску; 8) пропускание ниток в чугунную втулку; 9) скручивание жгутов, свивание канатов и собиранье их (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 396—397).

⁴⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 370—371. Таблица.

Осинцевской волостях Кунгурского уезда канатов и веревок выдвльвалось до 22 тыс. пуд. на сумму 51500 руб.⁴⁹. В 1898 г. в южной части Ирбитского уезда было 40 веревочно-пряильных заведений со 115 работающими семейными и 87 наемными рабочими и суммой производства от 56 до 57 тыс. руб.⁵⁰. Чистого дохода на каждое заведение приходилось до 321 руб. в год. Прядение веревок производилось преимущественно в зимнее время на деревянных станках простейшей конструкции, а в крупных заведениях — на станках с конным приводом. Таких заведений было три (в Скородомской волости). На одном станке работало не меньше трех человек. Сырье — волокно конопли приготавливалось в собственном хозяйстве. В 12 заведениях уезда годовая выработка составляла 805 пуд. на сумму 2633 руб.

В 1901—1905 гг. центрами веревочно-канатного производства оставались Ирбитский, Кунгурский и Пермский уезды, развитие веревочно-канатное производство имел и Соликамский уезд. Крупные заведения этих уездов имели от 17 до 35 рабочих. Так, в Ирбитском уезде, в Скородомской волости, в д. Молоково в заведении А. Г. Пономарева работало 35 человек, заведение работало круглый год; у А. Н. Пономарева — 20 рабочих, работа длилась 8 месяцев; и у Г. А. Молокова — 14 рабочих, рабочий период — 12 месяцев⁵¹; у Н. И. Дремина в выселках Дремин Усть-Кишертской волости Кунгурского уезда работало 17 человек в течение 8 месяцев⁵². Здесь были заведения с 6,8, 9 и 56 рабочими. В д. Голдырево Усть-Кишертской волости в канатно-пряильном заведении крестьянина Н. Е. Голдырева, основанном в 1856 г., вырабатывалось канатов, буксирных снастей, веревок, отворот и шеймов разных сортов 12 тыс. пуд. на 51,8 тыс. руб. Рабочих было 48. В заведении П. О. Голдырева, основанном в 1825 г., работало 56 чел. Их годовая производительность составляла 32,3 тыс. руб. В д. Низкая, в канатном заведении Н. К. Дремина (основано в 1875 г.), вырабатывалось канатов на 40,7 тыс. руб. и шпагата на 2,1 тыс. руб. Работало 37 человек. В заведении П. С. Ковина (основано в 1882 г.) выработка достигла 23 тыс. руб. Рабочих было 44, в том числе на дому 7. В заведении С. Д. Дремина (основанном в 1881 г. и находившемся в д. Дремина) канатов вырабатывалось на 22,2 тыс. руб. и шпагатов на 1,1 тыс. руб. Рабочих было 34. В д. Медведево, Осинцевской волости в заведении мещанина М. Ф. Мед-

⁴⁹ Обзор Пермской губернии за 1897 г., Пермь, 1898, стр. 47.

⁵⁰ «Пермские губернские ведомости», 1898, стр. 248.

⁵¹ Мелкие промышленные заведения, стр. 151.

⁵² Там же, стр. 88.

ведова 19 рабочими вырабатывалось канатов, веревок и шпагатов в год на 8 тыс. руб.⁵³. У И. И. Лаптева в д. Филина Кыласовской волости Соликамского уезда в канатно-веревочном заведении было 24 рабочих, работа продолжалась 7 месяцев в году⁵⁴. У К. Е. Дразникова в д. В.-Бутканова Ильинской волости Пермского уезда работало 20 человек, рабочий период — всего 4 месяца⁵⁵. В заведении инженера-технолога Н. Н. Новокрещенных в д. Фролова, В.-Муллинской волости Пермского уезда было 24 рабочих. В год вырабатывалось канатов и веревок на 27,3 тыс. руб.⁵⁶.

Таким образом, канатно-веревочное производство во второй половине XIX века находилось на различных стадиях социального развития: от мелких заведений в форме капиталистической семейной кооперации до крупных в форме капиталистической мануфактуры (пряжение и скручивание веревок) и капиталистической фабрики. Владельцами мелких предприятий были по преимуществу крестьяне, мануфактур и фабрик — торгующие крестьяне и купцы. Среди владельцев заведений Ирбитского уезда встречались крестьяне, выходцы из Ардатовского уезда Нижегородской губернии.

Канатно-веревочное производство тесно было связано с развитием торгового земледелия и капиталистических отношений в крестьянском хозяйстве. Сбыт продукции осуществлялся самостоятельно крестьянами-кустарями и через скупщиков на горные заводы, на ярмарки, крестьянам, занимавшимся извозом, судовладельцам. В то же время размещение заведений по производству канатов, веревок и веревочной сбури по губернии указывает на то, что горнозаводское население этого промысла не знало. Это еще раз доказывает то, что, имея сенокосы для обеспечения лошадей и коров кормом, горнозаводское население сельским хозяйством, как таковым, не занималось.

* * *

Данными по производству холста мы почти не располагаем, так как его выработка носила, можно предполагать, характер домашнего производства. Причем часть домашних заведений была подчинена скупщикам. У крестьян скупщики скупали холсты и продавали большими партиями на ярмарках и заводах.

Для крупчаточных мельниц по р. Исети в 1875 г. владельцами было заготовлено холста 3930 тыс. аршин. Этот холст

⁵³ Список фабрик и заводов, стр. 104, 105.

⁵⁴ Там же, стр. 45.

⁵⁵ Там же, стр. 68.

⁵⁶ Список фабрик и заводов, стр. 105.

закупался на ярмарках по 5 коп. за аршин на сумму 196500 руб. и у доставлявших его на мельницы окрестных крестьян Екатеринбургского, Камышловского и Шадринского уездов⁵⁷.

В обзоре Пермской губернии за 1897 г. промелькнуло сообщение о том, что в Камышловском уезде распространена была выделка домашнего холста из льняной пряжи. Изготовлено для продажи около 314 тыс. аршин на сумму около 32 тыс. руб. Промысел примитивный. Здесь же, особенно в Талицкой, Китайской и Никольской волостях, до 129 человек изготовляли крестьянскую одежду на заказ⁵⁸.

В 1889—1893 гг. действовала всего одна льнопрядильная механическая ткацкая фабрика Е. Т. Жиряковой при д. Комошкиной Екатеринбургского уезда. На фабрике работало 207 человек, в том числе женщин — 89, подростков: 4 мужского пола и 10 женского⁵⁹. До 1893 г. часть ручных ткацких станков была заменена механическими. Ручные станки были розданы ткачам, которые ткали для фабрики, получая от нее пряжу. Поэтому фабрика выпускала больше полотна, чем позволяли имевшиеся на ней ткацкие станки⁶⁰. В 1901 г. на этой фабрике, принадлежавшей В. С. Жирякову, насчитывалось 188 (350) рабочих. Фабрика выпускала льняные мешки — около 800 тыс. шт. на 200 тыс. руб., суровые льняные нитки, около 3,5 тыс. пуд. на 40 тыс. руб. Годовая производительность фабрики около 240,0 тыс. руб. Перерабатывалось льна до 5 тыс. пуд. на 25 тыс. руб., кудели до 30 тыс. пуд. на 80 тыс. руб.⁶¹.

Льнопрядильная ткацкая фабрика «Т-во «Бр. Макаровы» была основана в 1898 г. в г. Екатеринбурге. Выработывала она льняные мешки. Годовая производительность фабрики — 358 тыс. руб., количество рабочих — 483⁶².

Дорисовывает картину производства холста состояние крапильного или синильного дела. Промысел этот в Пермской губернии носил исключительно ремесленный характер — окрашивание домашних тканей крестьян⁶³. В Кунгурском уезде, в волостях Асовской, Березовской и Усть-Кишертской синильным промыслом занято было до 25 человек с чистым доходом до 2 тыс. руб., при сумме производства 6700 руб.⁶⁴. По данным на 1899 г. в уезде вырабатывалось до 1300 аршин холщевых

⁵⁷ ПГВ, 1876, № 26.

⁵⁸ Обзор Пермской губернии за 1897 год, стр. 41.

⁵⁹ ГАПО, ф. 65, оп. 1, д. 132, л. 1 об.

⁶⁰ Там же, л. 2 об.

⁶¹ Список фабрик и заводов, стр. 105.

⁶² Там же.

⁶³ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 329.

⁶⁴ Обзор Пермской губернии за 1897 г., стр. 46.

скатертей. Сбывались они на ярмарках Кунгурского, Пермского, Осинского и Красноуфимского уездов⁶⁵. Ткацкий промысел (холста) был развит в Шадринском уезде, где им было занято около 1300 человек⁶⁶.

Более подробные сведения о выработке холста мы можем почерпнуть из данных о красильных заведениях в губернии. Их насчитывалось:⁶⁷ в 1865 г. — 9 с суммой производства 1992 руб. при 10 рабочих; в 1878 г. — 27 с суммой 6301 руб. при 31 рабочем (в том числе 27 семейных в красильных и набивных); в 1885 г. — 12 с суммой 5000 руб. при 22 рабочих; в Осинском уезде красильным промыслом занималось 45 дворов с ценностью производства в 1820 руб.⁶⁸ В 1900 г. в Екатеринбургском уезде красильным промыслом занято было 20 дворов в 13 селениях с суммой производства 6489 руб.⁶⁹ В 1901—1905 гг. насчитывалось 445 синильных заведений с числом рабочих 637, они производили продукции на сумму около 929 тыс. руб.⁷⁰

Следует заметить, что в красильных заведениях осуществлялась синька холста и пряжи в мотах. Синька холста оценивалась от 3 до 14 коп. за аршин, пряжи от 1 до 12 коп. за фунт. Помимо синения, производилась набойка холста кубовой краской, поэтому в сумму производства этих заведений вошла стоимость всех выполненных работ.

Одного белого холста по Камышловскому, Кунгурскому, Оханскому, Пермскому и Екатеринбургскому уездам было в 1878 г. осинено и произведена набойка кубовой краской 188800 аршин, причем в Пермском уезде, в Ильинской волости (5 владельцев), Средне-Етвинской волости (в. д. Садковой) и в Кривецкой волости (д. Клепцина и д. Субботина) (всего 8 владельцев) было окрашено холста 110 тыс. аршин на 2970 руб. Работали сами владельцы с семьями⁷¹. В Оханском уезде 8 владельцев-крестьян при двух наемных рабочих окрасили в синий и голубой цвета 22 тыс. аршин холста на 1207 руб. Здесь промысел был распространен в Павловской, Вознесенской и Новоильинской волостях. Заведения были

⁶⁵ Там же, за 1899 г., Пермь, 1900, стр. 43.

⁶⁶ Обзор деятельности земств по кустарной промышленности (1865—1897) СПб, 1897, стр. 90.

⁶⁷ За 1865 г. ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 3, ед. хр. 2349, л. 19 об. (стр. 14); за 1878 г. — ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 12, ед. хр. 151 об, лл. 410—451. Подсчеты и группировка наши; за 1885 г. — ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 12, ед. хр. 255, л. 8.

⁶⁸ И. С. Сигов. Очерк двадцатилетней деятельности Осинского земства. Оса, 1891, стр. 15.

⁶⁹ Обзор Пермской губернии за 1900 г., Пермь, 1901, стр. 20—21.

⁷⁰ Мелкие промышленные заведения, стр. XIV—XV.

⁷¹ ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 12, ед. хр. 151 б, лл. 429—457. Подсчеты и группировка наши.

оборудованы одним-двумя кубами, редко тремя. Среди владельцев заведений в Оханском уезде были крестьяне Елабужского уезда Вятской губернии.

Таким образом, красильные заведения, как и ткацкие холщевые, носили характер домашнего и ремесленного производства (работы на заказчиков и на дому на скупщиков).

Следовательно, маслобойные заведения как в 70-х, так и в 90-х годах мелкие (с 1—2 рабочими). В 1878 г. к низшему разряду группы мелких кустарных принадлежало 136 заведений и к высшему 2; в 1894—1895 г. из 185 исследованных (всего было зарегистрировано 207) к низшему разряду относилось 109, к среднему и к высшему — 27 заведений. Маслобойные заведения Пермской губернии, в отличие от других районов страны, на протяжении всей второй половины XIX века оставались мелкими.

Канатных заведений было в 1878 г. 24 с суммой производства около 136 тыс. руб. и числом рабочих 311—321. 3 заведения являлись фабриками, 14 заведений относились к среднему разряду мелких кустарных заведений и 7 — к высшему разряду той же группы. В 1894/95 г. только в уездах было зарегистрировано 164 заведения с суммой производства около 107 тыс. руб. при 317 рабочих. Обследовано было 68 заведений, из которых 4 — мануфактурной стадии, 49 — низшего разряда, 7 — среднего и 8 — высшего разряда группы мелких кустарных промыслов. В начале XX столетия канатно-веревочное производство сохранилось и, как было показано выше, приобретало характер крупного капиталистического предприятия в форме мануфактуры и фабрики.

Неизвестно, сколько крестьян в 1875 г. производило на дому холсты для продажи. Цифра 3930 тыс. аршин холста, закупленного для крупчаточных мельниц на сумму 196,5 тыс. руб., дает основание предполагать, что промысел этот был развит значительно. Много льна шло на выделку скатертей, одежды. В 1897 г. на одной льноткацкой фабрике в губернии в г. Екатеринбурге выработано было холста при 215 рабочих на 270 тыс. руб. Красильное или синильное производство носило ремесленный характер.

Наконец, мы видим, что процесс развития торгового земледелия в связи с емким внутренним рынком глубоко проник в крестьянскую общину и вызвал значительный ее раскол на социальнопровитовоположные группы.

Многие крестьянские промыслы служили характерным признаком процесса разложения крестьянства на сельский пролетариат и сельскую буржуазию, а также формой развития буржуазных классов в уральской деревне.

П. А. Огибенин

ИЛЬИНСКИЙ ТЕАТР В XIX ВЕКЕ

Одно из своеобразнейших явлений русской жизни XVIII—XIX вв. представляет собой крепостной театр.

Мысль об использовании бесплатного труда крепостных для театральных затей возникает почти одновременно с началом профессионального театра в России. Но только в начале 1770 годов был открыт один из ранних крепостных театров (в прямом смысле этого слова) — домашний театр графа П. Б. Шереметева в его подмосковном имении Кусково. А к началу XIX в. в России уже «не было ни одного богатого помещичьего дома, где бы не гремели оркестры, не пели хоры и где бы не возвышались театральные подмостки, на которых приносили посильные жертвы богиням искусства доморощенные артисты»¹.

Что же обусловило такое широкое и стремительное развитие крепостной сцены?

Основная причина лежала в самой экономической системе феодально-помещичьей России, позволившей к концу XVIII в. сосредоточить в руках дворянства несметные земельные богатства и окончательно закабалить крестьянство. «Поместья некоторых вельмож — Шереметевых, Строгановых, Голицыных, Апраксиных, Потемкиных, Воронцовых, Разумовских и др. не уступали в своей роскоши двору»².

Но главную роль, как пишет исследователь по истории русского драматического театра С. С. Данилов, играли социальные и политические причины: во-первых, именно в 1770 годах дворянская аристократия вынуждена была отойти от активного участия в политической жизни страны, а в связи с этим обострилось ее стремление всемерно поднять значение родовых помещичьих «вотчин», противопоставить их императорскому двору, и, во-вторых, с изданием манифеста «Об уч-

¹ М. И. Пыляев. Полубарские затеи. «Исторический вестник», 1886, сентябрь.

² Э. М. Бескин. Крепостной театр. М. — Л., 1927, стр. 4.

реждении для управления губерниями» (1775) у помещного дворянства возникло тщеславное равнение на то, что делает «первая помещица» — императрица. Словом, не столько тяготение к искусству, сколько главным образом расчетливое желание во всем подражать царскому двору вызвало к жизни крепостной театр»³.

Известен, хотя и частично, репертуар 22 крепостных театров из 173, зафиксированных в печатных источниках⁴.

Однако о существовании крепостного театра на Урале не содержится сведений ни в одном крупном исследовании, посвященном истории театра⁵.

В одной из послевоенных статей пермский краевед А. К. Шарц говорит о возникновении в 1825 г. старейшего театра в селе Ильинском⁶, однако он не делает ссылок на первоисточники.

Свердловским собирателем Ю. М. Курочкиным сделана первая попытка собрать и систематизировать большой материал о театральном прошлом Урала и, в частности, театра в Ильинском, хотя работа его и не претендовала на полноту и законченность исследования⁷.

В «Истории Урала» говорится о возникновении в 20 годах XIX в. театра в Ильинском, инициатором которого стала местная крепостная интеллигенция⁸. Здесь же отмечается, что в пореформенный период «...театры Прикамья (в том числе и Ильинский. — П. О.) пользовались успехом не только у интеллигенции, но и у рабочего зрителя»⁹.

В настоящей статье автор ставит перед собой следующие задачи: на основе архивных материалов, мемуарной литературы, периодической печати проследить историю театра в Ильинском на протяжении всего XIX в., выявить хронологические рамки его существования, репертуар исполняемых произведений, состав исполнителей: актеров, художников, музыкантов, а также и социальный состав зрителей.

Село Ильинское — одно из старых поселений Пермской губернии — принадлежало Строгановым, богатым меценатам,

³ С. С. Данилов. Очерки по истории русского драматического театра. М. — Л., 1948, стр. 144.

⁴ Т. А. Дынный. Крепостной театр. М. — Л., 1933, стр. 111—112.

⁵ Э. М. Бескин. Крепостной театр. М. — Л., 1927; Т. А. Дынный. Указ. соч., С. С. Данилов. Указ. соч.

⁶ А. К. Шарц. Путь театра. Альманах «Прикамье», 1947, № 10, стр. 324.

⁷ Ю. М. Курочкин. Из театрального прошлого Урала. Свердловск, 1957.

⁸ В. В. Мухин. Культура Урала в период капитализма. В кн. «История Урала», т. 1, Пермь, 1963, стр. 223—224.

⁹ Там же, стр. 348.

«...которые были и помещиками и заводчиками, основывали свое господство не на капитале и конкуренции, а на монополии и на своем владельческом праве»¹⁰.

По просьбе Строгановых, царским указом 1817 г. их имение, находящееся в Пермской губернии, преобразовано в заповедное, или майоратное. Майорат был расположен в Пермском, Оханском, Соликамском, Кунгурском и Екатеринбургском уездах.

Для осуществления управления майорат разделялся на шесть округов: Иньвенский, Очерский, Билимбаевский, Добрянский, Ильинский, Усольский. В них были свои управляющие, окружные правления и заводские конторы при заводах. Округа были разделены на 30 более мелких административных единиц, ведомств, которыми управляли сельские и заводские приказчики. Ведомства делились на земские избы, или просто «земские», которыми заведовали старосты, а «земские» в свою очередь дробились на десятины, возглавляемые старожилками.

Такова в общих чертах структура одной из крупнейших горнозаводских вотчин Урала — вотчины Строгановых¹¹.

Строгановы жили в своих вотчинах только до конца XVII в., и позднее уже почти не посещали их. Поэтому управляющими имениями стали назначаться люди более или менее образованные, те же крепостные, но «прошедшие кое-какую выучку» в Петербурге или окончившие там собственную строгановскую горнозаводскую школу.

В материалах историка Строгановых Ф. А. Волегова сведений о театре нет, отсутствуют также данные о денежных расходах на театр.

Первым, кто оставил печатное свидетельство об ильинском театре, был П. И. Мельников-Печорский, известный писатель, автор романов «В лесах» и «На горах».

В 1837 г. восемнадцатилетний П. И. Мельников окончил Казанский университет и был оставлен при нем для усовершенствования. Вскоре, однако, за «провинность» он был назначен уездным учителем в захолустный Шадринск Пермской губернии и немедленно «при университетском солдате» отправлен в Пермь¹². Лишь благодаря «милости начальства» его оставили здесь учителем истории и статистики в гимназии.

В Перми будущий писатель прожил менее двух лет, в это

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 485—486.

¹¹ Ф. С. Горовой. Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь, 1961, стр. 30.

¹² П. И. Мельников (Андрей Печерский). Полн. собр. соч. Изд. II, СПб, т. 1, 1909, стр. 24.

время внимательно изучал край, «так, он ездил на Уральские заводы, ища сближения с народом»¹³.

Результатом этих поездок стал один из его литературно-публицистических опытов — «Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь», напечатанные в 1839—1842 годах в журнале «Отечественные записки».

Вот что писал он тогда в восьмой главе «Записок»: «...От лекаря мы отправились — как вы думаете, куда? в театр!!! Да, в театр: в особое здание, исправлявшее прежде должность приходского училища, со сценою, с оркестром, с партером и с креслами. Шутите Ильинском! В самой Перми до сих пор не видывали комедий, а в Ильинском есть театр. И на нем играют не странствующие сыны Мельпомены, нет, актеры имеют в Ильинском постоянные жительства и служат «писчиками» в вотчинном правлении. Мы вошли в театр, освещенный двадцатью сальными свечами и двумя плошками, от которых дым и смрад носился тучею по зале. Народу было множество, потому что пускали в театр даром. Мы разложили носовые платки в креслах и сели. Спектакль начался. Играли «Семейство Старичковых» (пьеса Ф. Ф. Иванова. — П. О.)... Женские роли выполняли мужчины с усами, с небритой бородой, в чепцах, в сарафанах и драдедамовых платках. Чудесно! Приезжие из Перми таяли от удовольствия, жители Ильинского восхищались и не жалели рук для аплодисментов. Назади кричали и дрались мужики, подгулявшие на ярмарке. Спектакль удивительный. Хоть бы и в Перми такой»¹⁴.

Хотя в этом отрывке П. И. Мельников-Печорский указывал на отсутствие театральной группы в Перми в конце тридцатых годов, но уже в 1840 г. труппа П. А. Соколова из Казани посетила Пермь и Вятку¹⁵, а с 1843 г. этот театральный коллектив навсегда переезжает на Урал¹⁶.

Обычно осенью труппа играла в Екатеринбурге, в феврале переезжала в Ирбит, а лето проводила в Перми. Не было блестящих декораций и умопомрачающих костюмов примдонн, но зато разыгрывался репертуар хороших пьес, лучшие силы были крепостные¹⁷.

Случайное дорожное впечатление П. И. Мельникова-Печорского дополняется другими источниками. Это, к примеру,

¹³ Там же.

¹⁴ П. И. Мельников (Андрей Печерский). Изд. М. О. Вольф, 1897—1898, т. 12, стр. 315—316.

¹⁵ Ю. М. Курочкин. «Бабушка уральского театра — Е. А. Иванова», Свердловск, 1969, стр. 44.

¹⁶ Государственный архив Пермской области (ГАПО), ф. 944, оп. 1, д. 335, л. 2.

¹⁷ Д. Н. Мамин-Сибиряк. Собр. соч., т. XII, Свердловск, 1951, стр. 273—274.

рассказ «Катерина Алексеевна» уральской писательницы А. А. Кирпищиковой — сотрудницы «Современника» и «Отечественных записок».

Дочь крепостного, А. А. Кирпищикова детство и юность провела в заводских поселках Прикамья, прекрасно знала жизнь и быт населения этих заводов и их описанию посвятила всю свою литературную деятельность.

Очерк «Катерина Алексеевна» впервые напечатан ею в газете «Екатеринбургская неделя» в 1892 г. В нем дана характеристика отношений, царивших в крепостное время между заводской и управленческой аристократией и молодыми служащими из крепостных, выступавшими в качестве актеров в заводском театре. На фоне этих отношений разыгрывается трагическая история — любовь дочери управляющего и молодого актера, закончившаяся смертью последнего и скандальной свадьбой Катерины Алексеевны¹⁸.

Биографы А. А. Кирпищиковой, в частности М. М. Верховская¹⁹ и И. А. Дергачев²⁰, утверждают, что под названием села Воскресенское в рассказе описано село Ильинское — резиденция главноуправляющего имениями графа Строганова в Прикамье.

И это верно не только потому, что сходное описание театра имеется у П. И. Мельникова-Печорского, но и по множеству бытовых и топографических деталей, характерных только для Ильинского.

«Это было давно лет сорок, а пожалуй, и с хвостиком...»²¹, — говорит старушка-няня, от лица которой ведется рассказ. Если предположить, что А. А. Кирпищикова слушала рассказ старушки (о чем она и сообщает во вступлении), даже будучи взрослой, в 60-х гг., то и тогда простая арифметика подсказывает, что время действия рассказа следует отнести к середине 20-х годов XIX в.²²

«Одно только удовольствие — ...это театр. Он у нас сыздана велся»²³, — сообщает далее рассказчица, подтверждая вывод, что театр в Ильинском существовал задолго до посещения его П. И. Мельниковым-Печорским. «Представляли в нем

¹⁸ П. С. Богословский. Сотрудница «Современника» и «Отечественных записок» пермская писательница А. А. Кирпищикова. В кн. «Пермский краеведческий сборник», вып. II, Пермь, 1926, стр. 87.

¹⁹ А. А. Кирпищикова. Повести, рассказы, очерки. Пермь, 1956, стр. 744.

²⁰ Рассказы и повести дореволюционных писателей Урала. Свердловск, 1956, стр. 483.

²¹ А. А. Кирпищикова. Указ. соч., стр. 600.

²² Ю. М. Курочкин. Из театрального прошлого Урала. Свердловск, 1957, стр. 54.

²³ А. А. Кирпищикова. Указ. соч., стр. 600.

приказчики из вотчинного управления, и очень хорошо и занятно представляли. Были даже и совсем особенные актеры, за то только им и жалование платили, что они в театре играли и кулисы расписывали. Актерок же настоящих спервоначалу не было, а ежели девицу или даму надо изобразить, то помоложе который служащий и изображал»²⁴.

Уже в этом небольшом отрывке мы находим некоторые моменты, сходные с описанием ильинского театра у П. И. Мельникова-Печорского.

В тексте рассказа имеются бытовые детали, представляющие интерес для исследователей истории крепостного театра: «...волосы у него (у героя рассказа — актера Василия Боброва. — П. О.) были волнистые, темные, носил их длинными для того, чтоб ловчее было к длинным волосам косу приплетать и женскую прическу устраивать. А бывало, что и парик надевал, и парики у нас водились, и костюмы всякие²⁵... Всему этому (актерскому искусству. — П. О.) она обучала (Катерина Алексеевна, героиня рассказа, дочь управляющего — П. О.) в компании с режиссером, чин такой был у одного из актеров. Звали этого актера Василием Ивановичем, и всем он в театре заведовал и заправлял... Человек он был уже пожилой и семейный, и сам разных благородных стариков игрывал. Охоту к театру большую имел и, хотя службу нес хорошую, театром улучал время заниматься»²⁶.

«...Каждую неделю по два раза в театры играли, в воскресенье и в четверг, и народу в театре всегда много бывало, да же из соседних сел и заводов с'ежались смотреть»²⁷.

Из рассказа можно узнать также о времени театрального сезона: «...великим постом театр прекратили, на пасхе поиграли немного, а потом роздых дали актерам на все лето»²⁸, о существовании при театре постоянного оркестра, который «музыкой всей заправлял в театре»²⁹, о репетициях: «...как играют что игранное, так к нам не собираются, а как новое что задумают, то непременно у нас вечером репетиция бывала, а то и две»³⁰, о репертуаре: «...Алексей Игнатьевич (т. е. управитель. — П. О.) очень любил все серьезное, то, что драмой называется, а водевили эти так он и не смотрел...»³¹, о наличии суфлера: «...да ведь и суфлер ушел, — сказала

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, стр. 601.

²⁶ Там же, стр. 602.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, стр. 603.

³⁰ Там же, стр. 604.

³¹ Там же.

Катерина Алексеевна»³², о названии исполняемых произведений: «... ну хоть «Филатку и Мирошку» (водевиль Григорьева.— П. О.) поставил бы,— сказала Катерина Алексеевна»³³, о существовании театральных афиш и еще о многом другом.

Очерк А. А. Кирпищиковой подтверждает мнение о том, что театр в Ильинском существовал с начала 20-х годов, а может быть, и еще раньше, что он был постоянно действующим, имел все необходимые условия для работы и пользовался популярностью окрестного населения³⁴.

В статье «К истории театра в Пермской губернии» режиссер ильинского театра П. В. Сюзев указывал на следующий любопытный факт: за весь XIX в. «...начиная с 20-х годов текущего столетия, уже три здания театра сгорело в Ильинском...»³⁵.

Если во времена П. И. Мельникова-Печорского театр занимал здание бывшего приходского училища, то по отзывам другого современника—А. А. Вологодина, впоследствии заведующего Ильинским музеем, «...в 1850-х годах театр существовал в бывшем «столовом» доме, который находился ниже, так называемого семейного дома, сгоревшего в 1874 году»³⁶.

По свидетельству тогдашней периодической печати, «...это полуразвалившееся здание служило когда-то уютной квартирой здешних мелких администраторов, но по сокращении комплекта служащих, оно осталось за штатом и по воле главного ильинского начальства несет теперь громкое название «театр»³⁷.

В этом здании оборудовали театральный зал, здесь же хранили декорации. Если раньше зрители посещали спектакли бесплатно, то теперь с них взималась плата от 10 до 40 коп., причем представления давались только по воскресеньям³⁸.

Спектакли устраивали служащие графини Строгановой³⁹. Сохранились списки этих людей: главноуправляющий графини Строгановой Петр Шарин, служащие правления: Иван Кычигин, Алексей Власов, Михайло Пашихин, Александр Пе-

³² Там же, стр. 605.

³³ Там же, стр. 621.

³⁴ Ю. М. Курочкин. Указ. соч., стр. 56.

³⁵ «Пермские губернские ведомости», № 241, 7 ноября 1899 г.

³⁶ А. А. Вологодин. Село Ильинское. Пермского округа. «Пермский краеведческий сборник», вып. II, Пермь, 1926, стр. 70.

³⁷ «Пермские губернские ведомости», № 29, 9 апреля 1869 г.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

пеляев, крестьянин Абрам Кузнецов, служащий Николай Плотников, крестьяне Александр Кузнецов, Евграф Субботин, Василий Мельников, Петр Лобовиков, Василий Сюезев, Ефим Субботин, Николай Куликов, нарядчик Ефим Дмитриев, член правления Илья Рогов, писарь волостного правления Григорий Симанов, мировой посредник Михайло Клушин, купец Ефим Поносов, главный лесничий А. Е. Теплоухов, крестьянин Петр Боталов, помощник законоучителя священник Данило Чечурин, Максим Заварин, учитель Иван Ширкалин, крестьяне: Игнатий Симанов, Абрам Симанов, Петр Жданов, служащий Платон Малых, законоучитель священник Иоанн Салмин, служащий Павел Шумков, церковный староста Александр Симанов, учитель Петр Субботин, служащие: Николай Теплоухов, Петр Голубев, Александр Чернышев, Филипп Кокаровцев, фельдшер Николай Колеснев, служащие Василий Пономарев, Данило Падучев⁴⁰.

Как и прежде, женские роли исполняли мужчины, ибо выступать женщине на сцене считалось еще зазорным. Мужчины с женоподобными лицами жеманничали и старались уподобляться женщинам⁴¹. Как пишет очевидец игры итальянских актеров, «...публика не всегда довольна, вероятно, аффектацией артистов, перерождением из модника артиста в этикетную артистку... и из этого выходят неприятные карикатуры»⁴².

В другой театральной рецензии, наоборот, подчеркивается удачная игра местных актеров: «19 февраля 1869 года любителями были сыграны: 1. комедия «Тяжелые дни», соч. Островского и 2. народный водевиль «Солдат — балагур», соч. Григорьева. Пьесы эти, в общем, не входя в частности, были сыграны очень хорошо»⁴³.

Репертуар этого времени дополняют воспоминания А. А. Вологодина: «...Особенно в моде были тогда водевили с пением. Музыку для водевилей поставлял местный музыкант и вместе художник Юшков, талантливый человек... На сцене шли не одни «Филатки и Мирошки», но ставились и пьесы Островского, и «Женитьба» и «Ревизор» Гоголя»⁴⁴.

Недавно появились новые сведения о крепостном С. П. Юшкове. Он учился у своего однофамильца Гаврилы Юшкова, затем служил регентом хора в Ильинском, был учителем музыки и рисования, в середине прошлого века писал портреты, иконы, оформлял спектакли в Ильинском теат-

⁴⁰ Там же, № 39, 14 мая 1866 г.

⁴¹ А. А. Вологодин. Указ. соч., стр. 70.

⁴² «Пермские губернские ведомости», № 29, 9 апреля 1869 г.

⁴³ Там же, № 19, 5 марта 1869 г.

⁴⁴ Ю. М. Курочкин. Указ. соч., стр. 56—57.

ре. В Пермской художественной галерее находится пять живописных работ С. П. Юшкова, две хранятся в Свердловском краеведческом музее, еще одна принадлежит Ильинскому краеведческому музею⁴⁵.

В 1874 г. в связи с пожаром театра, уничтожившим все оставшиеся еще от крепостных времен костюмы, декорации и бутафорию, а также и само здание, постоянный театр в Ильинском прекратил свое существование, до 1888 г. спектаклей в Ильинском не было⁴⁶.

Только в феврале 1888 г. был снова открыт любительский театр в здании бывшего приходского училища напротив того же «семейного» дома⁴⁷. Состоялась подписка на первоначальное обзаведение театра, «давшая сбору до 50 рублей», которые и были затем израсходованы на внутреннее устройство и приобретение мебели⁴⁸.

Во время театральных представлений как сцена, так и зал освещались теперь стеариновыми свечами, «обстановка, хотя и не взыскательная, но все сделано, как в настоящем театре — есть партер, ложи и даже раек... Играет в театре кружок любителей из местной интеллигенции и только зимой. Плата доступная, чуть ли не с 5 коп; а потому зрительный зал никогда не пустует...»⁴⁹.

В течение нескольких лет ильинцы проводили спектакли и с благотворительной целью. Так, 6 и 27 декабря 1891 г. в пользу голодающих они дали два спектакля, чистый остаток, переданный в местный благотворительный комитет составил 64 р. 80 к. При этом распорядители спектаклей А. А. Вологдин, М. Н. Чудинов и В. Замараев просили передать благодарность как любителям, участвовавшим в спектаклях, так и присутствовавшей публике⁵⁰.

6 декабря 1896 г. в пользу строящейся школы в деревне Кленовой ставились две пьесы: «В селе Знаменском» — сцены из народной жизни и водевиль «Простушка и воспитанная». Обе пьесы прошли, по отзывам пермской печати, очень хорошо, и любители неоднократно награждались аплодисментами.

Роль Рябушкина — кузнеца — особенно удачно играл Ф. А. Плюснин, каждый выход которого на сцену сопровождался овациями. Хорошо «провели свои роли» Бессонов,

⁴⁵ «Вечерняя Пермь», № 209, 6 сентября 1971 г.

⁴⁶ А. А. Вологдин. Указ. соч., стр. 70.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ «Пермские губернские ведомости», № 14, 17 февраля 1888 г.

⁴⁹ Там же, № 75, 18 сентября 1891 г.

⁵⁰ Там же, № 5, 15 января 1892 г.

Л. И. Теплоухова, А. П. Плюснина и др.⁵¹ 29 декабря 1898 г. в пользу местного женского училища ильинцы поставили комедию «Жених из ножевой линии» и водевиль «Предложение»⁵². Полгода спустя, 20 июля снова для того же училища были сыграны пьесы «Беда от нежного сердца», «Молчание» и «Летние картинки»⁵³ и, наконец, 23 апреля 1900 г. в пользу фонда сбора средств на постройку памятника основателю русского театра Ф. Г. Волкову любители Ильинска поставили комедию «Лес» А. Н. Островского⁵⁴.

Как и раньше, театр охотно посещался зрителями. В одной рецензии «Пермские губернские ведомости» встречаем сообщение о социальном составе присутствовавших: «зрители состояли почти исключительно из простонародья, места буквально расхватаны публикою,— всего было более 200 человек»⁵⁵.

Интерес к спектаклям был настолько велик, что на них приезжала интеллигенция из окрестных сел⁵⁶.

Игра ильинских актеров настолько захватывала, что после каждого действия раздавались дружные аплодисменты и «многочисленные вызовы присутствовавших»⁵⁷, любимые актеры вызывались на сцену, и им дарили подарки⁵⁸. Как по ходу пьес, так и в антрактах почти всегда играл струнный оркестр местных любителей под управлением Наумова⁵⁹.

После отъезда Ф. А. Плюснина в Пермь в 1897 г. на его место в кружке местных любителей драматического искусства режиссером был назначен Павел Васильевич Сюезев, впоследствии профессор Пермского университета.

Удалось (правда, неполностью) выявить репертуар театра в Ильинском с 1896 по 1900 г. Исполнялись следующие произведения: «Лес»⁶⁰, «Не так живи как хочется»⁶¹ А. Н. Островского, а также другие комедии этого автора, «Женитьба» Н. В. Гоголя⁶², «Медведь»⁶³ и «Предложение» А. П. Чехова⁶⁴, «Чужое добро впрок не идет» А. А. Потехи-

⁵¹ «Пермские губернские ведомости», № 268, 17 декабря 1896 г.

⁵² Там же, № 4, 6 января 1899 г.

⁵³ Там же, № 157, 24 июля 1899 г.

⁵⁴ Там же, № 91, 28 апреля 1900 г.

⁵⁵ Там же, № 32, 11 февраля 1896 г.

⁵⁶ Там же, № 268, 17 декабря 1896 г.

⁵⁷ Там же, № 270, 14 декабря 1897 г.

⁵⁸ Там же, № 50, 4 марта 1897 г.

⁵⁹ Там же, № 4, 6 января 1898 г.

⁶⁰ Там же, № 91, 28 апреля 1900 г.

⁶¹ Там же, № 268, 17 декабря 1896 г.

⁶² Там же, № 241, 7 ноября 1899 г.

⁶³ Там же, № 275, 19 декабря 1898 г.

⁶⁴ Там же, № 4, 6 января 1899 г.

на⁶⁵, «Бобыль» П. А. Плавильщикова, «В селе Знаменском», «В старые годы», «Мирская вдова», «Майорша» И. В. Шпажинского⁶⁶, «Святки» Стаховича⁶⁷, «Жених из ножевой линии» А. А. Красовского⁶⁸, «Через край»⁶⁹ и «Суженый — ряженый» Тихонова⁷⁰, «Простушка и воспитанная» Д. Т. Ленского, «По кровавым следам» Грессера⁷¹, «Не зная броду, не суйся в воду» Мансфельда⁷².

Чем же объяснить столь долгое существование театра в Ильинском как до реформы, так и после нее? Большинство крепостных театров в последние десятилетия существования крепостного права исчезли как разновидность поместных барских затей для собственного удовольствия. «Владельцы крепостных театров начинали предпочитать сделки с провинциальными антрепренерами, передавая в их распоряжение отдельных актеров и целые труппы, сохраняя за собой лишь общий контроль при помощи специальных надзирателей»⁷³.

Однако на Урале связи между театром крепостных в Ильинском и профессиональным театром в Перми не наблюдались. Недаром Л. Е. Иофа в исследовании «Города Урала» подчеркивал следующий момент: «Факт обгона заводскими селениями административных феодальных городов по величине, благоустройству и культуре был, конечно, знамением времени, показателем возросших внутренних сил промышленности,.. уральские заводские рабочие, соприкасаясь в течение ряда поколений с промышленной техникой, обогнали в культурном отношении не только крестьян, но и городских мещан; при заводах создавалась уже значительная прослойка высоко-талантливой технической интеллигенции, стоявшей в культурном отношении, конечно, много выше городского чиновничества»⁷⁴.

Эта крепостная интеллигенция, положившая в двадцатых годах прошлого века начало своему театру, была так же, как и все крепостные горнозаводского Урала, привязана к заводам правлением Строгановых. Ее удерживала на месте привычная работа, дом, хозяйство, семья.

⁶⁵ Там же, № 32, 11 февраля 1896 г.

⁶⁶ Там же, № 241, 7 ноября 1899 г.

⁶⁷ Там же, № 50, 4 марта 1897 г.

⁶⁸ Там же, № 91, 26 апреля 1898 г.

⁶⁹ Там же, № 270, 14 декабря 1897 г.

⁷⁰ Там же, № 4, 6 января 1898 г.

⁷¹ Там же, № 268, 17 декабря 1896 г.

⁷² Там же, № 270, 14 декабря 1897 г.

⁷³ С. С. Данилов. Русский драматический театр XIX в. I половина XIX в., т. I, М. — Л., 1957, стр. 147.

⁷⁴ Л. Е. Иофа. Города Урала. ч. I, М., 1951, стр. 313—314.

Несмотря на стихийные бедствия (пожары, уничтожившие три театральные здания), хотя и со значительным перерывом (в 14 лет), начиная с 1888 г. ильинские любители театрального искусства вновь стали давать спектакли, которые на всем протяжении века охотно посещались не только местными жителями из «простонародья», но и интеллигенцией, приезжавшей из окрестных сел и городов.

Репертуар Ильинского театра свидетельствует о постоянстве постановок пьес в первую очередь русских драматургов, таких как Ф. Ф. Иванов, А. Н. Островский, Н. В. Гоголь, А. П. Чехов и др., и значительно реже — иностранных авторов. Приведенные выше сведения проливают свет на наиболее «теневую» проблему в изучении истории театра в Ильинском — репертуар, изучение которого затрудняется отсутствием достаточных сведений. Между тем анализ его крайне важен, так как именно репертуар определяет творческую деятельность театра. Ильинские актеры, писчики, служащие и интеллигенция, несмотря на трудные условия жизни, и на то, что магнаты Строгановы не выделяли средств для театра, несли в народные массы идеи прогрессивной русской культуры, те идеи, которые они пропагандировали с помощью такой большой силы, как театр.

СОДЕРЖАНИЕ

А. С. Черкасова. О характере закрепления горнозаводских кадров на Урале в 1 половине XVIII века	3
В. В. Мухин. Всеволодоблагодатские золотые промыслы в первой половине XIX века (из истории золотодобывающей промышленности Урала)	20
С. А. Орлова. Деятельность М. Д. Муравского в период создания «Земли и Воли» 1860-х годов	33
Я. Б. Рабинович. Революционная пропаганда среди рабочих Урала в 70—80-х годах XIX века	48
Л. А. Трефилова. Практическое осуществление закона 1893 года о поземельном устройстве горнозаводского населения в посессионных округах Пермской губернии	67
М. И. Черныш. Возникновение и рост предприятий по технической обработке волокнистых веществ в Пермской губернии в пореформенный период	79
П. А. Огибенин. Ильинский театр в XIX веке	98

Литературный редактор
Н. В. Петрова
Технический редактор
И. Ф. Портон
Корректор В. Н. Андрейченко

Подписано к печати 25/І 1973 г. Формат бумаги 60×90¹/₁₆.
ЛБ02018 Заказ 2042 Тираж 600 экз. Объем 7 п. л. Цена 80 коп.

Книжная типография № 2, Пермь, Коммунистическая, 57.